

65-74
101

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

Во имя дружбы с народом Кореи

*Воспоминания
и статьи*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1965

Редакционная коллегия:

*В. А. ИВАНОВА, Н. Г. ЛЕБЕДЕВ,
М. Ю. ХАН, Ф. И. ШАБШИНА*

Индекс $\frac{1-11\ 2}{1656-65}$

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать лет назад вооруженные силы Советского Союза, разгромив Квантунскую армию, освободили Корею от ига японского империализма.

Коренным образом преобразилась земля Северной Кореи, обильно политая потом, слезами и кровью ее народа. Полуфеодальная, нищая колония превратилась в одно из развитых социалистических государств Азии.

* * *

Поработив в 1910 году Корею, японские империалисты грабили ее «с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских»¹. Однако тяжелые испытания, выпавшие на долю корейского народа, не сломили его. В течение многих лет страну сотрясали мощные освободительные бои.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции народ Кореи, как и народы других колониальных и зависимых стран, обрел в лице Советского государства могучую опору, верного защитника, помощника и друга. Многие корейские патриоты, понимая, что от судеб первого в мире государства рабочих и крестьян зависит и будущее Кореи, с оружием в руках боролись на русском Дальнем Востоке против интервентов и белогвардейцев.

¹ В. И. Ленин, *Собрание актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г. Доклад о концессиях*, — Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 61.

Идеи марксизма-ленинизма, которые Октябрь донес до Кореи, победоносный опыт Страны Советов открыли перед корейским народом реальные возможности национального освобождения и социального прогресса, вдохновили его на революционные битвы. Народные восстания и антиимпериалистические демонстрации, забастовки рабочих и крестьянские волнения, выступления учащихся и героическая партизанская борьба под руководством коммунистов — все эти движения, порожденные внутренними факторами, вместе с тем отражали воздействие Великого Октября.

Советской стране история предназначала первой прокладывать путь к коммунизму, выполняющему историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны.

«Даже в самые мрачные дни японского господства, — пишет Ким Ир Сен, — подлинные патриоты Кореи находили источник своих сил в растущем могуществе великого Советского Союза и, видя в его лице своего спасителя, боролись с нестигаемой стойкостью и упорством»².

Советское государство не обмануло надежд корейских патриотов. Верное идеям пролетарского интернационализма, оно вызвало Корею из-под гнета империалистической Японии. Нелегкой была эта задача. Не триумфальным маршем шла по стране Красная Армия. Много жизней отдали советские люди за свободу Кореи.

Памятные дни августа 1945 года. Только что победоносно закончилась на Западе война против гитлеровской Германии, но на Дальнем Востоке еще не был погашен опасный очаг войны. Правительство СССР, выполняя свои союзнические обязательства и претворяя в жизнь принципы защиты суверенных прав народов, поддержки их освободительной борьбы, объявило 8 августа 1945 года войну империалистической Японии. И на следующий день из районов Забайкалья, Благовещенска и Приморья началось наступление советских войск. Развивая его на суше, на море и в воздухе, Красная Армия освобождала города и села Северо-Восточного Китая и Кореи.

Вступление Советского Союза в войну с Японией предопределило исход войны.

В результате 15-дневных боев войска Забайкальского, 1-го Дальневосточного и 2-го Дальневосточного фронтов, корабли и части Тихоокеанского флота освободили всю Маньчжурию, Северную Ко-

² Ким Ир Сен, *Избранные статьи и речи*, М., 1962, стр. 326.

рею, Южный Сахалин и острова Самусю и Парамушир из группы Курильских островов.

По дорогам войны в Маньчжурии и Корее ведут нас опубликованные в книге воспоминания Н. Г. Лебедева, М. А. Бабикова, Г. В. Терновского. Различны были служебное положение, воинские звания авторов. Так, Николай Георгиевич Лебедев был генерал-майором, членом Военного совета армии, Георгий Владимирович Терновский — капитаном 3-го ранга, а Макар Андреевич Бабиков — главным старшиной военно-морского флота. Но они сражались во имя одной цели — во имя мира, во имя независимости, братства и счастья народов.

Словно живые кусочки истории воспринимаются скупые строки воспоминаний. И хотя авторы не пытаются воспроизвести полную картину тех памятных дней, перед взором читателя открывается суровая героика войны с ее жертвами и страданиями, ликование освобожденного народа, его забившееся с неумолимой силой революционное творчество. Тысячи советских офицеров, солдат, матросов, участвовавших в освобождении Кореи, удостоены высоких правительственных наград. Авторам публикуемых воспоминаний — Макару Андреевичу Бабинову и Георгию Владимировичу Терновскому за проявленные ими отвагу и мужество присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Но самой большой наградой для них, как свидетельствуют воспоминания, было сознание выполненного интернационального долга, нерушимая дружба с корейским народом, которую навечно скрепила пролитая в боях кровь.

* * *

Освобождение страны от японского империалистического господства обеспечивало решение национально-освободительных задач корейской революции. Но по какому пути идти дальше?

Победа Октября и возникновение социалистической системы открыли Корее, как и другим колониальным и зависимым странам, возможность вступления на социалистический путь, полностью или частично минув капитализм. Укрепление сил социализма на мировой арене после второй мировой войны значительно расширило эту возможность. Народ Северной Кореи, которая была освобождена от японского колониального ига в период создания мировой системы социализма, единодушно выбрал путь социалистического развития. Он вел к возрождению страны, к ее полной политической и экономической независимости, к подъему ее экономики и культуры, рос-

ту благосостояния масс. Находившаяся в Северной Корее Красная Армия создала все условия для претворения в жизнь воли северо-корейских народных масс.

Воспоминания Н. Г. Лебедева и Б. В. Щетинина раскрывают перед нами первые страницы жизни Северной Кореи после освобождения, когда народные массы во главе с Коммунистической (Трудовой) партией закладывали основы новой жизни, народно-демократического строя.

Трудна была эта задача для истерзанной колониализмом страны. Советская страна всеми имеющимися в ее распоряжении средствами пришла на помощь братскому народу, хотя сама она переживала крайне тяжелое время, залечивала раны небывало изнурительной четырехлетней войны. Из воспоминаний авторов мы видим, что там, где было тяжело, на самых решающих, самых сложных участках восстановления и строительства плечом к плечу с корейскими патриотами трудились советские люди.

Находившиеся в рядах 25-й армии одетые в солдатские шинели специалисты мирных профессий — инженеры и учителя, агрономы и машинисты, химики и горняки делились своими знаниями и опытом, помогали готовить национальные кадры, помогали пускать заводы и шахты, электростанции и вводить в действие транспорт, создавать, перестраивать, расширять больницы, школы, клубы. Красная Армия передала законному хозяину — народу шахты и рудники, промышленные предприятия, ирригационные сооружения, средства транспорта и связи, банки, которыми владели в Корее японцы.

Авторы воссоздают и картину той поддержки, которую оказывали советские люди становлению государственности в Северной Корее, проведению демократических реформ. Они делились с корейскими товарищами великим опытом преобразования общества в первой стране социализма.

Сам факт пребывания в Северной Корее армии Советского Союза в огромной мере облегчал корейским трудящимся задачу революционного переустройства, ибо парализовал силы корейской и международной реакции.

За годы мирного строительства народные массы Северной Кореи во главе с Трудовой партией достигли больших успехов. В 1948 г. была создана Корейская Народно-Демократическая Республика — первое на корейской земле суверенное демократическое государство.

Развязанная в 1950 году американскими империалистами война прервала мирный созидательный труд корейского народа. Снова

залпы орудий сотрясали страну. Но если в августе 1945 года они возвещали независимость, если советские воины пришли в страну, для того чтобы освободить ее, то в 1950 году американские интервенты пытались уничтожить самостоятельность республики и революционные завоевания ее народа, перебросить пожар войны в Китай и другие страны.

Мужеством народа назвал свои воспоминания о тех днях журналист Виталий Сергеевич Латов, бывший корреспондентом ТАСС в КНДР.

Все страны социалистического сотрудничества оказали народу Кореи материальную и моральную поддержку. Непосредственное участие в военных действиях приняли китайские народные добровольцы. Обо всем этом рассказывает В. С. Латов. На международной арене Советский Союз и другие социалистические страны энергично выступили за мирное урегулирование корейского конфликта, используя весь свой авторитет.

И одержало победу мужество народа, помноженное на активную поддержку братских стран и возглавленную ими борьбу всех свободолюбивых народов против интервенции, за мир в Корее.

Поражение интервентов, свидетельствуя об отваге и героизме корейского народа, вместе с тем показало, что объединенные силы социалистического содружества надежно охраняют независимость и революционные завоевания каждой из входящих в него стран от посягательств империалистической реакции.

Трехлетняя опустошительная война нанесла огромный ущерб молодой республике, отбросила далеко назад ее народное хозяйство. Начался новый восстановительный период, еще более трудный, чем первый. И снова Советский Союз и другие братские страны, верные своему интернациональному долгу, протянули корейскому народу руку помощи. Народная мудрость гласит, что друг познается в беде. На своем опыте имели возможность убедиться в этом труженики Кореи.

Оборудование, сырье и топливо, строительные материалы и сельскохозяйственные машины, химические удобрения и медикаменты, продовольствие и предметы народного потребления, оборудование для научно-исследовательской работы и техническая документация шли в народную Корею из братских стран, ускоряя и облегчая восстановление и развитие ее народного хозяйства. Рука об руку с корейскими рабочими, инженерами, техниками, учеными трудились посланцы СССР, Чехословакии, ГДР, Польши, Китая, Венгрии и других социалистических стран. И многие корейские стройки по праву могут быть названы детищем интернациональной дружбы.

Советский Союз безвозмездно предоставил КНДР в 1954—1956 годах один миллиард рублей, а в 1956 году — еще 300 миллионов рублей.

Более 40 крупнейших промышленных объектов строилось и восстанавливалось в КНДР при содействии Советского Союза. В числе их Хыннамский химический комбинат, текстильный комбинат в Пхеньяне и другие сооружения.

«Братский советский народ, — говорил Ким Ир Сен, — искренне желая процветания корейскому народу, неизменно оказывал нам бескорыстную помощь. В особенности огромная экономическая и техническая помощь, оказанная в послевоенный период Советским Союзом нашему народу, внесла огромный вклад в ускорение послевоенного восстановления и строительства всех отраслей народного хозяйства»³. Свою эффективность, роль в прогрессе республики наглядно проявили самые различные формы сотрудничества: безвозмездная помощь и кредиты на льготных условиях; обмен достижениями науки и техники и внешняя торговля; содействие в строительстве и эксплуатации промышленных объектов, в подготовке кадров и выполнении проектных работ; поставки новейшего оборудования и многое другое.

Трудолюбивый, талантливый корейский народ во главе с Трудовой партией со скоростью легендарного крылатого коня Чхонлима поднимал из руин и пепла города и села, заводы и шахты. Уже в период послевоенной трехлетки (1954—1956) было полностью или частично восстановлено, расширено и оснащено новейшей техникой более 240 крупных и средних предприятий, пострадавших от войны, и заново построено свыше 80 фабрик и заводов. Серьезные успехи были достигнуты и в области ликвидации наследия колониализма, создания основ индустриализации.

Сотрудничество с братскими странами облегчило корейским трудящимся решение большого комплекса задач. Развивая в первую очередь тяжелую промышленность, они смогли одновременно быстро поднимать легкую промышленность и сельское хозяйство. Повысился жизненный уровень народа. В период пятилетки (1957—1961) среднегодовой прирост промышленного производства составил 36,6 процента⁴.

Изменилась структура народного хозяйства республики. Если в 1946 году доля промышленности в совокупном продукте состав-

³ «Правда», 7.VII.1961.

⁴ «Четвертый съезд Трудовой партии Кореи. Документы и материалы», Пхеньян, 1961, стр. 19.

ляла 28 процентов, а сельского хозяйства — 72, то в 1960 году соответствующие цифры составляли 71 и 29 процентов⁵.

Ликвидируя наследие колониального прошлого, промышленность КНДР перешла от производства полуфабрикатов к выпуску готовых изделий. Созданы новые отрасли, в частности сердцевина индустриализации — машиностроение. Ныне КНДР уже сама экспортирует некоторые виды машин и оборудования. Фактически заново создана в Северной Корее и база легкой промышленности.

Серьезных успехов достигло сельское хозяйство. Победа социалистических производственных отношений, развитие промышленности, увеличивающей помощь деревне, многообразное сотрудничество с братскими странами облегчили трудящимся КНДР возможность развернутого наступления на техническую отсталость сельского хозяйства, унаследованную от колониального прошлого. Успешно решаются задачи технической реконструкции сельского хозяйства — ирригации, электрификации, механизации и химизации.

Большие изменения произошли и в области культуры. Напомним, что в КНДР введено всеобщее неполное среднее обучение. Уже в 1961 году в республике насчитывалось более 8 тысяч различных учебных заведений, где обучалось 2530 тысяч человек⁶. Сформирован крупный отряд национальной народной интеллигенции, быстрыми темпами развиваются наука, искусство.

Михаил Гаврилович Боцин, бывший длительное время советником по экономическим вопросам советского посольства в КНДР, ведет нас в своем рассказе по мирным дорогам народной Кореи, по ее стройкам. Перед нами электростанции, центры химии, металлургии, легкой промышленности, машиностроения. Некоторые из них были созданы еще в колониальный период, но трудящиеся социалистической Кореи вдохнули в них новую жизнь, коренным образом реконструировали, расширили, заставили служить интересам народа. Перед нами творческие лаборатории, где бьется пытливая мысль новаторов.

Каждая строка рассказа М. Г. Боцина открывает перед нами богатые творческие силы, трудолюбие, революционную энергию, инициативу народных масс республики, руководимых Трудовой партией. М. Г. Боцин приводит много цифр, и эти не поощряемые в мемуарной литературе колонки цифр, эти самые объективные

⁵ «Развитие народной экономики КНДР за 1946—1960 гг. Статистический справочник», Пхеньян, 1961, стр. 25.

⁶ «Корейская Народно-Демократическая Республика», Пхеньян, 1961, стр. 36.

и беспристрастные комментаторы происшедших на корейской земле перемен превращаются в своеобразный гимн труду и дружбе.

В статье М. Г. Боцина рассказано о тех, кого наша страна послала в народную Корею, тех, кто делился с корейскими рабочими, инженерами, учеными своим опытом и знаниями, своим трудом.

Взаимопомощь и сотрудничество, являясь основой отношений между странами социализма, мощным ускорителем всестороннего прогресса каждой из них, высоко поднимают роль народа, множат результативность его трудовых усилий, укрепляют его международный престиж.

Рассказ М. Г. Боцина, вся книга наглядно это показывают. Во имя идей социалистического интернационализма, во имя процветания братского корейского народа трудились и трудятся вместе с ним посланцы Советского Союза и других социалистических стран.

Правительство КНДР высоко оценило их вклад, наградило орденами и медалями республики. Но высшей наградой для них явились большие успехи народа Кореи, его дружба.

Не только мужественной борьбой и трудовыми делами своих сынов и дочерей славится корейская земля, но и щедростью, красотой природы. И не случайно поэтическое название Кореи — страна угренней свежести. О красоте Кореи, которую могут в полную меру оценить только глаза друга, рассказывают работавший в КНДР инженером-консультантом по водному хозяйству Владислав Сергеевич Замахаев и его жена — географ Нина Васильевна Пучкова. Они были в КНДР более двух лет, встречались со многими корейскими товарищами, активно жили жизнью республики. В. С. Замахаев и Н. В. Пучкова пишут о том, как советские специалисты участвовали в проектировании гидроэлектростанций в КНДР, и вместе с тем значительное место в своих воспоминаниях они отводят впечатлениям о поездках по стране. Перед нами как величественные монументы труда и дружбы возникают очищенные от лесов города, мощные электростанции и рядом — памятники старины. Словно многоцветный ковер, предстает перед взором читателя красочная, солнечная Корея.

В книге не говорится о Южной Корее, которая из-за происков США снова оказалась в тисках колониализма. Безрадостны итоги минувшего двадцатилетия для народных масс Юга. Они томятся под гнетом империалистической и южнокорейской реакции, испытывают жестокие гонения и нужду. На привязи у империализма экономика Юга, по-прежнему имеющая колониальный характер. В состоянии глубокого упадка находится культура.

Памятник советским воинам, павшим при освобождении Кореи, установленный на горе Моранбон в Пхеньяне

Но закономерности исторического развития, укрепление могущества и авторитета социалистической системы, успехи строительства социализма в КНДР приближают день освобождения Южной Кореи, день мирного воссоединения страны.

Идеи коммунизма, пролетарского интернационализма — основа дружбы советского и корейского народов. Кровь, пролитая за свободу Кореи, совместный труд скрепили эту дружбу. И ее богатые, щедрые всходы широко раскинулись по корейской земле.

*Н. Г. Лебедев,
генерал-майор запаса*

ЗАРЯ СВОБОДЫ НАД КОРЕЕЙ

Прошло двадцать лет с тех пор, как советские воины освободили Корею от колониального господства Японии. Мне довелось участвовать в освобождении этой страны и жить в ней несколько лет, вплоть до вывода наших войск из Северной Кореи.

У времени свои законы. С годами мы забываем многие детали, но зато рельефнее выявляется смысл, значимость происшедшего. Я убедился в этом, восстанавливая в памяти события минувших лет.

ПОДГОТОВКА К ШТУРМУ

Как известно, Япония, бывшая союзницей фашистской Германии, сосредоточила на границе с советским Дальним Востоком крупные вооруженные силы, угрожая выступить в любое время. На 1 января 1942 года численность Квантунской армии достигала 1100 тысяч человек, что составляло почти 35 процентов всей сухопутной армии Японии. Поэтому наша страна была вынуждена в течение всей войны держать на дальневосточных границах до 40 дивизий в состоянии постоянной боевой готовности. Планируя нападение на Советский Союз, японские милитаристы выжидали наиболее удобного момента, но он так и не наступил.

В 1945 году, когда разгром фашистской Германии приближался к финалу, общая стратегическая обстановка для Японии ухудши-

лась. Военные действия на Тихом океане переместились в Южно-Китайское море и на ближние подступы к Японии. Но все же Япония не была разбита и имела еще значительные силы, сырьевые и промышленные ресурсы.

Учитывая важное значение Кореи, через которую проходили кратчайшие коммуникации, связывавшие Квантунскую армию с метрополией, японское командование развернуло в Корее 17-й фронт в составе двух армий — 34-й со штабом в Хамхыне и 59-й со штабом на юге Кореи. Эти армии располагали девятью пехотными дивизиями. В портах Кореи были созданы военно-морские базы. На территории Кореи были построены современные аэродромы, на которых могли базироваться не только истребители, но и тяжелые бомбардировщики.

К началу августа 1945 года в оккупированном японцами Северо-Восточном Китае, на границе с советским Приморьем, располагались войска 1-го фронта Квантунской армии. В него входили две армии — 3-я и 5-я, насчитывавшие десять пехотных дивизий и одну бригаду. Советские дальневосточные войска, особенно подразделения укрепленных районов и истребительной авиации, несли напряженную боевую службу, ибо в любой день и час можно было ожидать нападения врага. Вдали от населенных пунктов, в лесу или на сопках наши солдаты и офицеры круглосуточно дежурили на огневых точках у готовых к бою пулеметов и орудий. Самолеты истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации всегда находились в полной боевой готовности, а летчики-истребители дежурных подразделений сидели в своих машинах в ожидании сигнальной ракеты, чтобы немедленно взлететь для выполнения боевого задания.

В один из весенних дней 1945 года, когда еще полыхало пламя войны на Западе, из штаба Приморской группы войск, в состав которой входила 25-я армия (я был членом ее военного совета), поступило распоряжение, чтобы командующий армией и член военного совета прибыли в штаб группы. Мы позвонили начальнику штаба группы генерал-майору Г. А. Шелахову и спросили, нужно ли иметь при себе какие-либо сведения и материалы. Он ответил, что ничего не нужно, но явиться точно в назначенное время.

В штабе группы нас ждала новость — прибыло новое командование группы со штабом, политическим управлением, командующими и начальниками родов войск. Новый командующий маршал Советского Союза К. А. Мерецков и член военного совета генерал-полковник Т. Ф. Штыков были хорошо известны всей армии. Я их знал по войне с белофиннами 1939—1940 годов. Мы доложили о со-

ставе и боевой готовности войск армии. Нам было объявлено, что Приморская группа выделена из войск Дальневосточного фронта и отныне подчиняется непосредственно ставке верховного главного командования .

Вскоре прибыл новый командующий 25-й армией генерал-полковник И. М. Чистяков и другие руководящие работники, сражавшиеся ранее против гитлеровской Германии в составе 6-й гвардейской армии. Начальником штаба армии стал генерал-лейтенант В. А. Пенковский, командующим артиллерией — генерал-лейтенант Г. А. Макаров, начальником связи — генерал-майор Н. П. Боровягин, начальником тыла армии — генерал-майор В. С. Черенков. Несколько позднее, когда уже начались военные действия, приехал генерал-лейтенант П. Ф. Лагутин, назначенный заместителем командующего армией.

Многие наши командиры и солдаты знали нового командующего армией как требовательного, но душевного командира. Четыре года назад он уехал из нашей армии на западный фронт в звании полковника, а теперь вернулся генералом, Героем Советского Союза. Мы были очень рады его возвращению.

Армия пополнилась также несколькими новыми командирами соединений и частей. Все они имели опыт войны с Германией и теперь передавали его офицерам старшего и младшего звена, подготавливая войска к предстоящим боевым действиям.

Командантам укрепленных районов было приказано организовать сводные подвижные отряды, которые должны были внезапно атаковать противника, захватывать или блокировать его огневые точки, с тем чтобы нарушить его систему огня и тактической обороны и таким образом проложить дорогу полевым войскам.

Наряду с насыщенной боевой подготовкой проводилась большая политико-воспитательная работа среди солдат и офицеров. Политработники рассказывали о героизме советского народа в борьбе с гитлеровской Германией, о его освободительной миссии. Одновременно они давали слушателям представление о японском империализме, о бедствиях народов, ставших жертвами его агрессии и, в частности, корейского народа, поработанного японскими колонизаторами. Мы повседневно старались воспитывать и укреплять у солдат и офицеров нашей армии чувства интернационального долга, солидарности и дружбы с другими народами.

К началу августа боевая подготовка войск и штабов была закончена. Войскам было объявлено, что предстоит война с империалистической Японией, что задача Красной Армии — разгромить Квантунскую армию и заставить Японию капитулировать.

3 августа коменданты укрепленных районов получили боевые приказы и 6 августа вывели свои сводные отряды в исходное положение. 5 августа штаб армии перешел на новый командный пункт, расположенный в районе деревни Константиновки, непосредственно на границе.

7 августа была сформирована Южная группа войск 25-й армии во главе с генерал-майором Г. И. Шаниным. Выделение этой группы диктовалось необходимостью улучшить руководство войсками. 25-я армия, находясь на левом фланге 1-го Дальневосточного фронта, занимала оборону по фронту протяженностью более 200 километров. Было бы трудно управлять всеми соединениями из одного центра — штаба армии при наличии только одного корпусного управления. Поэтому было решено создать Южную группу, в состав которой вошли все южные укрепленные районы с их сводными отрядами и 386-я стрелковая дивизия (командир полковник С. А. Туголуков). После начала боевых действий группе были переданы еще две стрелковые дивизии — 393-я (командир полковник Ф. А. Исаков) и 335-я, которой командовал полковник А. А. Волков.

ШТУРМ

В ночь на 9 августа по приказу ставки верховного главнокомандования советские вооруженные силы на Дальнем Востоке перешли в наступление. Началась война с Японией.

1-й Дальневосточный фронт наносил главный удар силами двух общевойсковых армий — 1-й Краснознаменной и 5-й — из района Гродекова в направлении на Мулин и Муданьцзян в Северо-Восточном Китае. Овладев Муданьцзяном, этим крупным административным центром и узлом дорог, войска фронта должны были выступить на Гирин и Харбин навстречу войскам Забайкальского и 2-го Дальневосточного фронтов. Вспомогательные удары должны были нанести на севере 35-я армия, а на юге — наша 25-я армия, находившаяся на левом фланге 1-го Дальневосточного фронта. По первоначальному замыслу 25-я армия переходила в наступление примерно на восьмой день, после прорыва оперативной обороны японской армии на главном направлении. А в первые дни перед 25-й армией была поставлена задача обороны государственной границы на всем участке, где она была расположена, — от горы Тополевая до устья реки Туманган.

5-я армия, наступавшая правее нас во взаимодействии с войсками 1-й Краснознаменной армии, должна была одновременно с раз-

громом Мулино-Муданьцзянской группировки противника продвигаться на юг, заходя в тыл японским войскам, противостоявшим 25-й армии. После прорыва обороны японской армии и выхода левофлангового корпуса 5-й армии севернее Дуннинского укрепленного района 25-я армия, приняв в свое подчинение этот корпус, вводила свои войска в прорыв, имея ближайшей задачей овладеть Дуннинским укрепленным районом. Затем, развивая наступление на Дуннин, Лаохэйшань и Тумынь, она должна была на 25-й день боев выйти на рубеж Ванцин — Тумынь — Хуньчунь.

Таковы были планы перед началом операции. В действительности же обстановка сложилась иначе.

Сводные отряды укрепленных районов своими умелыми и решительными действиями очень быстро достигли больших успехов, выполнив поставленные перед ними разведывательные и боевые задачи. Успехам сводных отрядов, а впоследствии и полевых частей армии содействовала внезапность начала военных действий. О том, насколько неожиданным было выступление советских войск, можно судить по словам начальника штаба 3-й японской армии. Он признал впоследствии, что до 12 часов дня 9 августа штаб ничего не знал о том, что творится на границе. Гарнизоны укрепленных районов противника были захвачены спящими в казармах и не успели занять свои огневые точки. Лишь в некоторых гарнизонах японские солдаты успели по подземным ходам добраться до своих сооружений, но было уже поздно: штурмующие отряды блокировали и уничтожали их.

Вот как, например, действовали сводные отряды 218-го отдельного пулеметного батальона под командованием капитана Н. Я. Яковенко и 98-го отдельного пулеметного батальона 106-го укрепленного района под командованием майора П. П. Константинова. Начав наступление в час ночи 9 августа в очень трудных условиях горно-лесистой местности, они вышли к опорному пункту на высоте Офицерская. Соблюдая крайнюю осторожность, отряды окружили казарму и выходы в опорный пункт, а в 6 часов утра они внезапно атаковали их. Японские солдаты пытались под губительным огнем пробиться к своим огневым точкам. Примерно половине из них это удалось, и они оказывали яростное сопротивление. Наши штурмовые группы под прикрытием огня групп обеспечения выдвинули вперед саперов. Поскольку противник не сдавался, приходилось блокировать и подрывать каждое сооружение.

Уже к 12 часам дня 9 августа сводные отряды захватили опорные пункты в укрепленных районах японцев и нарушили систему его тактической обороны. В этих условиях командующий 25-й

армией решил для развития успеха незамедлительно ввести в бой полевые войска.

9 и 10 августа тактическая зона обороны японской армии была полностью преодолена, наши части овладели опорными пунктами укрепленных районов противника и вышли на автомобильную дорогу Дуннин — Тумыньца — Хуньчунь.

Отряды 212-го и 253-го отдельных пулеметных батальонов овладели Кэнхынским узлом сопротивления на границе с Северной Кореей, атаковали гарнизон, охранявший железобетонный мост через реку Туманган, и захватили этот мост, не позволив разрушить его. Здесь особо отличился командир пулеметного взвода лейтенант А. И. Парамыги. Он вместе с расчетом орудия ворвался под пулеметным огнем японцев на мост и, завязав рукопашный бой с противником, не дал ему возможности взорвать мост. К 15 часам 9 августа отряды 113-го укрепленного района заняли город Кэнхын.

10 августа ударом с севера в обход Дуннинского укрепленного района был взят город Дуннин, а части Южной группы заняли Тумыньца и вели бой на подступах к Хуньчуню. 11 августа, продолжая наступление, наши войска с боями заняли Лаохэйшань и Хуньчунь.

Таким образом, Дуннин был взят на второй день, а Лаохэйшань — на третий день после начала боевых действий, тогда как по первоначальному плану предполагалось, что 25-я армия только на восьмой день после начала операции овладеет Дуннинским укрепленным районом.

Развернутые на широком фронте действия штурмовых отрядов дали возможность полностью дезориентировать японское командование, а стремительное наступление полевых войск дезорганизовало управление японскими войсками и позволило уничтожать резервные части противника по частям. Только через неделю после начала военных действий японцы смогли предпринять контратаки местного значения.

Поскольку наступление на северном и южном флангах 25-й армии развивалось успешно, 11 августа нашей армии были переданы два стрелковых и один механизированный корпус. С усилением армии стрелковыми и подвижными соединениями роль ее в общей системе фронтовой операции резко изменилась. Армия получила задание стремительно развивать наступление в юго-западном направлении, овладеть районом Ванцин — Яньцзи — Тумынь, перерезать коммуникации противника, идущие из портов Северной Кореи в Маньчжурию.

Находясь на левом фланге 1-го Дальневосточного фронта и тесно взаимодействуя с Тихоокеанским флотом, 25-я армия должна была нанести удар вдоль морского побережья и овладеть портами Унги и Начжин, а затем основным портом Северной Кореи — Чхончжином и городом Нанамом. Для усиления южной группы в ее состав была включена 393-я стрелковая дивизия, которая была к тому времени переброшена на автомашинах из района Барабаша в район Краскина.

Передовые части дивизии под руководством ее командира полковника Ф. А. Исакова совершили ночной марш из района Краскина к корейской границе и после короткого отдыха к восьми часам утра 12 августа заняли Унги и соединились там с десантом моряков Тихоокеанского флота. В тот же день был занят Начжин.

Вместе с генерал-майором Г. И. Шаниным, который командовал Южной группой, я побывал в те дни в Унги и Начжине. Здесь произошли первые волнующие встречи с корейским населением. Жители радостно приветствовали Красную Армию. Повсюду можно было видеть группы оживленно беседующих советских бойцов и местных жителей. Незнание языка не служило препятствием — все мы прекрасно понимали наших корейских друзей, радость освобождения, чувство благодарности советским воинам, принесшим это освобождение. И мы видели, что корейцы тоже хорошо понимают нашу радость от сознания исполненного долга, наши искренние дружеские чувства к ним.

На рассвете 16 августа части 393-й дивизии в 12 километрах севернее Чхончжина завязали бой с подразделениями Нанамской пехотной дивизии, сломили сопротивление противника и к исходу дня вошли в город Чхончжин, где соединились с частями морского десанта Тихоокеанского флота. Вслед за этим 393-я дивизия, продолжая наступление на Нанамском направлении, овладела городом Нанам и завязала бой на подступах к городу Пурёну.

Одновременно с этим части 25-й армии успешно продвигались на Ванцинском направлении. 15 августа наши войска, преодолев горные дефиле и перевалы, заняли Шитоухэдцзы и к 17 часам после упорных боев ворвались в Ванцин — крупный узел шоссейных дорог. Взятие Ванцина обеспечивало захват основных коммуникаций противника в южной части Маньчжурии. 17 августа наступление продолжалось. Задача состояла в том, чтобы овладеть районом Яньцзи и подвижными отрядами занять город Дуньхуа. Японцы оказывали упорное сопротивление. В боях за город Яньцзи они решили использовать средние танки, находившиеся в засаде. До этого противник не применял в бою танковых частей. Но и на этот раз

такая попытка оказалась безуспешной. Японские танки с их слабой броней и маломощным вооружением не могли противостоять нашим танкам. Неприятельские танкисты бросали машины и отходили на запад со своей пехотой.

18 августа войска 25-й армии продолжали успешное наступление и заняли Яньцзи, где находился штаб 3-й японской армии. Противник силами 79-й пехотной дивизии продолжал оказывать в районе Тумыня упорное сопротивление, а в Северной Корее Нанамская дивизия предприняла контратаки в районе Нанама и Пурёна. 393-й стрелковой дивизии пришлось перейти в районе Нанама к обороне и отбивать контратаки. Вскоре части этой дивизии, разгромив кавалерийский полк противника, овладели Пурёном. 19 августа 25-я армия, действуя в направлении Дуньхуа, Яньцзи, Тумынь, уничтожала отдельные разрозненные группы противника. С боем был занят город Тумынь. В этот же день японские войска по приказу императора Хирохито приступили к выполнению условий безоговорочной капитуляции. Началась массовая сдача в плен.

Следует отметить, что на отдельных участках противник стал сдаваться в плен раньше. Так, вечером 17 августа к командиру 386-й стрелковой дивизии полковнику С. А. Туголукову явился командир 247-го пехотного полка 112-й пехотной дивизии японской армии с предложением капитулировать, а вечером 18 августа к командиру 393-й стрелковой дивизии полковнику Ф. А. Исакову явился командир Нанамской дивизии и заявил о желании сдаться в плен.

В 12 часов 20 августа военные действия прекратились. Последний очаг войны на Дальнем Востоке был погашен.

* * *

Чем же объясняется столь быстрый разгром противника? Внезапное начало военных действий и стремительное наступление наших частей не дали возможности японским войскам отойти на заранее подготовленный рубеж. Японские части, дислоцированные в укрепленных районах, пытались сдержать наступление наших войск, прикрыть отход и перегруппировку 3-й японской армии, находившейся перед фронтом 25-й армии, выиграть время для подготовки оборонительного рубежа. Но гарнизоны противника не выдержали наступательного порыва советских войск.

Японские отряды прикрытия, взаимодействуя с заранее оставленными в горах разведывательно-диверсионными группами «смерт-

ников», оказывали сопротивление нашим частям, стремясь деморализовать управление советскими войсками, вывести из строя технику. Но отряды не выполнили возложенных на них японским командованием задач. Они не были обеспечены достаточным количеством огневых средств и не имели опыта ведения войны в горно-лесистой местности. Японцы были разгромлены и капитулировали.

Нелегко был путь советских войск по горным дорогам Маньчжурии и Кореи с их крутыми поворотами, подъемами и спусками. Мосты, как правило деревянные, не выдерживали тяжело груженных автомашин, не говоря уже о тракторах с тяжелой артиллерией и танках. На горных перевалах противник пытался задерживать наступление наших войск, используя отряды заграждения и «смертников». Но ничто не могло остановить могучую лавину советских войск.

Во время боевых действий наши солдаты и офицеры совершили много героических подвигов. Приведу некоторые примеры.

Младший сержант 7-й роты 567-го стрелкового полка Александр Фирсов повторил бессмертный подвиг Матросова: закрыл своим телом амбразуру дота и дал возможность взводу выполнить поставленную перед ним задачу.

Бойцы этой же роты, которой командовал старший лейтенант Щетинкин, уничтожили шесть дотов и дзотов, отразили три контратаки противника, уничтожив при этом до 200 солдат и офицеров противника.

Красноармеец роты управления 259-й танковой бригады Земсков, охраняя захваченный нами мост через реку Суйфун, не позволил диверсионной группе японцев подорвать его. Боец героически погиб на посту, уничтожив двух японских солдат. Подоспевший на выручку сержант справился с оставшимися тремя японцами.

С величайшим мужеством сражались коммунисты 108-го укрепленного района — старший сержант Иван Зубарев и красноармеец Михаил Диких. Оба они погибли смертью героев. Их партийные билеты оказались пробитыми осколками снарядов.

Командир орудия 53-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона сержант Балачкин получил сквозное пулевое ранение в руку и не мог больше работать у орудия. Оставив вместо себя наводчика, он подполз к пулеметчику, который тоже был ранен и не мог стрелять, открыл фланговый огонь по пулемету противника и заставил его замолчать. Наша пехота получила возможность беспрепятственно продвинуться вперед.

При взятии Дуннина продвижению наших частей мешал пулемет противника, стрелявший из дома, приспособленного под ог-

невую точку. Лейтенант Олейник под огнем привел орудие в боевое положение и первым же выстрелом разрушил дом и уничтожил пулеметный расчет, расчистив путь для продвижения наших бойцов.

В бою на подступах к Начжину старшина 8-й роты 505-го стрелкового полка В. К. Абрамов метким огнем уничтожил орудийный расчет и обеспечил продвижение своей роты. Стрелок 7-й роты М. Г. Азаров, пулеметчик С. Г. Базаров и младший сержант С. И. Волобуев захватили огневую точку противника.

В бою за Чхончжин пулеметчик той же роты Г. И. Кувшинов огнем своего ручного пулемета уничтожил расчет станкового пулемета противника, благодаря чему рота смогла продолжать продвижение. Сержант взвода противотанковых ружей 3-го стрелкового батальона А. Д. Липин со своим отделением захватил две огневые точки противника.

При штурме города Нанам начальник телефонной станции 1-го стрелкового батальона 505-го полка ефрейтор Ф. Д. Мельников под сильным артиллерийским и ружейным огнем установил и обеспечил бесперебойную связь батальона.

Подобных примеров было много, их не перечесать. Все они — яркое свидетельство высокого патриотизма советских воинов, сознания ими своего интернационального долга. Показателем высокого морального духа наших бойцов, их боевого подъема служили многочисленные заявления о приеме в Коммунистическую партию Советского Союза.

Советские войска успешно выполнили поставленную перед ними задачу разгромить Квантунскую армию и принудить Японию к безоговорочной капитуляции. Военные действия продолжались недолго, но по своим масштабам, по размерам территории, на которой развернулись операции, по своим результатам они имели выдающееся значение. Советские вооруженные силы одержали на дальневосточном театре крупную победу.

ПРИЕМ КАПИТУЛЯЦИИ ЯПОНСКИХ ВОЙСК

Части японской армии складывали оружие и направлялись в пункты сбора военнопленных. Таких пунктов было организовано три: два из них на территории Маньчжурии и один — в Северной Корее. Но не все японские части капитулировали сразу. Гарнизон южного узла Дуннинского укрепленного района (Шиминцзы) продолжал оказывать упорное сопротивление, ссылаясь на отсутствие

приказа императора, и это продолжалось до тех пор, пока из штаба 3-й японской армии не был получен письменный приказ о капитуляции. Только после этого гарнизон сдался. Я хочу рассказать, как это произошло.

Нам было известно, что в глубоком тылу 25-й армии в Дуннинском укрепленном районе остался не ликвидированный нами очаг сопротивления, но мы не знали, капитулировали ли войска этого района, подобно всем частям японской армии. Примерно 21—22 августа нам о нем напомнили. Мне позвонил по телефону член военного совета фронта генерал-полковник Т. Ф. Штыков. Мы обычно по вечерам докладывали военному совету фронта о важнейших событиях за сутки и разрешали возникавшие у нас вопросы. Это прочно вошло в практику. На этот раз звонок раздался не вечером, а днем. Вместо того чтобы выслушать мой доклад о положении дел в армии, Т. Ф. Штыков неожиданно спросил:

— Известно ли военному совету армии, что южный узел сопротивления Дуннинского укрепленного района — Шиминцзы до сего времени не капитулировал и что там еще продолжаются бои?

— Нам это неизвестно, — ответил я. — Шиминцзы остался далеко в тылу, и частей 25-й армии там нет.

— Это правильно, — сказал Терентий Фомич, — но вы учтите, что Дуннинский укрепленный район входил в подчинение 3-й японской армии, а ее командующий находится у вас в Яньцзи. Продумайте, как заставить гарнизон сложить оружие и капитулировать. Ведь война кончилась. Зачем же проливать кровь? Сегодня вечером или завтра утром доложите свои соображения по этому вопросу.

Я сразу же пошел к командующему армией И. М. Чистякову и передал ему содержание разговора. Мы долго обдумывали, как лучше выполнить задание, и решили вместе поехать в штаб 3-й японской армии, который еще функционировал и по нашим указаниям руководил капитуляцией своих войск. Там мы встретились с бывшим командующим 3-й японской армией генерал-лейтенантом Мураками и начальником его штаба генерал-майором Икенами.

— Известно ли генералу, что приказ императора Японии выполняется не всеми частями его армии? — спросил Чистяков.

Мураками даже вздрогнул от такого вопроса и ответил, что этого не может быть. Приказ о капитуляции передан по радио, и там, где это возможно, подтвержден письменным приказом. Может быть, какая-нибудь часть и не получила приказа, но он этого не знает и просит сообщить, о какой части идет речь, дабы он немедленно мог отдать ее командиру приказ о капитуляции.

Японскому генералу было сообщено, что речь идет о южном узле Дуннинского укрепленного района.

— Но как же я вручу приказ? — возразил генерал. — Ведь это очень далеко отсюда, на самой границе. Я бы послал своего офицера генерального штаба к командиру этого узла с приказом о немедленной капитуляции, но у меня нет для этого средств и возможностей.

И. М. Чистяков предложил бывшему командующему японской армией немедленно написать такой приказ, размножить его и выдать японского офицера для доставки приказа.

— Когда все будет готово? — спросили мы у японского генерала.

— Через два часа будет готов приказ, размноженный в 200 экземплярах, и выделен офицер, — последовал ответ.

Вернувшись в свой штаб, мы связались с Т. Ф. Штыковым, доложили ему о нашей встрече с Мураками и попросили прислать самолет, чтобы отправить к коменданту южного узла японского офицера с приказом о капитуляции.

Вскоре самолет прибыл. В него посадили японского офицера с размноженными экземплярами приказа о капитуляции. На этом наша функция кончилась. О том, что было дальше, я узнал в сентябре 1945 года, встретившись в штабе 1-го Дальневосточного фронта с комендантом 106-го укрепленного района генерал-майором С. Б. Жестаковым. Он рассказал мне, что самолет с японским офицером приземлился на полевом аэродроме в районе деревни Новогеоргиевки, расположенной примерно в пяти километрах от границы. Было решено послать офицера с белым флагом в расположение японских войск без наших сопровождающих. Офицер сказал, что знает, где находится командный пункт, так как бывал там несколько раз.

— А мы, — рассказывал С. Б. Жестаков, — наблюдали за ним со своего командного пункта. Вот он перешел границу и с белым флагом идет по полю. Японцы не стреляли. Наконец, он скрылся из виду. Мы стали ждать. Проходит час, два, три, а на японской стороне никакого движения. «Ну, — думали мы, — пропал японский офицер».

Через четыре часа показались наконец первые японские офицеры и солдаты. Число их непрерывно увеличивалось. Они организованным порядком направлялись на нашу территорию и складывали оружие. Всего капитулировали 863 человека.

Почему же они так долго не выходили из своих укрытий и не сдавались? Оказывается, командир узла сопротивления не хотел

верить приказу о капитуляции и чуть не расстрелял офицера генерального штаба за измену. Он слышал по радио, что Япония капитулировала, но думал, что это пропаганда. Ему не верилось, что император Японии мог издать такой указ. Не расстрелял он прибывшего только потому, что лично знал его. Если бы явился с таким приказом другой офицер, командир узла продолжал бы сопротивление.

* * *

Японские дивизии, которые вели бои с частями Красной Армии на севере Кореи, капитулировали одновременно с войсками, находившимися в Маньчжурии, а части, расположенные в глубине Кореи и не принимавшие участие в боях, сложили оружие после того, как туда прибыли наши войска.

Первое подразделение советских войск было высажено с самолетов 24 августа в городе Хамхыне. Это была рота под командованием старшего лейтенанта Бубенцова. Одновременно с ней высадился заместитель начальника штаба 25-й армии генерал-майор Г. И. Шанин с группой офицеров. Приведу выдержку из корреспонденции «На земле Чосон», опубликованной 1 ноября 1945 г. в армейской газете «Красное знамя».

«Воины старшего лейтенанта Бубенцова до аэродрома, где их посадили на самолеты, прошли много сот километров по маньчжурским дорогам. Геройски они дрались за Дуннин, преодолевали многие перевалы, где приходилось бороться с засадами врага. Весь их путь послужил как бы трамплином к стремительному воздушному прыжку в Корею.

С интересом и любопытством поглядывали воины вниз. Что-то ждет их. Ведь здесь долгие годы властвовали японцы. Самолет перелетел через высокую гряду сопок, и взору десантников открылась широкая долина, город и рядом с ним заводы с дымящимися трубами. Дальше на восток раскинулось безграничное море. У берега отчетливо выступали барашки бурунов.

Не успел самолет коснуться земли, как показалось множество людей, бегущих к аэродрому. Крестьяне близлежащих сел и пригорода спешили на аэродром к воздушной птице, на крыльях которой они увидели красную звезду.

Бойцы тем временем выходили из самолета, осматривались вокруг, занимали аэродромные помещения.

Не прошло и десяти минут, как самолет и люди были окружены плотной человеческой стеной. Мужчины в белых куртках и таких же белых шароварах, в соломенных шляпах, но большей

частью босиком, женщины с ребятишками, девушки с широкими, плоскими, яркими зонтами — все они восторженно глядели на русских, что-то взволнованно говорили, кричали „мансе“ (что значит „ура“), старались объяснить свои чувства жестами и мимикой. Ребятишки протягивали бойцам яблоки и груши.

Больше всего подарков пришлось на долю младшего сержанта Концуги, героя маньчжурского похода, приземистого, широкоплечего удэгейца с новенькой медалью «За отвагу» на груди. Оказалось, что Концуга знает корейский язык и может поговорить с собравшимися.

Он объяснил товарищам, что корейцы счастливы видеть на своей земле советских людей, что теперь кончилась власть японцев. Молодые и старые, мужчины и женщины — все старались побольше рассказать о своей жизни этому солдату с красной звездочкой на пилотке, который понимает их язык».

Вскоре после высадки в Хамхыне первого подразделения советских войск туда прилетел командующий 25-й армией генерал-полковник И. М. Чистяков. В штабе 34-й японской армии он дал указание командующему этой армией и его начальнику штаба о порядке капитуляции японских войск.

В тот же день по распоряжению генерала Шанина из состава высаженной роты были высланы заставы на 38-ю параллель. 25—26 августа эти заставы заняли указанные им места.

25 августа в Пхеньян прилетел заместитель начальника оперативного отдела штаба 25-й армии подполковник В. М. Ланин с небольшим подразделением. Он как представитель советского командования дал письменные указания старшему начальнику японских войск в Пхеньяне — командиру дивизии генерал-лейтенанту Такешто о порядке разоружения.

По данным японского командования, в Пхеньяне и близлежащих городах насчитывалось до 30 тысяч японских войск и жандармерии. Бросалось в глаза обилие жандармских отрядов. Они имелись и в других крупных городах — Синьйчжу, Саривоне и др. Численность каждого из этих отрядов достигала 500—600 человек.

Наличие на территории Кореи множества жандармских отрядов было одним из показателей шаткости режима, установленного японскими колонизаторами в пораженной стране. Следует отметить, что начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата просил советское командование, чтобы до прихода советских войск в Маньчжурию и Корею японским солдатам было оставлено оружие. Он мотивировал свою просьбу тем, что «население там ненадежное».

По указанию советского командования все японские войска, равно как и жандармские отряды, дислоцированные в Пхеньяне и в районах, находившихся под контролем командира дивизии генерал-лейтенанта Такешто, с 25 августа стали складывать оружие.

Солдатам и офицерам японской армии было приказано оставаться на своих местах в пунктах постоянной дислокации до особого распоряжения командования советских войск¹. Всю военную технику (артиллерийскую, инженерную, связи и пр.) было приказано привести в полный порядок и передать по описи представителю советского командования.

Генерал-лейтенант Такешто и командиры частей были предупреждены, что они несут персональную ответственность за все враждебные действия японских и маньчжурских солдат, направленные против советских воинских частей и отдельных военнослужащих.

Впоследствии выяснилось, что японское командование пыталось утаить от нас часть военного имущества и оружия. Мы неоднократно обнаруживали спрятанные склады оружия, снаряжения и горючего. Весьма характерно, что о каждой такой попытке местное корейское население, главным образом члены народных комитетов и коммунисты, немедленно сообщало советскому командованию и оружие извлекалось из тайников.

В общей сложности 25-я армия взяла в плен 170 тысяч японских солдат (почти четверть общего числа плененных советскими вооруженными силами). Войскам армии сдались более 6 тысяч офицеров и 27 генералов, в том числе командующие и начальники штабов 3-й и 34-й японских армий.

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ В ПХЕНЬЯНЕ

После вступления советских войск на корейскую территорию наше командование опубликовало обращение к населению Кореи с воззванием, в котором говорилось: «Граждане Кореи! Запомните, счастье в ваших руках. Вы получили свободу и независимость, и теперь ваша судьба зависит только от вас самих. Советская Армия создала все условия для свободного созидательного труда корейского народа. Вы сами должны стать творцами своего счастья».

Это обращение было встречено с огромной радостью. Повсюду проводились многолюдные митинги. Представители советских во-

¹ Все военные склады (продовольственные, вещевые и др.) остались под охраной японских войск, которые обязаны были подготовить их к сдаче представителям советского командования и несли ответственность за их полную сохранность.

оруженных сил разъясняли собравшимся значение победы над японскими империалистами, рассказывали о задачах советских войск в Северной Корее. Мне тоже предстояло вступить в непосредственный контакт с населением крупного корейского города.

Когда военные действия прекратились, полевое управление нашей армии прибыло в город Яньцзи. Там находился штаб 3-й японской армии, который, как я говорил выше, по указанию советского командования осуществлял контроль за разоружением и капитуляцией японских войск.

Стояли очень жаркие дни. Для нас, северян, такая погода была непривычна. Особенно душно было по ночам. Хотя окна в гостинице, где мы жили, были открыты круглые сутки, духота мешала плодотворно работать и спокойно отдыхать. В Приморье летом тоже в воздухе много влаги и душно, но все же там дышалось много легче, чем в Яньцзи. Мы вслух мечтали о возвращении домой, но нашим мечтам не суждено было осуществиться. Вскоре пришлось переехать еще дальше на юг.

В один из последних дней августа, когда происходило разоружение японских войск и они направлялись в лагеря для военнопленных, был получен приказ военного совета 1-го Дальневосточного фронта, о передислокации 25-й армии в Северную Корею, где предстояло принять капитуляцию японских войск, находившихся севернее 38-й параллели. Первоначально местом пребывания штаба нашей армии был намечен Хамхын, но командующий армией предупредил нас, что, возможно, штаб разместится в Пхеньяне, расположенном в центре Северной Кореи. Далее И. М. Чистяков сообщил мне, что прилетит за мной самолет, на котором я с группой политработников должен на следующий день вылететь в Корею.

Самолет, как и намечалось, прибыл к вечеру. Летчик сообщил, что командующий армией высадился в Пхеньяне, куда предстояло лететь и нам. Рано утром следующего дня мы вместе со вторым членом военного совета генерал-майором И. С. Фурсовым, начальником политического отдела армии полковником А. Г. Грозовым и другими офицерами политотдела армии вылетели в Пхеньян. Мы с большим волнением ждали встречи с жителями этого города.

Пролетев на большой высоте Хамхын, мы резко повернули на запад, пересекли горный хребет и стали постепенно снижаться. Впереди показался Пхеньян. Он выглядел очень живописно, утопал в зелени. С высоты нельзя было разглядеть линий улиц и кварталов, не было видно высоких домов, но по многочисленным заводским трубам можно было сразу определить, что это крупный про-

Освобожденные из тюрем корейские патриоты благодарят советских воинов

мышленный центр. Город стоит на берегу реки Тэдонган — одной из самых больших рек северной части страны.

Аэродром, на котором мы приземлились, находился рядом с городом. Это был сооруженный японцами военный аэродром с бетонированной полосой. Он был совершенно пуст, и только наличие ангаров и большого числа самолетов напоминало о том, что здесь в недавнем прошлом кипела жизнь.

Было жарко и душно, яркое солнце слепило глаза. Нас встретил заместитель начальника оперативного отдела штаба армии подполковник В. М. Ланин.

Я спросил, куда мы поедем. Ланин ответил, что поедем в гостиницу, где остановился командующий с группой офицеров.

— А кто поддерживает порядок в городе? — спросил я.

— Население организовало народную полицию, — ответил Ланин, — когда мы поедем по городу, вы увидите ее.

Мы сели в машины и поехали в город. Это отняло немало времени. Узкая дорога была сплошь забита двухколесными повозками, запряженными быками, и ручными маленькими тележками. Двигались они очень медленно. Левостороннее движение было непривычно

для наших шоферов и создавало немало трудностей². Мост через реку Тэдонган тоже был очень узок. Двигаться по нему можно было только без обгона едущей впереди повозки или автомашины, так как помимо встречного движения по тому же мосту ходил трамвай. Этот мост был поистине узким местом, затруднявшим связь между правым и левым берегами³.

При въезде на мост наше внимание привлек большой транспарант, на котором было написано по-русски: «Да здравствует СССР». Приятно было видеть это приветствие, написанное неумелой, но дружественной рукой, оно как бы предвещало хорошее начало нашей миссии в Корее.

На улицах города мы видели многочисленные группы людей, оживленно беседовавших между собой. Многие дружественно приветствовали нас жестами и возгласами. Увидели мы тут же корейских полицейских в гражданской одежде, но с повязками на рукавах. Они энергично регулировали движение и были всецело поглощены этой новой для них работой. В то время люди переходили улицы, где кому вздумается. Между тем движение автотранспорта в центре города было весьма интенсивным, и это грозило несчастными случаями. Постепенно народная полиция добилась того, что жители Пхеньяна научились переходу улиц в установленных местах.

А вот и гостиница, где нам предстояло жить. С этого дня начался новый период в моей жизни и работе.

При первой же встрече командующий армии И. М. Чистяков сказал мне, что к нему приходили члены только что созданного народного комитета провинции Южная Пхёнан, чтобы посоветоваться относительно предстоящей работы этого комитета.

— Я ответил им, — сказал Иван Михайлович, — что скоро прилетит член военного совета армии, он с вами побеседует. Завтра утром в девять часов они придут сюда в гостиницу.

Итак, мне предстояла встреча с представителями первых на корейской земле органов народной власти. Не скрою, я ждал ее с большим волнением. Я думал о недавнем прошлом корейских людей, которых так беспощадно грабили и разоряли японские колонизаторы. И вот сейчас в Северной Корее народ начинает строить новую жизнь и знает, верит, что посланцы Страны Советов помогут ему в создании нового общества на освобожденной земле.

² Впоследствии в Северной Корее было введено правостороннее движение.

³ В 1960 году мне довелось снова побывать в Корее, и я видел новый 28-метровый железобетонный мост через Тэдонган.

Встреча советских войск в Пхеньяне

Примерно с такими мыслями ожидал я представителей народного комитета. Я не имел представления, какие вопросы они мне зададут, как они восприняли прибытие советских войск в Пхеньян сейчас, когда уже известно о капитуляции Японии. Со своей стороны, я решил рассказать о победе Красной Армии над японскими войсками, заявить, что советские вооруженные силы вступили в Северную Корею с освободительными целями и, разумеется, не собираются навязывать населению своих порядков. Оно само должно решить, как строить дальнейшую жизнь. Мы же окажем демократическим силам всяческую помощь. «После изложения этих главных вопросов, — думал я, — попрошу корейских товарищей рассказать, чем занимается народный комитет и какую конкретную помощь они хотели бы получить от советского командования».

На следующее утро в назначенное время мы встретились. Среди присутствующих были заведующие отделами народного комитета: административного, финансового, связи, здравоохранения, народного образования, коммунального хозяйства и др.

На беседе присутствовала видная политическая и общественная деятельница Пак Ден Ай. В годы японского господства она работа-

ла в Корее в подполье, сидела в тюрьме. Пак Ден Ай хорошо говорила по-русски и помогала мне и переводчику объясняться с представителями народного комитета.

Известно, что в этот период в Корее пытались пробраться к власти реакционные элементы. К их числу относился, как выяснилось позднее, и председатель народного комитета провинции Южная Пхёнан Чо Ман Сик. Меня поразило его поведение. Во время беседы этот человек неподвижно сидел в кресле с закрытыми глазами, как будто спал. Лишь изредка он молча, еле заметно кивал головой в знак своего согласия или возражения. «Странная пассивность, — подумал я. — Как непохож он на остальных товарищей, оживленных, заинтересованных, гордых своей миссией народных избранников». Когда я сказал об этом Пак Ден Ай, она, улыбнувшись, ответила, что председатель вовсе не спит. Он все видит и слышит, но он является здесь старейшим среди корейцев и по возрасту и по общественному положению и поэтому считает, что, чем меньше он будет говорить, тем выше будет его авторитет. Впоследствии я, однако, убедился, что дело было не только в этом,

Беседа с представителями народного комитета протекала в самой непринужденной обстановке. Вопрос, который больше всего беспокоил меня, — правильно ли поймет население цель нашего прибытия сюда, — выяснился очень быстро. Корейцы приветствовали вступление советских войск в Корею, и в частности в Пхеньян. Все выступавшие расценивали присутствие советских войск как гарантию того, что японское господство навсегда уничтожено, что народ может спокойно строить новую жизнь. Каждый начинал свое выступление с выражения благодарности за освобождение от японского ига и только после этого начинал рассказывать, чем он занимается.

Видно было, что члены народного комитета пытаются каждый в своей области овладеть проблемами, которые им придется решать в будущем. Они говорили, что необходимо быстрее наладить нормальную жизнь в городе, пустить промышленные предприятия, организовать снабжение населения продовольствием, возобновить торговлю и просили советское командование оказать им помощь, так как у них нет ни опыта, ни знаний, а есть только желание работать. Особенно подчеркивали выступавшие отсутствие специалистов. До сих пор во всех отраслях промышленности, транспорта, связи, финансовых органов руководящие должности занимали японские специалисты, а корейцы находились на низших должностях и на второй-степенной работе. Я обещал довести их просьбы до сведения советского командования. На этом закончилось мое первое знакомство с народным комитетом.

Говоря об этой встрече с корейскими представителями, я хочу рассказать об одной трудности, с которой я столкнулся, — это было определение возраста собеседников. Один из участников беседы, ведавший вопросами связи, казался совсем юным. Я думал, что ему не больше 18 лет, и внутренне посочувствовал этому молодому человеку, вспоминая первые годы нашей революции, когда советская молодежь активно включалась в управление государством. «Трудно будет ему руководить работой почты, телеграфа, всеми вопросами связи. Справится ли он с такой большой работой?» — подумал я, но не решился высказать вслух свои мысли. Когда товарищ закончил рассказ о работе своего ведомства и о возникших трудностях, я спросил, каков стаж его работы в органах связи. Он ответил, что около 20 лет. Я пожелал ему успехов в работе.

После совещания у И. М. Чистякова собрались заместитель командующего генерал-лейтенант П. Ф. Лагутин, второй член военного совета армии генерал-майор И. С. Фурсов, начальник политотдела армии полковник А. Г. Громов и я. Я подробно доложил о беседе с членами народного комитета и о тех вопросах, которые они поставили перед советским командованием.

Мы долго обсуждали, как лучше, эффективнее помочь молодым органам корейской демократической власти налаживать хозяйственную жизнь, нормализовать жизнь населения. Народные комитеты пока не располагают ни опытом, ни кадрами. Значит, в первую очередь необходимо выявить в рядах нашей армии специалистов мирных, гражданских профессий, чтобы они помогали в восстановительных работах и готовили национальные корейские кадры. Вместе с тем из первой же беседы с корейскими товарищами стало ясно, что молодые органы власти намереваются сразу же начать подготовку к коренным социально-экономическим реформам. Следовательно, нужно было продумать и вопросы о передаче им советского опыта революционных преобразований.

Мы доложили военному совету 1-го Дальневосточного фронта об обстановке в Корее, о создании корейским населением органов власти в лице народных комитетов. А соответствующим отделам штаба армии и армейским управлениям мы поручили представить свои предложения относительно нормализации жизни в стране и оказания всемерной помощи корейским органам власти.

Накануне капитуляции Японии в Северной Корее насчитывалось 1034 крупных и средних промышленных предприятий, впоследствии национализированных Временным народным комитетом. К моменту нашего прихода в Северную Корею бездействовали все предприятия, за исключением 19 гидроэлектростанций. Японцы при бегстве из Кореи затопили 64 шахты и рудника, вывели из строя десятки предприятий, на которых привели в негодность крупные цехи и агрегаты⁴.

Не меньший ущерб был нанесен железнодорожному транспорту. Многие мосты и тоннели были взорваны. Положение осложнялось тем, что все управление и техническое руководство транспортом находилось ранее в руках японцев (на железных дорогах Северной Кореи работали более 10 тысяч японцев). Паровозы ежедневно выходили из строя, а между тем паровозоремонтные заводы почти прекратили работу из-за отсутствия запасных частей, поступавших ранее из Японии. Плохая работа железных дорог тяжело сказывалась на всей жизни страны.

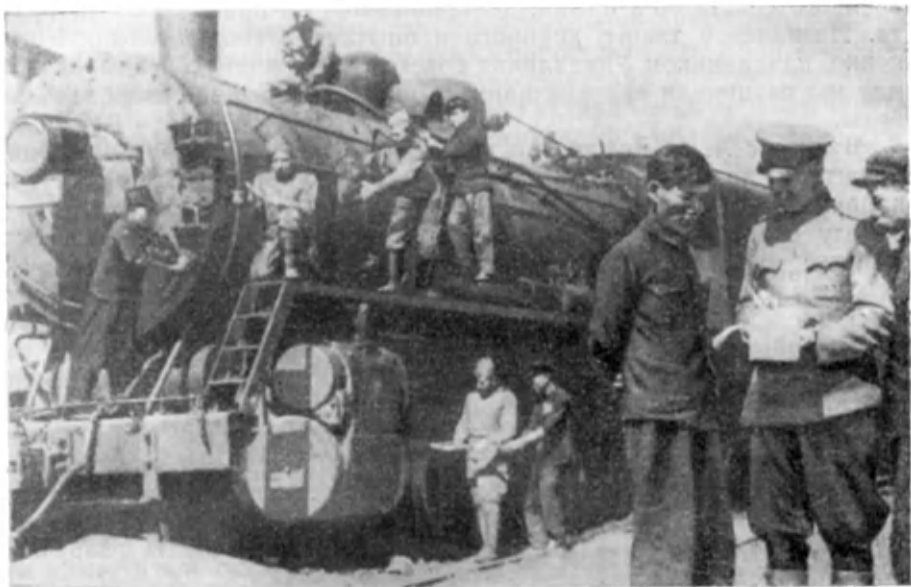
Не лучше обстояло дело со связью. Почта, телеграф и междугородняя телефонная связь фактически прекратили свою работу (частично функционировала только внутригородская телефонная связь).

Потрясающее впечатление производили условия существования населения, нищета, скученность.

На плечи военного совета армии ложились задачи не только разоружения японских войск и повседневного руководства жизнью наших армейских частей и соединений, но и нормализации жизни страны, которую мы освободили и народ которой ждал от нас помощи, совета, поддержки. А это значило, что надо было заниматься сугубо гражданскими вопросами. Вот почему и мне лично пришлось во время пребывания в Северной Корее работать не только в армии, но и среди населения, помогая становлению новой, народной корейской власти, пробуждению к политической жизни широких слоев населения.

Такая деятельность не могла не привлекать меня, старого политработника. К тому времени я уже прослужил в Советской Армии более 25 лет и прошел разные ступени: был политруком роты, преподавателем военно-учебного заведения, заместителем командира полка по политической части, начальником политотдела соединения,

⁴ Эти данные взяты мной из официального доклада советника по промышленности при командующем армией подполковника Т. И. Коркуленко.

Советские воины помогают корейским рабочим ремонтировать паровоз

членом военного совета армии. На гражданской работе мне ранее не приходилось бывать. Но вот обстоятельства сложились таким образом, что нужно было глубоко вникать в самые разные области сугубо гражданских дел.

Обстановка требовала создания при командующем армией специального органа по гражданским делам, который занимался бы всеми вопросами, связанными с возрождением Кореи как независимого государства, восстановлением разрушенной экономики, оказывал бы корейскому народу помощь в искоренении остатков японского колониального господства, в демократизации страны, повышении культурного уровня народа. Вскоре был создан такой орган — советская гражданская администрация во главе с генерал-майором А. А. Романенко. Он прибыл в Пхеньян во второй половине сентября 1945 года.

Мы хорошо знали Андрея Алексеевича — старого дальневосточника, опытного политработника. Перед войной с Японией он был членом военного совета Приморской группы войск. После образования 1-го Дальневосточного фронта А. А. Романенко был назначен членом

военного совета 35-й армии, действовавшей на правом фланге фронта. Назначение такого крупного и опытного работника, как Романенко, начальником Управления советской гражданской администрации мы расценили как признание первостепенного значения этой работы.

Вместе с А. А. Романенко прибыла группа офицеров армейского масштаба, возглавлявших отделы штаба и управления армии. Так, например, полковник Г. С. Лазарев, которому предстояло наладить работу средств связи, был начальником связи армии. Он в совершенстве знал и технику и организацию средств связи. Столь же опытным специалистом был подполковник А. Т. Илатовский, которому предстояло помочь упорядочить финансы. Подполковнику Долгих, начальнику военных сообщений армии, предстояла большая работа по восстановлению и налаживанию железнодорожного транспорта. В числе прибывших с А. А. Романенко были майор И. И. Кадышев — по специальности агроном, в прошлом крупный работник министерства сельского хозяйства, майор Ротблют, врач по специальности, занимавший пост начальника санитарного отдела армии, и другие. Я назвал лишь некоторых офицеров, которым предстояло рука об руку с корейскими товарищами восстанавливать разрушенную страну.

В Управлении советской гражданской администрации были сконцентрированы высококвалифицированные кадры специалистов по всем важнейшим отраслям промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, здравоохранения и культуры. Не навязывая своих мнений, не командуя, они оказывали корейским товарищам содействие в решении возникавших вопросов.

После образования Корейской Народно-Демократической Республики некоторые работники гражданской администрации были по просьбе правительства КНДР оставлены в Корее советниками при министерствах. Так, А. Т. Илатовский стал советником в министерстве финансов, И. И. Кадышев — в министерстве сельского хозяйства, Г. С. Лазарев — в министерстве связи. Полковник А. М. Игнатьев после вывода советских войск из Северной Кореи работал в качестве советника посольства СССР в КНДР. Он трагически погиб в 1951 году во время войны.

Гражданская администрация стала важным центром по оказанию содействия корейским трудящимся. Приведу несколько примеров.

Когда созданный в начале 1946 года центральный орган власти Северной Кореи — Временный народный комитет — решил открыть в Пхеньяне университет, советская гражданская администрация ока-

зала непосредственную помощь как в его организации, разработке учебных планов и программ, так и в подготовке преподавательских кадров. Были приглашены ученые из Советского Союза для консультации и чтения лекций корейским преподавателям и студентам. Приезд в Северную Корею таких ученых, как академик А. И. Опарин, профессор Маркушевич и другие, имел огромное значение для организации народного образования в КНДР.

При содействии гражданской администрации в 1946 году первая группа молодых корейцев поехала на учебу в СССР, чтобы получить высшее образование.

Осенью 1947 года генерал А. А. Романенко был назначен на другую должность и уехал на родину. Обязанности начальника гражданской администрации были возложены на меня (наряду с моей основной работой члена военного совета). В мае 1948 года штаб 25-й армии и все полевое армейское управление были переведены на территорию Советского Союза. В Корею было оставлено минимальное количество советских войск. Командир одного из соединений, оставшихся в Корею, был назначен старшим военным начальником. С этого времени до вывода советских войск из Кореи в конце декабря 1948 года я работал только в гражданской администрации. Моим заместителем по политической части был опытный политработник, бывший начальник политотдела 35-й армии полковник А. М. Игнатьев.

СОВЕЩАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАРОДНЫХ КОМИТЕТОВ

Чтобы дать читателю более ясное представление об обстановке, сложившейся в Северной Корею на заре становления нового строя, о первых шагах народной власти и о методах работы советского командования, мне хочется подробно рассказать о совещании представителей народных комитетов в начале октября 1945 года, на котором привелось присутствовать и нам. Та встреча с представителями народного комитета провинции Южная Пхёнан, о которой я упоминал выше, имела характер первого знакомства. В то время обстановка в стране — политическое положение, состояние экономики — не была еще ясна. После месячного пребывания в Северной Корею у нас сложилось уже более ясное представление о состоянии промышленности, транспорта и других отраслей экономики.

Картина была безотрадной. Советское командование приняло меры к сохранности промышленных предприятий, но их нужно было не только сохранять, но и вводить в действие. Как это сделать луч-

ше, быстрее, как обеспечить население работой, питанием, одеждой? Народные комитеты провинций Северной Кореи хотели обсудить вместе с нами все эти вопросы. Было созвано совещание, которое проходило с 7 по 11 октября 1945 года. Присутствовали на нем 170 человек: 111 делегатов провинциальных народных комитетов (из них 51 коммунист), 39 — от различных слоев населения Пхеньяна и 20 представителей советского командования. В своем выступлении на этом совещании командующий советскими войсками в Корее И. М. Чистяков подчеркнул, что Красная Армия, находящаяся на корейской земле, не преследует никаких корыстных целей и не имеет намерения навязывать свои порядки. Создание независимого и демократического корейского государства — дело самого народа.

— Вы сами, — заявил командующий, — устанавливайте порядки, какие желает ваш народ. Мы не собираемся захватывать частную и общественную собственность граждан Северной Кореи. Она находится под надежной защитой советских военных властей.

На совещании были обсуждены меры, которые могли бы оказаться эффективными для налаживания хозяйственной и культурной жизни. В частности, речь шла об учете источников сырья, оборудования, рабочих кадров, прежде всего инженерно-технического персонала; о создании курсов и различных учебных заведений для подготовки квалифицированных рабочих и специалистов. Обсуждался также вопрос о том, какие предприятия следует восстановить и ввести в эксплуатацию в первую очередь, и вопрос о переводе на мирные рельсы ряда заводов, выпускавших ранее военную продукцию.

Важной задачей совещания было решение вопроса о снабжении населения продуктами питания и обеспечении промышленности сырьем. В связи с этим большое значение приобретала система заготовок сельскохозяйственных продуктов и правильного их распределения. Существовавший при японцах грабительский порядок заготовок (у крестьян отбирался почти весь урожай, и запрещалась торговля продуктами) был отменен. Предстояло ввести новый, соответствующий новому строю, порядок.

Было обращено внимание на вопросы упорядочения финансового хозяйства, строгого учета источников доходов и экономного расходования средств, чтобы обеспечить твердость валюты. Обсуждался вопрос о создании таких форм торговли, которые могли бы влиять на рынок и свести на нет попытки спекулянтов подорвать финансовую систему страны.

На совещании обсуждался также вопрос о необходимости выработки единой структуры народных комитетов на местах, создания

постоянно действующих местных органов власти путем проведения демократических выборов.

Работа совещания проходила по секциям. Было создано пять секций. В административную входили председатели и заместители председателей народных комитетов провинций, работники органов коммунистической партии в провинциях и городах, заведующие отделами народного образования, здравоохранения, начальники отделов полиции. Это была самая многочисленная секция, в ней участвовали 60 человек. Членами секции промышленности были заведующие промышленными отделами народных комитетов, работники местной промышленности, работники связи — всего 38 человек. В секции сельского хозяйства, торговли и заготовок работали заведующие отделами сельского хозяйства, торговли и заготовок народных комитетов. В финансовую секцию вошли начальники финансовых и налоговых отделов народных комитетов, директора банков и другие финансовые деятели. Работала также секция железнодорожного транспорта.

Совещание приняло на основе рекомендаций секций развернутое решение.

Во-первых, была определена единая организационная структура народных комитетов всех ступеней. Было решено также провести выборы сельских старост (1—15 ноября на общих собраниях граждан села) и волостных народных комитетов (15—30 ноября на волостных съездах). Право быть избранными предоставлялось всем гражданам, достигшим двадцатилетнего возраста. Лишались избирательного права только лица, осужденные по суду, и национальные предатели.

Во-вторых, были выработаны конкретные меры, направленные к тому, чтобы скорее наладить и пустить в ход промышленные предприятия. В угольной промышленности было решено создать трест с задачами планирования и организации сбыта. Было решено к 1 ноября 1945 года пустить в эксплуатацию 24 шахты, ряд предприятий легкой промышленности, упорядочить руководство энергетическим хозяйством, организовать почтово-телеграфную связь.

Были намечены также меры для налаживания транспорта. Совещание решило организовать с 1 ноября нормальное движение как пригородных, так и дальних пассажирских поездов, а к 15 декабря восстановить все разрушенные мосты и тоннели.

В связи с тем, что одной из самых больших трудностей являлась малочисленность технических кадров, совещание высказало пожелание о том, чтобы в Корею были командированы из Советского Союза специалисты-консультанты.

Совещание наметило меры по упорядочению финансов. Было решено создать Центральный банк Северной Кореи.

Совещание рассмотрело и вопросы, связанные с организацией торговли и заготовок и установлением закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию.

Корейские товарищи с большим вниманием отнеслись к рекомендациям советских представителей.

На заключительном заседании был зачитан приказ командующего советскими войсками, в котором излагались цели вступления Советской Армии в Северную Корею.

Совещание выработало единую структуру организации народной власти, но центрального органа власти на территории Северной Кореи по-прежнему не существовало.

Было решено создать административные органы во главе с корейскими товарищами, которые при содействии советских специалистов осуществляли бы руководство всеми отраслями народного хозяйства и культуры. Главной целью создания этих органов, получивших название департаментов, была подготовка национальных кадров, способных руководить промышленностью, транспортом, финансами, просвещением.

В октябре — ноябре 1945 года были организованы департаменты промышленности, путей сообщения, финансов, земли и леса, связи, торговли, просвещения, здравоохранения, юстиции и полиции. В каждом департаменте были советники — советские специалисты.

Подбор кадров в департаменты производился с помощью созданного в тот период Оргбюро ЦК Коммунистической партии Северной Кореи и народных комитетов провинций. Как видно из простого перечня департаментов, они охватывали своей деятельностью все стороны экономической и культурной жизни страны.

Когда в феврале 1946 года был создан Временный народный комитет, все департаменты перешли в его ведение и стали его рабочими органами.

РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАРОДНЫХ МАСС

Конец 1945 и начало 1946 года были для корейской общественности периодом большой организационной работы. Народные комитеты уездов и провинций перестраивались в соответствии со структурой, принятой на октябрьском совещании. В волостях происходили выборы волостных народных комитетов, в селах — сельских старост.

В политической жизни Северной Кореи происходил процесс активизации широких народных масс. Под руководством коммунистов они приобщались к общественной деятельности, объединялись в демократические организации. В этот период были созданы профессиональные союзы, крестьянские союзы, женские и молодежные объединения, культурно-просветительные общества.

В октябре 1945 года состоялось совещание представителей коммунистических организаций провинций Северной Кореи, которое избрало Оргбюро ЦК в составе 17 человек⁵. В Оргбюро вошли представители всех провинциальных организаций. Оргбюро фактически играло роль Центрального комитета Компартии Кореи. Сама жизнь требовала этого.

Авторитет Коммунистической партии неуклонно повышался, быстро увеличивалось и число ее членов. Цели Коммунистической партии, ее лозунги и практические дела были близки и понятны широкому народным массам. Коммунистическая партия играла руководящую роль в общественной жизни страны. По ее инициативе были осуществлены коренные революционные и демократические преобразования, осуществлялись вековые народные чаяния. Слова коммунистов не расходились с их делами.

Это, однако, не означает, что в работе коммунистов Северной Кореи все было гладко, что шли они по ровной дорожке, не встречая никаких рывков и ям. Были и большие трудности, на местах порой допускались ошибки. Ведь необходимо учитывать молодость многих партийных работников, сложность обстановки. К тому же у коммунистов тогда еще не было документов, подтверждающих принадлежность к партии, что облегчало подрывную деятельность вражеских элементов.

Приведу некоторые примеры.

На угольных шахтах Садона реакционным элементам удалось спровоцировать рабочих на выдвижение невыполнимых требований — шестичасового рабочего дня и резкого повышения заработной платы. Пробравшиеся в Вонсанский городской комитет компартии реакционеры в провокационных целях создали особый отдел, который считал беззакония, производил аресты «противников коммунистов». Кое-где выдвигались требования о введении в Корею советских порядков и другие левацкие лозунги. Оргбюро ЦК компартии

⁵ Коммунистическая партия Кореи была создана в 1925 году. По решению Коминтерна прекратила в 1928 году свое существование как единая организация. Была создана на новой основе в августе — сентябре 1945 года. В результате объединения в августе 1946 года Коммунистической и Новой народной партии Северной Кореи образовалась Трудовая партия Северной Кореи.

Северной Кореи исправляло ошибки местных партийных организаций.

Мы часто встречались с руководящими работниками Трудовой партии, делились опытом партийной работы, подготовки и воспитания кадров, подолгу беседовали о самых различных вопросах, связанных с руководящей ролью партии в стране.

Приходилось также встречаться с руководителями Демократической партии и партии Чхонудан. В этих партиях была довольно значительная буржуазная прослойка, особенно в Демократической. Пробравшийся к ее руководству Чо Ман Сик выступил против решений Московского совещания министров иностранных дел 1945 года, которые, как известно, открыли путь к созданию демократического корейского государства. Как я уже писал, Чо Ман Сик первое время был и председателем народного комитета провинции Южная Пхёнан. Члены народного комитета — как коммунисты, так и беспартийные — требовали, чтобы комитет обсудил решения Московского совещания, но Чо Ман Сик категорически отказывался.

— Раз я не согласен с этим решением, — говорил он, — я не буду ставить его на обсуждение.

Спустя много времени, когда выясилось подлинное политическое лицо этого человека, нам стало ясно, что Чо Ман Сик уже тогда выполнял задания реакционных кругов Южной Кореи.

В феврале 1946 года состоялся чрезвычайный съезд Демократической партии, который осудил Чо Ман Сика и его группу и исключил их из партии. Так закончился один из этапов борьбы против тех, кто противился установлению в Северной Корее демократического строя.

* * *

Наряду с созданием политических партий интенсивно шел процесс объединения трудящихся в профессиональные союзы и другие общественные организации. Только за сентябрь — октябрь 1945 года в Северной Корее было создано 15 отраслевых профессиональных союзов. В конце ноября 1945 года был созван первый съезд профсоюзного объединения. Почти одновременно был создан Демократический союз женщин. В январе 1946 года состоялся съезд крестьянских комитетов, на котором было принято решение о создании Крестьянского союза Северной Кореи.

Возникли также такие организации, как Ассоциация работников культуры и искусства, Общество помощи борцам против японского империализма, Общество культурной связи с Советским Союзом, Союз потребительских обществ и др.

Жизнь, творческая энергия народа буквально били ключом. Радостными, красочными, праздничными были демонстрации и митинги трудящихся. Особенно запомнился мне массовый митинг, посвященный освобождению корейского народа. Он состоялся 14 октября 1945 года, через два дня после совещания представителей народных комитетов, о котором я писал. Населению Пхеньяна было сообщено, что на митинге впервые будет выступать возвратившийся на родину Ким Ир Сен. Народ хорошо знал имя этого непримиримого борца за независимость Кореи.

День митинга выдался на редкость ясным, солнечным. С раннего утра жители Пхеньяна и близлежащих сел потянулись на стадион. Шли организованными колоннами и поодиночке. На митинге присутствовали представители народного комитета провинции Южная Пхёнан, руководители Коммунистической партии и других общественных организаций.

Стадион, вмещающий около 80 тысяч человек, был переполнен. Несмотря на присутствие такого огромного числа людей, царил образцовый порядок. У всех было радостное, праздничное настроение. Со всех сторон раздавались приветственные возгласы, звучали слова дружбы.

На этом митинге выступили представители общественных организаций страны, представители советского командования. Там же состоялось первое большое выступление на освобожденной земле товарища Ким Ир Сена. У меня сохранилась его запись.

Ким Ир Сен сказал, что в самые трудные дни корейцы обращали свои взоры к Советскому Союзу, веря, что оттуда должно прийти освобождение. «И мы, — продолжал оратор, — никогда не забудем великой заслуги Красной Армии, навсегда освободившей нас, мы останемся верными дружбе с Советским Союзом. Мы вечно сохраним благодарность к Советскому Союзу — нашему спасителю». Эти слова были встречены бурной овацией.

Собравшиеся приняли обращение к населению Северной Кореи с призывом мобилизовать все силы на строительство новой жизни.

ПОДВИГ СОВЕТСКОГО ОФИЦЕРА

Во время одной из демонстраций в Пхеньяне совершил героический подвиг советский офицер — младший лейтенант Новиченко. Рискую жизнью, он спас руководителей Коммунистической партии и народной власти Северной Кореи и представителей советского командования.

Это произошло 1 марта 1946 года, в день годовщины антиимпериалистического народного восстания 1919 года, память о котором свято хранит корейский народ. По этому случаю была организована демонстрация, первая после освобождения страны. Она, как и намечалось, началось ровно в 10 часов утра. Около 11 часов мимо трибуны проходили студенты. Вдруг из одной колонны кто-то бросил гранату прямо на основную трибуну, где стояли корейские руководители и советские генералы.

Младший лейтенант Новиченко, который вместе с другими советскими офицерами находился возле трибуны, бросился за гранатой и схватил ее, шипящую. В любое мгновение она могла взорваться. А кругом двигался людской поток. Куда бросить гранату? Некуда! И младший лейтенант, не задумываясь, решил пожертвовать собой. Держа гранату двумя руками, он прижал ее к себе, прикрывая своим телом тех, кто стоял на трибуне и вокруг нее. Произошел оглушительный взрыв.

Стоявшие на трибуне не пострадали, а у Новиченко были оторваны правая рука, кисть левой руки и пальцы ног и, кроме того, серьезно повреждены колени, грудная клетка и частично лицо.

В госпиталь, где лечился Новиченко, приходили тысячи людей с цветами, подарками и словами глубокой благодарности.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

К ноябрю 1945 года в результате поистине героических усилий корейских трудящихся и советских специалистов был подготовлен к пуску ряд предприятий и шахт. При помощи уже созданных в то время департаментов учитывались запасы сырья, подбирались руководящие кадры для работы в промышленности.

Вскоре задымили трубы промышленных предприятий, шахтеры стали выдавать на-гора уголь, свинцовую, цинковую, медную руду. Первыми вступили в строй такие предприятия, как Хыннамский химический комбинат, предприятия, выпускающие вольфрамовые и графитовые концентраты, заводы по выплавке цветных металлов.

После капитально-восстановительного ремонта, который тоже производился под непосредственным руководством советских специалистов, в первой половине 1946 года было пущено полностью или частично 228 предприятий⁶. К 1 января 1947 года были уже введе-

⁶ Путем использования оборудования, снятого с бывших военных предприятий, были введены в действие инструментальный и авторемонтный заводы в Пхеньяне.

ны в действие 822 из 1034 бывших японских предприятий, переданных советским командованием Временному народному комитету Северной Кореи.

Помощь советских специалистов при восстановлении, пуске и эксплуатации промышленных предприятий не ограничивалась технической стороной. Они вложили много труда и энергии в подготовку корейских национальных кадров, передавали им свой организационно-технический опыт. Уже в 1946 году были подготовлены на курсах директоров предприятий 24 человека, а непосредственно на предприятиях — 511 мастеров и бригадиров и 5 тысяч квалифицированных рабочих. В следующем 1947 году курсы директоров окончили уже 100 человек, были подготовлены 319 техников, 933 мастера и 10 тысяч квалифицированных рабочих.

Большая работа была проведена советским командованием по восстановлению работы железных дорог. Из числа военнослужащих, имевших железнодорожные специальности, были назначены военные коменданты всех узловых и портовых станций, а также станций, где имелись паровозные депо и система водоснабжения.

Силами связистов армии и местных железнодорожников был организован ремонт линейной связи.

Особенно большую помощь оказал железнодорожный полк, прибывший в Корею по решению советского командования. В полку имелись машинисты, начальники станций, инженеры, диспетчеры, специалисты по ремонту паровозов, вагонов и т. д. Советские железнодорожники обучали корейских товарищей, повышали их квалификацию. В результате уже в 1947 году железнодорожный транспорт стал рентабельным.

Постепенно улучшались и условия жизни трудящихся Северной Кореи.

ПОЕЗДКА В СЕУЛ

Как известно, с целью содействовать созданию в Корее временного демократического правительства участники Московского совещания министров иностранных дел 1945 года решили учредить Совместную комиссию из представителей советского и американского командования. Эта комиссия собиралась в Сеуле дважды: первый раз — с 20 марта по 8 мая 1946 года, второй раз — спустя год. У меня осталось больше воспоминаний о пребывании в Сеуле в 1947 году, и некоторыми из них хотелось бы поделиться.

В мае 1947 года мы получили сообщение о том, что достигнуто соглашение с правительством США о возобновлении с 20 мая ра-

боты Совместной советско-американской комиссии по Корее и что советская делегация утверждена в следующем составе: глава делегации — заместитель командующего Приморским военным округом Т. Ф. Штыков, члены делегации — ответственный работник МИД СССР Г. И. Тункин и Н. Г. Лебедев. Впоследствии в связи с тем, что американская делегация состояла из пяти человек, в советскую делегацию были включены еще два члена — сотрудник МИД Г. М. Баласанов и Т. И. Коркуленко. При делегации имелись советники и эксперты.

16 мая в Сеул была отправлена небольшая группа во главе с начальником хозяйственной части для организационной работы, связанной с размещением советской делегации. Было решено, что делегация разместится в бывшем советском генеральном консульстве и в предоставленном нам американским командованием двухэтажном доме, находящемся рядом с консульством.

Днем 19 мая Т. Ф. Штыков прилетел в Пхеньян, а на следующее утро делегация выехала поездом в Сеул. Известие о возобновлении работы Совместной комиссии было встречено корейской общественностью с большим удовлетворением. Задолго до отправления поезда на вокзал прибыли представители политических партий и общественных организаций. Они пришли с транспарантами и плакатами, на которых были написаны пожелания успешной работы по объединению Кореи. Погода была прекрасная, кругом море цветов и зелени. Торжественная обстановка проводов создавала приподнятое настроение.

Мне вспомнилась беседа с одним корейским общественным деятелем, которая состоялась накануне. Речь шла о возобновлении работы советско-американской комиссии. Корейский товарищ пожелал нам успехов в работе и в заключение сказал:

— Мы понимаем, что ваша работа в Сеуле будет нелегкой. Мы, живущие в Северной Корее, стоим за объединение страны, и как можно скорее. Но мы не за любое объединение, а за такое, в результате которого страна будет управляться народом, а не капиталистами и помещиками. Крестьяне Северной Кореи, получившие землю, никому ее не отдадут, рабочие не захотят вернуться к капиталистическому строю. Народ не отдаст своих завоеваний. Я не думаю, что американцы согласятся со всем тем, что проведено у нас в Северной Корее. Но я уверен в том, что советская делегация будет неутомимо и решительно отстаивать интересы корейского народа.

Короткий митинг на вокзале. Представитель Единого Демократического фронта Северной Кореи произнес речь. С ответным

словом выступил Т. Ф. Штыков. Прощаемся с провожающими. Последние рукопожатия, и поезд медленно трогается.

На всех железнодорожных станциях Северной Кореи нас горячо встречали представители населения. Запомнилась станция Саривон, вся заполненная народом. Здесь тоже состоялся короткий митинг. И здесь, как и в Пхеньяне, горячие, страстные слова: «Быстрее объединим страну!», «Создадим Временное демократическое правительство Кореи!», «Не отступим от Московских решений по Кореи!». Рукопожатия, слова большой дружбы и благодарности. То же было и на других станциях.

Совсем иная встреча ожидала нас после пересечения 38-й параллели. На первой же станции наш поезд был оцеплен полицией. К нам никого не подпускали.

В Сеуле нас встречали члены американской делегации бригадный генерал Дж. Векерлинг и советник Лангдон. На перроне фотографы и кинооператоры, но ни одного корейского гражданина. После фотографирования мы вместе с представителями американской делегации вышли на привокзальную площадь. И здесь ни одного корейца. На пустой площади, оцепленной полицейскими и американскими солдатами, стоял только военный оркестр, исполнивший марш при нашем выходе из вокзала.

На всем протяжении пути от вокзала до советского консульства по обеим сторонам улицы на расстоянии 10—15 шагов выстроились полицейские. Впереди наших машин шел американский броневик и открытый джип с американскими солдатами. Под такой «охраной» мы и приехали в нашу резиденцию.

Казалось, что мы попали в другой мир, хотя это была одна и та же страна — Корея. Сеул как будто вымер. Но мы прекрасно знали, что его жители жадно, с надеждой следят за событиями, хотя они и вынуждены тщательно скрывать свои мысли и свои надежды.

Я не буду останавливаться на работе Совместной советско-американской комиссии. Хочу лишь рассказать о массовом митинге, организованном Демократическим национальным фронтом Южной Кореи в поддержку работы Совместной комиссии. Митинг проходил в парке Намсан в Сеуле 27 июля 1947 года. Его организаторы пригласили членов советской и американской делегаций.

На митинг мы поехали вместе с американцами. Заметны были усиленные наряды полиции, но никаких препятствий направляющимся в парк не чинилось. Народу в парке было много, однако соблюдался идеальный порядок. Представителей советской и американской делегаций пригласили на трибуну. Отношения между акти-

вистами демократических организаций и полицией казались нормальными, но это, разумеется, была только видимость.

Вот выступил представитель профсоюзов. Он критиковал позицию реакционных партий, разоблачал их как противников объединения Кореи. Собравшиеся поддерживали его дружными аплодисментами, одобрительными возгласами. Но едва лишь он закончил свою речь и сошел с трибуны, как полиция арестовала его. Тут же ему надели наручники. Такая же участь постигла представительницу женского союза. И все это происходило на глазах американской и советской делегаций. Полиция совершенно не стеснялась нашего присутствия.

Мы не могли спокойно смотреть на расправу с представителями демократических организаций и тут же обратились к американским представителям с просьбой вмешаться, прекратить насилие и освободить арестованных. Однако американские представители холодно ответили, что мы здесь гости и не нужно мешать полиции выполнять свою работу.

Повлияли ли аресты выступающих на дальнейший ход митинга? Нисколько. Митинг продолжался. Выступавшие говорили страстно, гневно. Во время этого митинга мы увидели и почувствовали всю сложность обстановки, в которой приходилось действовать южнокорейским демократическим силам.

Мы стали свидетелями находчивости южнокорейских женщин-активисток, которые сумели уберечь от ареста представителя молодежи. Как это произошло? Яркое выступление этого юноши буквально покорило нас. С большой силой и страстью он разоблачал преступные действия корейских реакционеров. Судя по тому, как дружно одобряли молодого оратора присутствующие, его слова отвечали думам и чаяниям большинства участников митинга. Заключительные слова речи — здравица в честь будущей Корейской демократической республики — были подхвачены громкими возгласами «мансе!».

«Какая участь постигнет этого мужественного молодого патриота?», с тревогой думали мы. Проходит минута, другая, но полицейские никого не арестовывают. Только среди них заметно какое-то смятение, необычное движение. Видно, что они усиленно ищут оратора.

Я тоже пытаюсь отыскать его глазами и внимательно осматриваю трибуну. Но мои поиски были тщетны. Он точно в воду канул. Куда он мог деться? Мое волнение заметили находившиеся на трибуне женщины. Они подошли ко мне и сказали, что молодой человек в безопасности, за него беспокоиться нечего.

— Но я внимательно смотрел, — говорю я, — и не видел, как он сошел с трибуны.

— Это немудрено, — улыбаясь, ответили они мне.

Оказалось, что оратор успел переодеться и до неузнаваемости изменить свою внешность за спинами женщин, которые встали во круг и загородили его от глаз полицейских.

После пятимесячной дискуссии американская сторона сорвала работу Совместной комиссии и открыто стала на путь отказа от решений Московского совещания.

21 октября мы покинули Сеул. Решили лететь самолетом. Аэродром находился в 25 километрах от Сеула. Провожали нас с особым «почетом». Впереди шла машина с американской военной полицией (МП), затем броневик. Сзади опять броневик и машина с военной полицией.

ПРОЩАНИЕ

В заключение я расскажу о последних днях нашего пребывания в Северной Корее.

Первая сессия Верховного народного собрания, избранного как на Севере, так и на Юге страны, открылась в Пхеньяне 2 сентября 1948 года. Эта сессия провозгласила создание КНДР и утвердила конституцию страны.

Заседание открыл встреченный бурными аплодисментами всего зала старейший 82-летний депутат от Южной Кореи Тен Ун Ен — беспартийный крестьянин, участник национально-освободительного движения. В своей речи он сказал:

— Разрешите от имени всего корейского народа выразить благодарность Советской Армии, великому советскому народу — освободителям нашего народа от колониального господства японского империализма, всемерно оказывающим помощь в достижении единства и независимости нашей родины.

Все выступавшие тоже благодарили советский народ и Советскую Армию за освобождение и помощь. Заместитель премьера тов. Ким Чак сказал:

— Коренным условием, при котором мы смогли выполнить закон о национализации важнейших отраслей промышленности в Северной Корее, является то, что Советская Армия, находящаяся в Северной Корее, передала корейской демократической власти все заводы, рудники, железные дороги, связь, банки и другие богатства. Вместе с этим Советская Армия оказывает нам большую по-

мощь в деле восстановления и развития национальной промышленности.

Говоря о больших темпах роста промышленности, Ким Чак подчеркнул, что главной причиной такого темпа роста народного хозяйства является братская помощь великого советского народа.

— Советский Союз оказал корейскому народу большую помощь в осуществлении демократических преобразований в области политики, экономики и культуры в Северной Корее,— сказал депутат Хон Мен Хи.

Депутат Пэк Нам Ун говорил о проекте конституции, представленном на обсуждение Верховного народного собрания.

— Я думаю,— заявил он,— что эта конституция — самое большое историческое достижение, завоеванное народом Северной Кореи при помощи Советской Армии.

Председатель кабинета министров Ким Ир Сен начал свою речь словами, что благодаря героической борьбе великой Советской Армии корейский народ освобожден от колониального рабства. Народ Северной Кореи, используя бескорыстную помощь Советского Союза, ускоряет создание объединенного правительства, быстро восстанавливает разрушенные японцами промышленность и транспорт.

Первая сессия Верховного народного собрания обратилась к правительствам Советского Союза и США с просьбой об одновременном выводе советских и американских войск из Кореи. Правительство США не откликнулось на эту законную просьбу, а Советское правительство, верное своим международным обязательствам, заявило, что советские войска будут выведены из Кореи до конца 1948 года.

По поручению советского командования на мою долю выпала честь довести до сведения правительства КНДР решение о выводе наших войск из Кореи. Я хорошо помню, какое огромное впечатление произвело это известие. После того как я зачитал решение Советского правительства, воцарилась полнейшая тишина. Затем тов. Ким Ир Сен от имени правительства КНДР выразил благодарность Советскому правительству.

Вывод советских войск вылился в яркую демонстрацию дружбы с корейским народом. Буквально все население Кореи выходило провожать советские войска с национальными флагами, цветами, памятными подарками. Их провожали как самых близких друзей.

Последний эшелон советских войск, с которым и я покинул корейскую землю, отправлялся 26 декабря 1948 года. Мне вспоминается прощальный многотысячный митинг, посвященный проходам

советских войск, который состоялся на привокзальной площади в Пхеньяне.

Первым на митинге от имени правительства КНДР выступил заместитель премьера тов. Ким Чак. Затем было зачитано благодарственное письмо Советскому правительству от корейского народа. Тут же это письмо было вручено представителю советского командования генералу С. П. Меркулову. Дети преподнесли советским представителям цветы.

После окончания митинга мы вместе с провожающими нас корейскими руководителями идем на перрон вокзала, где стоит готовый к отходу наш поезд. Последние волнующие минуты. Мы крепко жмем руки корейским друзьям и обнимаемся с ними, как родные братья.

Наш поезд медленно отходит от перрона вокзала. Из окна вагона хорошо видно бушующее море знамен на площади. Нам машут флажками, желая счастливого пути. Мы долго не отходим от окна, мысленно прощаясь с Пхеньяном, где мы прожили более трех лет.

Прощальные митинги состоялись также в городах Хамхыне, Чхонджине, Хверене, Чонсоне. В Нанаме к нам в поезд сел бывший в то время военным министром тов. Цой Ен Ген (ныне председатель президиума Верховного народного собрания КНДР). Вместе с Ким Иром, который в то время был начальником Главного политического управления Народной армии КНДР, и другими товарищами он проводил нас до границы. Утром 31 декабря поезд прибыл на пограничную станцию Хонни. Здесь состоялся последний прощальный митинг на корейской земле.

В 12 часов 30 минут по местному времени мы вместе с провожавшими нас корейскими товарищами приехали на советско-корейскую границу. Предстоял заключительный акт проводов — официальное закрытие границы. Мы еще раз сердечно попрощались у пограничной черты на середине моста через реку Туманган и вместе с Цой Ен Генем опустили пограничный шлагбаум. По одну сторону стояли наши, советские, по другую — корейские пограничники.

С чувством выполненного интернационального долга, искренней дружбы и большой симпатии к трудолюбивому и талантливому корейскому народу покинули мы «страну утренней свежести».

*М. А. Бабилов,
Герой Советского Союза*

МОРСКИЕ РАЗВЕДЧИКИ

Война на Западе закончилась, но на Востоке все еще полыхало военное пламя. Японские захватчики хозяйничали на азиатском материке, на многочисленных островах Тихого океана, флот Японии продолжал пиратствовать на морях.

И вот урочный час настал. Японскому императору и правительству, отвергнувшим ультиматум союзных держав, объявлено о вступлении Советского Союза в войну против Японии. В ночь на 9 августа 1945 года советские вооруженные силы, сосредоточенные на восточных рубежах, начали боевые действия. Фронт протянулся от побережья Японского моря до границ Монгольской Народной Республики. Колоссальная лавина войск пришла в движение, стала охватывать Квантунскую армию с флангов, рассекать ее глубокими клиньями: в глубь ее тылов высаживались воздушные и морские десанты. Приступил к боевым действиям и советский Тихоокеанский флот. Корабли вышли на неприятельские морские коммуникации, авиация нанесла первые удары по портам и другим военным объектам противника.

Известие о начале войны застало наш особый разведывательный отряд в густых лесных зарослях на сопках Приморья, где проводились многодневные учения. Почти четыре года войны были за плечами ветеранов отряда (он был создан в первые дни боев с Германией). Десятки набегов на занятые врагом северные приморские земли нашей страны, на побережье Финляндии и Норвегии совершили разведчики, немалый урон нанесли они врагу. Мно-

гне из них остались лежать на заполярных высотах и на дне холодного моря. Бывшие североморцы составили костяк отряда, его боевое ядро. Большинство из них имели по несколько боевых орденов и медалей. Командир отряда старший лейтенант Виктор Леонов, старшины Семен Агафонов, Андрей Пшеничных, Дмитрий Соколов — Герои Советского Союза. На Востоке отряд пополнился молодыми моряками-тихоокеанцами.

УНГИ И НАЧЖИН

На второй день войны, 10 августа, мы вернулись на свою базу под Владивостоком, а утром 11 августа пришел боевой приказ — выйти в первую десантную операцию на побережье Кореи. Отряд, состоящий из двух взводов и группы, непосредственно подчиненной командиру, должен отправиться на выполнение боевого задания на двух торпедных катерах.

Настроение разведчиков боевое, энергия буквально бьет через край.

— Бойцы к выходу на задание готовы! — докладывают командиры отделений.

Десантники выстраиваются на причале. Осмотрев бойцов, проверив оружие и снаряжение, командир отряда предоставляет слово своему заместителю по политической части Ивану Ивановичу Гузенкову.

— Отряд наш идет в свой первый поход на этом новом для нас театре, — говорит замполит. — Мы хорошо подготовились к боям, принесли сюда с Запада богатейший боевой опыт, успели обучить ему пополнивших отряд тихоокеанцев. Мы сильнее врага. Дело наше правое и верное. Командование флотом надеется, что разведчики образцово выполнят боевой приказ. За кормой наших кораблей остается Родина. Она ждет подвигов во имя ее славы!

Эти простые и торжественные слова полностью соответствуют настроению матросов, они глубоко западают в душу.

Приказано провести посадку на корабли и доложить о готовности к выходу. Еще одна, последняя проверка. Все в порядке, можно действовать. Катера снимаются со швартовых и, набирая скорость, выходят в море. Позади в голубой дымке постепенно исчезает остров Русский.

Мой взвод идет на головном катере. Отделениями командуют опытные десантники-североморцы Степан Овчаренко, Виктор Максимов, Сергей Бывалов, Григорий Тихонов. Помощником у меня

Семен Агафонов. Молодых моряков удалось основательно подучить до начала военных действий, и они вышли в операцию куда более умелыми, чем были наши матросы в 1941 году. Но научиться воевать по-настоящему можно только на войне, выдержка, привычка к свисту пуль и разрыву снарядов вырабатывается только в бою. Поэтому к каждому опытному разведчику прикреплены один-два молодых бойца.

На этом же катере командир отряда Леонов со своей группой. Он и на учениях старался побольше бывать в нашем подразделении, потому что опыт командования у меня невелик. Взвод я принял в октябре 1944 года, в боях при освобождении Печенги.

Другое дело — командир второго взвода мичман Александр Никандров. Ему уже за тридцать, он почти на десять лет старше меня, значительно опытнее. И в отряд он пришел раньше, чем я, еще в 1941 году. Взводом он командует с 1943 года. На катере с Никандровым идет заместитель Леонова по политчасти, старший лейтенант Гузненков.

Когда уже пройдено значительное расстояние и становится очевидным, что погода благоприятна для проведения операции и не придется возвращаться на базу, десантникам подробно разъясняют их задачу. Командующий флотом приказал высадиться в ближайшем к советско-корейской границе городе и порте Унги и выяснить обстановку. Если противник окажет сопротивление, — постараться захватить плацдарм на побережье и держаться до подхода подкреплений. Если же серьезного противодействия не будет, то проникнуть в город, оцепить наиболее важные объекты — железнодорожную станцию, военный городок, занять полицейское управление, радиоузел и оставаться до подхода крупных частей флота или продвигающихся вдоль побережья сухопутных войск. Об обстановке регулярно докладывать по радио. Если в городе окажутся воинские подразделения противника, постараться захватить пленных и полученные от них сведения немедленно донести. Это поможет успеху дальнейших операций.

По плану командования намечалось вслед за нашим отрядом выбросить в Унги роту автоматчиков. Командовать первой десантной операцией для захвата плацдарма было поручено капитану 3-го ранга Г. П. Колюбакину. В случае успешной высадки разведчиков и автоматчиков было решено доставить морем в Унги первый эшелон основных десантных войск — батальон морской пехоты под командованием майора И. П. Маркина, а затем другие части морской пехоты. Командование всем десантом осуществлял контр-адмирал Н. С. Ивановский.

По плану города внимательно изучаем маршруты, намеченные для обоих взводов и каждого отделения. Если высадка будет удачной, то после захвата причалов мой взвод должен будет пробиться к железнодорожной станции и к воинским казармам, а взвод Никандрова — занять центральную часть города, овладеть административными зданиями, телефонной станцией, радиоузлом. Командир отряда со своей группой будет находиться на стыке между двумя взводами.

Погода чудесная. Почти все десантники расположились на палубе, беседуют или занимаются своими делами. Многие чистят и еще раз проверяют оружие, укладывают поближе и поудобнее боезапас. Другие вместе с верхней командой катера ведут наблюдение за морем, внимательно разглядывают раскинувшееся справа корейское побережье. А оно изумительно, чарующе красиво. Мы, привыкшие к голым суровым скалам Заполярья, к довольно пустынным берегам норвежских фьордов, не можем наглядеться на сплошную зелень лесистых сопок, на яркое солнце, на спокойную гладь моря. Думаем о предстоящей операции. Отряду впервые предстоит высаживаться прямо в городе, на причалах порта. На Севере нас всегда выбрасывали на необжитое побережье с весьма редким населением.

Вот и Унги. Приглушив моторы, снизив скорость, командиры осторожно ведут катера в бухту, держат курс к причалам.

Берег все ближе. На нем незаметно никакого движения. Ни сигнала, ни выстрела, все как будто замерло. Может быть, враг замаскировался для удара по десанту в момент высадки? Полнейшая неизвестность настораживает, даже беспокоит. У причалов два или три полузатопленных судна. Это вчера и позавчера тут поработали бомбардировщики и штурмовики морской авиации. Они потопили в порту несколько вражеских транспортов, подавили огонь зенитных батарей, нанесли повреждения промышленным и транспортным объектам. Днем 10 августа для разведки обстановки в порту и выяснения характера обороны его с моря сюда были посланы торпедные катера. Они неоднократно заходили в бухту, торпедировали несколько судов и выяснили, что береговая оборона не оказывает активного противодействия. Все это вместе взятое создавало уверенность в возможности успешной высадки морского десанта прямо на причалы порта для захвата Унги с моря. А быстрое занятие этого города, находящегося в ближайшем тылу неприятельской приграничной оборонительной полосы, должно было дезорганизовать эту оборону. В случае успеха десант мог наносить удары по ближайшим тылам Хуньчуньского укрепленного района.

Катер приваливает к стенке. Моряки мгновенно выбрасываются на причал и бегут к постройкам и укрытиям, спеша оторваться от береговой полосы. Противник не оказывает сопротивления.

Осторожно, все шире рассеиваясь по улицам, обследуя некоторые крупные здания, заглядывая во дворы, за заборы, чтобы не оставить у себя в тылу сюрпризов, разведчики углубляются в город. Мой взвод направляется в правую сторону, Никандров — в левую. На стыке между нами группа командира отряда.

Катера, высадив нас, отошли от причалов к выходу из бухты, где им меньше угрожает опасность быть неожиданно обстрелянными противником. Там они лягут в дрейф и будут ожидать наших сигналов.

То перебежками, то крадучись, шагом, бойцы моего взвода продвигаются по улицам. Городок не очень большой, видимо, в нем меньше 100 тысяч жителей. Здания невысокие, большинство в один-два этажа. Улицы асфальтированы, мостики и водоотводные устройства — железобетонные. Держась на виду друг у друга и постоянно сохраняя связь, мы беспрепятственно добрались до железнодорожной станции. Это северная окраина Унги. Никандров остался в зиме и административном районе.

Моряки обследовали станционные постройки и путевое хозяйство и не обнаружили никаких повреждений. Паровозов нет, на путях лишь несколько десятков пустых вагонов. Посылаю связного доложить командиру отряда о занятии станции, а старшине Максимову с группой бойцов поручая осмотреть ближайшие здания и путем опроса местных жителей выяснить обстановку. Старшина Овчаренко с несколькими матросами направился на разведку в расположенный на этой же северной окраине воинский поселок.

Возвращается Максимов, с ним несколько корейцев. Они рассказывают, что в казармах была расквартирована армейская часть численностью до 2 тысяч человек. В ночь на 9 августа солдаты расположились на центральных улицах города, заняли административные здания, выставили свои группы на окрестных высотах. А сегодня утром они спешно снялись со своих мест и вместе с подошедшими с севера частями двинулись на поездах и автомашинах на юг, в сторону Начжина. Аналогичные сведения сообщили и жители, явившиеся к командиру отряда. Выяснилось также, что вражеские части занимают оборону километрах в пятнадцати севернее города.

Вскоре вернулся Овчаренко со своими бойцами. Он доложил, что казармы пусты, никакой охраны нет, разрушений не заметно.

имущество как будто частично вывезено. Обстановка становится более ясной. Принято решение: отряду остаться на ночь на занятых рубежах, выставить охранение и дожидаться утра, когда в порт должны прибыть первый и второй эшелоны основного десанта. Передали по радио командованию флотом донесение о результатах высадки и разведки порта и города.

В десятом часу вечера, когда уже спало напряжение и казалось, что все обойдется спокойно, со стороны юго-западной окраины послышалась стрельба. Отряд поспешно занял подготовленные для обороны рубежи, отвечая автоматным огнем на одиночные ружейные выстрелы. Такая перестрелка продолжалась около получаса, а затем огонь стал стихать и вскоре прекратился. Видимо, дозоры противника пытались разведать обстановку в городе, наткнулись на наше боевое охранение и, встретив сопротивление, отошли для соединения со своими отступающими частями. Остальная часть ночи прошла без происшествий.

На рассвете отряду снова пришлось подняться и занять боевое положение. Дозорные сообщили, что с северо-востока, со стороны границы, движется на автомашичах большая масса войск. Видны были также танки и какое-то кавалерийское подразделение. Нам было известно, что советские войска продвигаются по побережью в направлении Унги, но мы не могли быть уверены в том, что это они. Вполне могло случиться, что приближалась какая-нибудь японская часть, отходящая от границы под натиском наших сил. Надо было поэтому занять оборону и подготовиться к возможному бою. Командир отряда вызвал к причалам катера, чтобы в случае надобности они могли поддерживать нас огнем и принять к себе на борт. Моему взводу приказано в случае появления неприятеля устроить на автостраде суматоху и, пользуясь внезапностью, захватить пленных и отойти в город, Никандрову же — прикрывать отход и посадку на катера, если дело дойдет до этого.

Пока же бойцы расположились в своих укрытиях и настороженно следят за приближающейся колонной. Силуэты машин и танков, да и построение колонны очень знакомы и привычны нашему взгляду. Похоже, что это наши войска. Несколько моряков выходят на середину шоссе с противотанковыми гранатами в руках и поджидают катящийся на нас авангард. Напряжение все нарастает. Вот колонна остановилась, из головной машины выскочили несколько человек и двинулись к стоящим посреди дороги краснофлотцам. Едва лишь они встретились, как наши бойцы радостно замахали им руками. Подбегаем к колонне, обнимаемся и целуемся с красноармейцами. Оказалось, что к Унги подошли

передовые подразделения 393-й стрелковой дивизии, входящей в состав 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта. Основная масса колонны остановилась на шоссе и на его обочинах.

Обмениваемся сведениями о противнике с подошедшей группой офицеров. Рассказываем о том, как мы высадились, сообщаем, что гарнизон города в основном отступил на юг. Нам сообщают, что 393-я дивизия перешла советско-корейскую границу на самом крайнем фланге, недалеко от известного озера Хасан. Войска 25-й армии прорвали оборону Хуньчуньского укрепленного района, овладели городом Хуньчунь, форсировали реку Туманган и теперь развивают наступление в направлении Аочжи и Яньцзи. Идут бои с частями укрепленного района, подразделениями 112-й японской пехотной дивизии и полицейскими частями. Противник упорно сопротивляется. Даже мелкие подразделения стараются удержать оборону и вступают в бой. Но организованного сопротивления не чувствуется, похоже, что взаимодействие разных родов войск, особенно авиации и флота, у японцев не налажено. Не было встреч и с крупными танковыми подразделениями. Однако крепостная и полевая артиллерия действует довольно сильно. Ружейно-пулеметное огневое прикрытие достаточно плотное.

Части 25-й армии, разгромив передовые подразделения японских пограничных войск, пленив большую их часть, устремилась по дорогам побережья на юг для соединения с десантами моряков. Мелкие подразделения противника оставлены в тылу, и сейчас их доколачивают другие части армии. Около полуночи командование дивизии получило сведения об успешной высадке нашего отряда в Унги. Вот почему колонна так смело и открыто подходила к городу.

Узнав от нас, что в порту вот-вот должны высадиться части нашей морской пехоты, армейское командование решает не задерживаться в городе, а, обойдя его, двигаться дальше на юг, к Начжину. Леонов сообщает, что нашему отряду тоже приказано высадиться в этом порту. Условившись о встрече в Начжине, расстаемся с нашими армейскими соратниками.

Вскоре у входа в бухту показываются два торпедных катера. Приблизившись к западной части бухты, они высаживают роту автоматчиков под командованием старшего лейтенанта К. Н. Девятова. Сообщаем товарищам об обстановке в городе, об отступлении противника, о прохождении через город войск 25-й армии. Девятов подтверждает полученное нами ранее по радио сообщение, что на пути из Владивостока находится уже батальон майора И. П. Маркина. Он должен высадиться во второй половине дня.

Время не позволяет нам дальше оставаться в Унги. Решаем передать Девятову охрану занятого нами порта. Его рота будет дожидаться подхода основного десанта, заняв оборону на тех же рубежах, где был наш отряд. Погружаемся на катера и направляемся в Начжин.

Во второй половине дня 12 августа корабли под командованием контр-адмирала Н. С. Ивановского высадили в Унги первый эшелон основного десанта. В последующие дни в город были перебросены части береговой и зенитной артиллерии, стрелковые и инженерные подразделения, там же была организована охрана водного района. В порту разместились легкие маневренные силы нашего флота. Политотдел советской военно-морской базы выпустил обращение к населению города. Вышедшие из укрытий жители уже 12—13 августа начали наводить порядок в городе.

* * *

Путь от Унги до Начжина невелик — он занимает немногим более часа. На переходе, как и накануне, разведчики внимательно осматривают побережье, готовятся к новой высадке. Погода снова стоит отменная, высаживаться опять предстоит среди бела дня, входить будем тоже прямо в бухту, на побережье которой раскинулся Начжин.

Оставив справа небольшой полуостров, прикрывающий вход в бухту, катера проходят вблизи острова Тэчходо. Когда остров оказался на траверзе правого борта, с него протянулись нити трассирующих очередей из пулеметов, над нами с пронзительным свистом пронеслись пули. Нам ясно, что если на подходе к порту противник обстрелял приближающийся десант, значит, он не ушел оттуда и может быть драка. Когда корабли шли морем, мы заметили поднимавшиеся за полуостровом клубы дыма. Повернув в бухту, мы увидели зарево большого пожара.

Лишь немного снизив скорость, катера подходят к причалам порта. Здесь, в отличие от Унги, портовые сооружения разместились в левой части бухты, на материке, а не на полуострове. В бухте и у пирсов видны затонувшие и поврежденные суда. Из воды торчат мачты, трубы, один транспорт опрокинулся на борт, у причала тоже видны подбитые бомбами и торпедами суда. Наши торпедные катера потопили здесь сторожевой корабль и несколько транспортов. Оборона города с моря основательно подорвана. Советская авиация нанесла мощные удары по Начжину. Под Начжином наши флотские летчики понесли первые потери. Огнем зенит-

ной артиллерии было сбито несколько самолетов, а их экипажи погибли на этих далеких восточных рубежах.

Командование флотом решило возможно быстрее захватить Начжин, чтобы лишить противника этой удобной морской и авиационной базы, а также хорошего порта, связывающего Корею с Японией. В Начжине заканчивалась железная дорога, идущая вдоль северной границы Кореи через Унги. Далее на юг, к Чхончжину, путь лежал по прибрежной автомобильной трассе. Все это вместе взятое придавало Начжину весьма важное значение: он представлял собой связующее звено между Японией и материком и мог быть использован для эвакуации войск из Кореи. Вместе с тем важно было сохранить этот порт, не допустить, чтобы отступающий противник разрушил его, подготовить бухту для базирования наших легких сил и авиации. Поэтому и действовать нам предстояло стремительно.

Катера с ходу приваливают к стенке, и десантники устремляются к ближайшим постройкам. За пламенем и треском пожара слышатся автоматные и пулеметные очереди, ружейные выстрелы. Полагают многие склады, в огне — некоторые припортовые здания. На причалах в беспорядке валяются разные грузы, ящики, незапаренная фасоль, рис, соя. Горящее зерно распространяет едкий удушливый дым. В разных местах раскиданы какие-то машины, металл, строительные детали, местами попадаются трупы, разбросанные взрывами части человеческих тел. Всюду, куда ни бросишь взор, хаос от массовой бомбардировки, пушечно-пулеметного обстрела и торпедных атак. В густом дыму, обходя крупные очаги пожаров, десантники пробираются по улицам, постепенно поднимаясь на возвышенность, в наиболее населенную часть города. Улицы, довольно широкие и прямые, покрыты асфальтом, между зданиями плотные заборы и изгороди.

Взвод Никандрова продвигается к северу, к железнодорожной станции, в районе которой тоже видно зарево пожаров. Мой взвод огибает бухту вдоль причалов и, перейдя по мосту через реку, оказывается в северо-восточной жилой зоне. Здесь все цело, нет ни пожаров, ни разрушений, более глухо доносится сюда и стрельба. Противника перед нами не видно. Лишь раз-другой мелькнули бегущие за заборами люди без оружия, одежда на них невоенная. Матросы пытаются кого-нибудь задержать для расспроса, но пока это не удастся.

Прибежавший от Леонова связной Борис Гугуев передает приказание — далее в город не углубляться, обследовать ближайшие постройки, уточнить, есть ли противник, и держаться ближе к при-

брежной части, имея в виду нашу вторую задачу — удержание плацдарма для высадки основного десанта. Левее и позади нас, в стороне гор, все еще слышна редкая стрельба. Она постепенно удаляется и затихает где-то на дороге, уходящей из города на юг.

Прошло примерно полчаса с тех пор, как взвод остановился на нынешнем рубеже. Бойцам не удалось обнаружить ни солдат противника, ни местных жителей.

Посылаю Николая Майорова доложить командиру отряда об обстановке и узнать положение дел у соседей. Возвратившись, он рассказывает, что Никандров дошел до железнодорожной станции, тоже не вступив в соприкосновение с противником, который поспешно отходит на юг.

Удалось установить связь с ротой автоматчиков старшего лейтенанта Георгия Попкова. Рота эта была высажена почти одновременно с нами на побережье немного юго-западнее порта и заняла оборону на западной окраине города, примыкающей к порту. Бойцы Попкова тоже видели противника, отходящего мелкими группами за город, пытались преградить ему отход, но не успели. Нам сообщают, что в пригородах бродят много одиночных японских солдат.

Теперь город, хотя и не сплошной линией, но охвачен десанниками нашего отряда и автоматчиками Попкова. Они заняли оборону на западной окраине, в районе штаба укрепленного района, железнодорожной станции, в жилом массиве северной части. Плацдарм для высадки основного десанта обеспечен, и противник беспрепятственно сюда уже не сунется.

Сейчас важно выяснить численность вражеских войск, находящихся вблизи города и на дальних подступах к нему. Из наших подразделений выделены небольшие группы для поиска японских «языков». Первые вылазки оказались безрезультатными. Пришлось направить разведчиков на пути выхода из города. Около двух часов дня наши дозорные патрули наткнулись на подходившие к городу передовые подразделения 393-й стрелковой дивизии, с которыми мы встретились в Унги. Установили с ними связь. Оказалось, что путь до Начжина они прошли, не встретив крупных вражеских сил. Мелкие разрозненные подразделения неприятеля рассеяны или пленены. Таким образом, контакт с армейскими частями вновь установлен. Теперь береговая полоса от границы до Начжина в руках наших войск.

По радио получено сообщение, что вслед за нами торпедные катера капитана 3-го ранга Л. Н. Пантелеева высадили в заливе, расположенном несколько южнее Начжина, роту автоматчиков под

командованием старшего лейтенанта В. В. Захаренко. Эта рота тоже входит в состав войск, предназначенных для захвата плацдарма. При высадке автоматчики были обстреляны артиллерийским огнем, но потерь не имели, успешно продвинулись на материк и перехватили дорогу на Чхончжин. Итак, высадка десанта первого броска прошла успешно, занят довольно широкий участок, а одновременный захват территории в нескольких местах бесспорно будет вызывать панику в войсках неприятеля.

Примерно в четвертом часу дня, когда мой взвод и группа командира отряда находились у причалов в северной части бухты, на улице, полого спускающейся из заречной жилой части города, показалась группа людей с большим красным флагом на длинном шесте. Это были делегаты трудового корейского населения города. Впереди шагал пожилой кореец, крепкий, плотный, похожий на грузчика или молотобойца, с торчащими ежиком седыми волосами, с прокопченным, заглубившим лицом. Они приблизились к нам и попросили побеседовать с ними, пришедшими в качестве посланников исконных жителей здешних земель, тех, кто в течение тысячелетий своим тяжким трудом осваивал и облагораживал родной для них приморский край. В столь же витиеватых выражениях они выразили Красной Армии горячую признательность за освобождение их родного города. Бойцы, не привыкшие к пышности восточных приветствий с интересом слушали. Мы прежде всего стали расспрашивать о японских войсках. Нам рассказали, что после массированных налетов советской авиации японцы стали поспешно покидать город и отходить к Чхончжину. Офицеры некоторых частей уехали еще раньше, бросив своих солдат и унтер-офицеров. За городом, километрах в пятнадцати к юго-западу, в сопках, недалеко от дороги на юг, еще сейчас находится японская часть — примерно полк.

Разговор продолжается. Расспрашиваем корейских делегатов об их жизни, о временах японского господства, о борьбе против захватчиков. Старый рабочий не спеша рассказывает нам о всеобщей забастовке в Вонсане. Было это осенью 1928 года. Жил он тогда в Вонсане, работал на нефтеперегонном заводе английской компании «Рейзинг сан». С этого завода и началась забастовка. Нефтеперегонщиков поддерживали рабочие других предприятий Вонсана. Хозяева завода и японские власти пошли в тот момент на уловку: они согласились принять часть требований бастующих, а остальные рассмотреть позже. Работа была возобновлена, но предприниматели и не подумали выполнить свои обещания. Тогда рабочие забастовали вновь, но уже не одни: к ним присоединились

не только все трудящиеся предприятий города, но и грузчики порта, железнодорожники, шоферы, трамвайщики, рикши.

Постепенно к забастовке примкнули трудовые люди многих других городов, рабочие и крестьяне помогали трудящимся Вонсана деньгами, продуктами, присылали своих делегатов, печатали и распространяли листовки и прокламации. Власти были так взбудоражены, что стянули к Вонсану сотни полицейских, арестовали тысячи людей, но не могли сломить участников борьбы. Более трех месяцев бастовали пролетарии Вонсана. Впервые в Корее рабочим удалось добиться удовлетворения многих своих требований, и, что не менее важно, они осознали свою силу, силу рабочего братства, увидели, как дрожат перед пролетарской солидарностью и свои, и заморские капиталисты, и власти японского генерал-губернаторства.

Слушаем затаив дыхание. Вот она, мощь рабочего братства! И мы здесь, вдали от родных берегов, в этом незнакомом, но уже близком нам корейском городке, который пока еще мрачен и пуст, но уже свободен, тоже являемся носителями пролетарской солидарности.

Когда беседа подходила к концу, радист передал командиру отряда радиogramму — приказ командования флотом срочно вернуться на нашу базу. Главные силы десанта были уже в пути к Начжину.

Катера с бойцами нашего отряда на борту взяли курс к советским берегам. Уже выйдя из бухты и оставив за кормой остров Тэчходо, головной катер наскочил на мину. Взрыв произошел чуть позади и слева. Корабль резко встряхнуло, скорость сразу упала, рули заклинило, и катер начал циркулировать вправо. Шедший в кильватере второй катер с ходу влетел в поднявшийся над морем огромный столб воды, и вся сила оседающего водяного потока обрушилась на него. Лавиной воды смыло с палубы нескольких матросов, и они утонули, даже не показавшись на поверхности. Были и другие жертвы. Сорванные со станин пулеметы тоже отправились на морское дно. Катера получили много пробоин, вода заполнила часть внутренних помещений. У нас остановился один двигатель, второй работал с перебоями, но помпы все же откачивали поступавшую воду. Хуже обстояло дело на другом катере. Там заглохли оба двигателя, насосы не поспевали за откачкой воды, форпик¹ был затоплен почти полностью, и корабль получил сильный дифферент на нос.

¹ Форпик — помещение в носовой части корабля.

Наладив один двигатель и руль, берем второй катер на буксир и продолжаем путь. Мотористы и десантники, работавшие раньше по этой специальности, с изумительным проворством устраняют повреждения. Сначала удается исправить второй двигатель на нашем катере, а затем один двигатель на буксируемом. Получив возможность идти своим ходом, катер отдал буксир и постепенно набрал скорость. Нос его немного приподнялся, поступление воды уменьшилось, помпы откачивали ее уже быстрее, но все же матросам приходилось работать и ведрами.

Так в тяжелой борьбе со стихией, утратив часть боевых качеств, катера замедленным ходом возвращались во Владивосток. Трудный был это путь, опасность утратила силы моряков в борьбе за жизнь, за спасение кораблей. Уже около полуночи мы ошвартовались у причальной стенки бухты Новик, откуда два дня назад отряд уходил в свой первый поход к корейским берегам. Матросы были так измучены, что засыпали тут же на пирсе, лишь немногие добрались до своих коек в кубриках нашего отрядного дома.

* * *

Миссия полного освобождения Начжина выпала на долю последних эшелонов десантных войск. Советской комендатуре и командованию созданного сразу же после занятия города специального сектора береговой обороны пришлось заняться и налаживанием жизни местного населения. Впоследствии я узнал от товарищей, как разворачивались события после нашего ухода.

Уже к десяти часам утра 13 августа капитан А. Р. Свищев, закончив высадку входящих в десант подразделений, организовал силами своего батальона и роты старшего лейтенанта Г. Я. Попкова оборону Начжина с северных, южных и западных подходов. Одновременно нужно было создавать комендантскую службу, принимать и охранять пленных, которых в первые же дни набралось несколько сот. Часть бойцов была выделена для борьбы с пожарами, охраны складов и учета трофейного имущества. Пользуясь недостаточной численностью наших сил и тем, что мы еще плохо знали местность и объекты, в город проникли мелкие диверсионные группы противника и совершили несколько взрывов и поджогов. Местные жители подтвердили полученные накануне сведения о том, что севернее Начжина находится крупная часть японских войск. В разведку была направлена хорошо снаряженная подвижная группа, а артиллерия и минометы передвинуты к путям возможного приближения неприятеля. Разведчики обследовали бли-

жайшие сопки, но оказалось, что противник отошел по горным дорогам на юг. Прервав окопные работы и не потушив даже костров, японцы бежали, стараясь оторваться от десантных частей и наступавших по сухопутью войск Красной Армии. Не исключено, что к этому времени противнику уже было известно о высадке наших первых подразделений в Чхонджине. Японцы бросили много автомашин, материальную часть артиллерии, снаряды, большое количество продовольствия, медикаментов. Силы десанта были еще недостаточны для преследования отходящих японцев.

Днем 14 августа были высажены группы захвата на островах Сочходо и Тэчходо. 30 японских солдат и офицеров, охранявших острова, попали в плен.

Подрыв наших катеров на mine был первым сигналом об опасности плавания в прибрежных водах. В последующие дни, когда в Начжин доставлялись дополнительные войска, снаряжение, боеприпасы, горючее и другие грузы, на этих плавающих зарядах подрывалось несколько транспортов и боевых кораблей. Благодаря четким действиям моряков все транспортные суда удалось спасти, но один торпедный катер затонул вместе с несколькими членами экипажа. Были погибшие и на других кораблях и судах. Пришлось срочно организовать траление подходов к порту и всей бухты Начжина. За первые несколько дней было выловлено более ста мин.

Небезопасно оказалось и на берегу. Еще в первый день высадки было обнаружено несколько сюрпризов у складских помещений порта, а на следующий день пять человек подрывались на минах.

Хотя в городе и не шли бои, он еще находился во фронтовой полосе: с севера к нему отступали остатки японских войск из Хунчуньского укрепленного района, южнее находился гарнизон Чхонджина и Нанамский укрепленный район. Для местного населения обстановка неизвестности еще не кончилась, не исключена была возможность возобновления боев. Поэтому жители с опаской возвращались в город.

Первые несколько суток город находился во власти десантников, никакого местного гражданского управления не было. Японские правители отступили со своими войсками или разбежались, а исконные хозяева этих мест — корейцы — еще не имели ни собственных органов управления, ни опыта их создания. Между тем надо было тушить пожары, устранять последствия ударов с моря и с воздуха, охранять народное имущество и жизнь мирных людей. Все это пришлось делать командирам наших частей и подразделений, высадившихся в первых эшелонах и составивших первоначальный гарнизон города.

На следующий день после высадки в Начжине первых разведывательных подразделений, 13 августа, командующий Тихоокеанским флотом адмирал И. С. Юмашев назначил старшим морским начальником города и порта капитана первого ранга Е. Е. Полтавского. Вступив в должность, Полтавский вместе с командирами частей и комендантом стал принимать меры, обеспечивающие нормальную жизнь населения и прибывших воинских частей.

Военным комендантом Начжина на первых порах стал старший лейтенант Попков. Позднее, в конце августа, его сменил на этом посту майор Сычихин.

Днем 14 августа Попков обнародовал обращение к корейскому населению Начжина. Поскольку тогда у молодого гарнизона еще не завелась канцелярская служба и в то время невозможно было использовать типографии японцев, наиболее грамотные десантники, обладавшие четким почерком, размножили приказ от руки в нескольких десятках экземпляров, и он был вывешен на видных местах. В приказе говорилось, что советские войска заняли Начжин с целью изгнания поработителей корейского народа — японских милитаристов и Красная Армия пришла сюда не с целью захвата корейских земель, а чтобы принести трудовому корейскому народу свободу и независимость. Красная Армия гарантирует безопасность мирного населения, она приложит все усилия к тому, чтобы наладить нормальную жизнь в городе.

Обращение сразу же привлекло всеобщее внимание, и в местах, где оно было расклеено, собирались большие группы людей. Те, кто знал русский язык, читали его вслух и тут же переводили. Население было сильно взволновано услышанным. Корейцы оживленно обсуждали слова коменданта, его призыв быстрее создать условия для возвращения к мирной жизни. Все ознакомившиеся с обращением спешили рассказать о нем родным и знакомым.

В тот же вечер к советским старшим офицерам явилась группа горожан. Возглавлял ее бывший служащий японской военной миссии по фамилии Ким. Вместе с ним пришли врач, редактор газеты, портной и пять собственников мелких предприятий. Ким заявил нашим офицерам, что он и его спутники намерены всеми силами служить делу освобождения Кореи и что в целях создания первых органов власти они решили образовать городской исполнительный комитет в составе явившихся с Кимом людей. Из дальнейшей беседы с делегацией стало очевидным, что некоторые слои корейской буржуазии и интеллигенции, в прошлом сотрудничавшие с японцами, пытаются воспользоваться не устоявшейся еще ситуацией и пробраться к управлению делами города.

Попков ответил, что жители города сами изберут достойных лиц в состав местного самоуправления. Делегатов попросили сообщить гражданам города о необходимости на следующий же день приступить к работам по очистке порта.

Утром 15 августа в порт явилось более 1700 корейцев, изъявивших согласие заняться уборкой территории и восстановлением разрушенных сооружений. Перед началом работы военный комендант и несколько офицеров решили побеседовать с горожанами о целях прихода Красной Армии в Корею и о задачах населения по восстановлению хозяйства своего города. Посыпались вопросы, в том числе практического порядка. Трудящимся хотелось, например, знать, какие будут теперь в обращении деньги: останутся ли в силе японские иены, или советские власти пустят в обращение русский рубль, либо, может быть, будет разрешено выпустить корейские денежные знаки. Приходилось разъяснить, что корейцы теперь сами хозяева своей страны, и такого рода вопросы будут решать органы власти, которые возникнут в скором времени. Несомненно, будут корейские деньги. Советская валюта, конечно, обращаться не будет. Что касается иен, то они перестанут обращаться на корейской земле.

Коменданта спрашивали, можно ли привезти в город семьи горожан, укрывшиеся в горах перед началом боев. Он отвечал, что Красная Армия навсегда изгнала японских поработителей из Кореи, возврат их в город невозможен, и поэтому люди могут смело вернуться к своим очагам.

На вопрос, что будет с теми, кто взял себе один-два мешка риса, наши офицеры отвечали, что брошенное японцами продовольствие, которое было собрано в качестве налога с трудового корейского населения, принадлежит теперь народу. Поэтому надо строго охранять его от расхищения и полностью взять на учет, включая и рис, унесенный со складов. Тех, кто взял немного риса, чтобы прокормить семью, наказывать, конечно, не станут. Нельзя допускать лишь попыток нажиться на сумятице, возникшей в боевой обстановке.

Людей интересовало, какие будут школы, и они просили организовать изучение русского языка и детьми и взрослыми. Школа должна быть корейская, национальная, разъясняли наши военные, это дело самого народа. Что же касается русского языка, то желающим изучать его будет оказана всемерная помощь.

Жители хотели также знать, какая будет церковь, выдадут ли пропуска для хождения по городу. Они обращались к коменданту со множеством просьб.

Получив первые разъяснения, собравшиеся занялись восстановлением городского хозяйства. Во второй половине дня 16 августа удалось закончить ремонт водопровода, и город получил питьевую воду.

В этот день жители сплошными потоками стали возвращаться в свои дома.

15 августа в Начжин прибыл политотдел только что созданного сектора береговой обороны. Офицеры-политработники энергично взялись за создание условий, необходимых для мирной жизни. Через переводчиков они доводили до сведения горожан отпечатанное во множестве экземпляров обращение главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала Советского Союза А. М. Василевского и разъясняли его содержание. Политотдел обратился к врачам, учителям, железнодорожникам с призывом немедленно возобновить работу.

17 августа приступило к работе городское самоуправление. Вокруг самоуправления сразу же начали группироваться патристически настроенные горожане. Вскоре по инициативе самоуправления состоялось первое собрание граждан Начжина по случаю освобождения его советскими войсками. Выступавшие ораторы, главным образом рядовые рабочие — портовики, железнодорожники, — горячо благодарили Красную Армию за освобождение, говорили, что на корейской земле начинается новая жизнь.

На городских зданиях рядом с советским красным флагом было водружено корейское национальное знамя.

Освобождению Кореи Красной Армией был посвящен также общегородской митинг, созданный в последний день августа. После митинга состоялась очень внушительная демонстрация. Под звуки оркестра жители Начжина с красными знаменами и национальными флагами, в праздничной одежде прошли колоннами по всему городу и через воинский поселок, где расквартировался советский военный гарнизон. Более 20 тысяч людей всех возрастов выразили в этот день благодарность нашей стране за избавление от чужеземного ига.

Сознание того, что отныне простой человек работает на свой народ, а не на заморских захватчиков-колонизаторов, вызвало огромный подъем. Ежедневно тысячи горожан выходили на работы по приведению города в порядок, и никто не просил об оплате этого труда. У всех общественные интересы стояли на первом плане. За короткий срок удалось восстановить пекарни, бани, несколько паровозов, железнодорожное полотно между Унги и Начжином. Советское военное командование выделило оборудование, медика-

менты, и в городе открылась новая больница для трудящихся. Развернулось массовое движение за чистоту, за соблюдение правил санитарии.

В этих горячих делах прошел август, а в сентябре жизнь стала все более входить в колею. Повсюду создавались органы местной власти, возникали общественные организации.

ЧХОНЧЖИН

Не прошло и пяти часов со времени возвращения нашего отряда на базу после похода в Унги и Начжин, как десантников подняли по тревоге. А еще через два часа катера опять уносили нас на юг от Владивостока, но значительно дальше, чем прежде. На этот раз в операции участвовала кроме нашего отряда рота автоматчиков старшего лейтенанта И. М. Яроцкого. Командовал сводным отрядом полковник А. З. Денисин. Десантники шли на шести торпедных катерах, а еще четыре катера находились в море раньше, чтобы разведать обстановку вблизи Чхончжина, и ждали нас на подходах к нему. Снова на переходе отряд деятельно готовился к десантной операции. Не отдохнувшие, лишь немного сбросившие усталость матросы приводили в порядок новое оружие и боевое снаряжение.

И на этот раз уже в пути отряду ставится боевая задача. Предстоит высадка в Чхончжине. Город этот довольно крупный, в нем около 250 тысяч жителей. Он занимает второе после Пхеньяна место в северной части страны, имеет хорошее портовое хозяйство, вместительную гавань для военного и торгового флота. Через Чхончжин проходит железная дорога, соединяющая север и юг Кореи. Это единственный на восточном побережье рельсовый путь, могущий служить для переброски войск из одной части страны в другую. Перехватить эту дорогу — значит отрезать японским войскам наилучшую возможность для отступления на юг полуострова и для эвакуации в метрополию. В Чхончжине много промышленных предприятий, в том числе крупнейшие в Корее металлургические заводы. Чхончжин является аванпостом Нанамского укрепленного района, в городе и его окрестностях расквартированы значительные соединения Квантунской армии. Они пополняются сейчас отступающими с севера частями.

Командование Тихоокеанским флотом решило стремительной операцией захватить Чхончжин. Для этой цели были подготовлены крупные десантные силы. Морская авиация и корабли нашего флота уже нанесли ряд ударов по этому порту.

Как и в предыдущих случаях, нашему отряду вместе с ротой автоматчиков предстояло высадиться среди бела дня прямо на причалы, захватить плацдарм, разведать обстановку, добыть сведения о силах противника и держаться до подхода основных десантных войск. Ожидалось два или даже три эшелона этих войск.

Около часа дня десять торпедных катеров на полной скорости ворвались в бухту Чхончжина. Противник встретил десант шквалом снарядов своих береговых батарей, расположенных на полуострове Комалсандан, а также из района металлургического завода. Катера ответили лавиной огня по береговым целям. Так, под артиллерийским и ружейно-пулеметным обстрелом из прибрежных укрытий отряд высадился на пирсы рыбного порта. Уже в первые минуты на берегу появились убитые и раненые.

Как предусмотрено заданием, мой взвод сразу после высадки направляется влево и, вступив в перестрелку с мелкими группами противника, ведущими стрельбу из складских и других портовых зданий, постепенно пробивается за пределы порта и выходит на дорогу, идущую к видимым впереди двум мостам через реку Сухончхон — железнодорожному и шоссевному. Там, у мостов, пересекается несколько магистралей. Правее моего взвода продвигается командир отряда со своей группой. С ними командир всего разведывательного десанта полковник А. З. Денисин. Еще далее вправо наступает на город взвод мичмана Александра Никандрова. Рядом с ним рота автоматчиков охватывает участок побережья, примыкающий к военному порту. В руках десантников береговая полоса длиной более километра. Они спешат углубить этот плацдарм, отойти подальше от берега, пробиться в город.

Сопrotивление противника — разрозненное, неорганизованное. В разных местах ведут стрельбу отдельные группы японских солдат, засевшие в зданиях и использующие различные уличные укрытия. Сплошной оборонительной линии, системы огневых точек пока не видно. Похоже, что противник не ожидал десанта в порту и не подготовился к обороне.

Вдоль левого берега реки идет в сторону гор высокая земляная насыпь. Поднявшись на нее, приказываю взводу прорываться бегом широкой цепью к виднеющимся впереди мостам. Там заметны убегающие группы неприятельских солдат. Некоторые из них на мгновение останавливаются, делают несколько выстрелов в нашем направлении и снова бегут к мостам. Нам хорошо видно пересечение нескольких автомобильных дорог, тоннель в насыпи и виадук. Справа, где находится мичман Никандров, и еще дальше, от роты

Десантники высаживаются на причалах Чхончжина

Яроцкого, постоянно доносятся автоматные очереди и винтовочные выстрелы. Иногда слышатся взрывы гранат.

Большую часть пути к мостам моему взводу удалось преодолеть без потерь, но вблизи огонь стал более плотным. Пришлось залечь, укрыться за насыпью и продвигаться короткими перебежками и ползком. Сосредоточившись за насыпями, используя огневой перевес, мой взвод броском выскакивает на шоссе, перехватывает его и занимает въезд на шоссейный мост. Подбито несколько автомашин противника, взрывы гранат и автоматные очереди не утихают. Отходящие из города японцы стремились к мосту, чтобы переправиться через реку и уйти на юг, к Нанаму. Теперь этот мост захвачен моим взводом, а железнодорожный уже в руках Никандрова. Бой продолжается на ближайших подступах к переез-

дам, на берегу реки. Японские солдаты, стремящиеся вырваться из города, залегли в канавах, укрылись в водоотводных трубах и ведут сосредоточенный огонь. Наши бойцы гранатами выбивают японцев из укрытий и продвигаются все дальше от берега, в сторону города. Здесь, у мостов, погибло несколько молодых бойцов роты автоматчиков, есть раненые и в нашем отряде.

Постепенно бой стихает. Японцы поняли, что им не удастся переправиться на другую сторону реки, на дорогу, идущую на юг Кореи, и отошли в глубь города. На шоссе догорают три или четыре автомашины, стоят брошенные повозки.

С северо-востока, где у подходов к военному порту осталась рота Яроцкого, еще слышна редкая стрельба. Воспользовавшись коротким затишьем, мы решаем выбрать секторы для обстрела и сделать укрытия на случай, если придется обороняться. Обхожу места недавнего боя. Земля изрыта, асфальт и бетон изорваны взрывами противотанковых и фугасных гранат. Моряки расположились в наскоро оборудованных укрытиях и ведут наблюдение. Погибших бойцов переносят в низину, находящуюся справа от нас.

Углубившиеся в город наши бойцы вместе с местными жителями подняли на нескольких зданиях красные флаги.

Около десяти часов вечера возобновилась и стала нарастать перестрелка. Японцы накопились вблизи наших позиций и снова пытаются захватить мосты. Стреляя на ходу из винтовок и автоматов, они хотят приблизиться к нам, нащупать разрывы в нашей обороне и прорвать ее. Однако десантники плотно блокировали подступы к реке, уже успели окопаться, и теперь их выбить трудно. Примерно через полчаса японцы, поняв безуспешность своей попытки, отошли в северном и северо-восточном направлении за центр города, к полуострову Комалсандан. Остаток вечера и ночь прошли в общем спокойно, только изредка доносились из разных мест то короткие автоматные очереди, то хлопки винтовочных выстрелов.

Едва забрезжил рассвет, как бой возобновился. Видимо, японцы за ночь наладили связь между своими подразделениями, убедились, что в городе высадилось лишь небольшое число десантников для захвата плацдарма, и решили разделаться с ними. Переправив с противоположной стороны реки вброд до двух рот пехоты, неприятель стал охватывать позиции отряда с нескольких сторон. Почти одновременно разгорелась перестрелка в расположении роты Яроцкого, и, кроме того, стрельба доносилась из района военного порта, с сопок. С противоположной оконечности мо-

ста по позициям отряда открыло огонь несколько противотанковых пушек и крупнокалиберных пулеметов. Оттуда же, прямо с асфальтированной магистрали, стреляла счетверенная зенитная установка, смонтированная на автомашине. Минометная батарея начала сыпать пачки мин. Численное и огневое превосходство противника стало очевидным. Десантникам пришлось сосредоточиться на меньшей территории, создав таким образом более плотную оборону. Ведя непрерывную перестрелку с неприятелем, наш отряд стал пробиваться по городским улицам к Пхохондону — поселку, расположенному на северо-западной окраине города. Надо было сократить разрыв и быстрее соединиться с ротой Яроцкого. Группу матросов под командованием старшего сержанта Константина Тярасова командир отряда отослал в направлении торгового порта, чтобы прикрыть подходы к нам от неожиданного нападения с того участка.

Шаг за шагом, от здания к зданию, отбиваясь от нападающего противника, неся на себе раненых, десантники, обстреливаемые с разных направлений, продвигаются к северной части Чхончжина. А там все сильнее разгорается бой, слышится сплошная пулеметная и автоматная стрельба.

Между тем подтвердилась полученная на рассвете радиограмма: первый эшелон основного десанта — батальон морской пехоты под командованием майора М. П. Бараболько — уже начал высадку правее военных причалов, на полуострове Комалсандан. По сведениям, полученным нами от местного населения, на этом полуострове находится большая часть японского гарнизона, расквартированного в городе и его ближайших окрестностях. Шум боя доносится как раз с той окраины города, которая примыкает к высотам на полуострове, и с самих высот. Однако пробиться туда отряду не удастся. Довольно плотный огонь заставляет искать обходный путь. Наконец, отряд сосредоточился на высоте недалеко от Пхохондона, собрал здесь раненых, четко разобрался по подразделениям. Командиры наметили план дальнейших действий. Прежде всего следует установить контакт с Яроцким и вместе с ним пробиваться к батальону майора Бараболько.

Из полученного по радио сообщения нам известно, что накануне вечером в порту высадилась еще одна пулеметная рота, тоже входившая в первую группу наших разведывательных сил, но связь с нами она до сих пор не установила, и местоположение ее нам до сих пор неизвестно.

Все еще доносилась стрельба из района военного порта и с сопок. Примерно через час после выхода отряда на высоту у Пхохон-

дона к нам пробился один взвод пулеметчиков. Это оказались бойцы из высадившейся накануне роты. Они рассказали, что сразу после высадки наткнулись на сильное сопротивление противника и не смогли продвинуться в глубь города для соединения с нашим десантом, а наступившая вскоре темнота не позволила предпринимать попытки к наступлению. На рассвете позиции роты были атакованы противником, связь между взводами нарушилась, много бойцов погибло, где сейчас командир роты, они не знают. Надо было покормить пулеметчиков, дать им передохнуть, привести себя немного в порядок, приготовить пулеметы.

Лишь около 12 часов удалось наладить контакт со второй ротой батальона Бараболько. Оказалось, что этот батальон начал высадку восточнее военного порта рано утром, когда японцы повели наступление на разведывательный отряд. Сразу же после высадки большая часть батальона стала продвигаться по низине, разделяющей полуостров Комалсандан, направляясь к ближайшим высотам, где, как предполагалось, находились наиболее существенные силы противника и его укрепленные опорные пункты. Две высоты были заняты, но на третью — там, где полуостров переходит уже в материк, — одна рота пробиться не смогла. Оборонявший эту высоту противник значительно превосходил атакующих по численности и плотности огня. Пришлось занять оборону на подходах к этой высоте. Одновременно одна из рот прошла по припортовой городской полосе, где накануне действовал Яроцкий, до железнодорожной станции и заняла ее. Таким образом, возник довольно обширный плацдарм, на который высадилось 700—800 человек со значительным количеством пулеметов, минометов и даже с противотанковыми пушками — не то, что наши разведчики, вооруженные, как правило, только автоматами и гранатами.

Уяснив обстановку, получив в поддержку пулеметный взвод, имея на левом фланге автоматчиков Яроцкого, а позади минометы для огневой поддержки, полковник Денисин и Леонов решили вновь перейти в наступление и попытаться пробиться в юго-западную часть города, в сторону металлургического завода. В нашем тылу у побережья (в восточной и северной частях порта) были теперь подразделения из десанта первого эшелона. Наш отряд еще не вступил с ними в непосредственное соприкосновение, но, видимо, в городских кварталах, разделявших разведчиков и десантников первого эшелона, не было значительных неприятельских сил. Как я уже говорил, мы знали, что основная масса японских войск расположилась не в городе, а вокруг него, на береговых и зенитных батареях, на многочисленных укрепленных точках.

Минер морской пехоты обезвреживает вражеские мины

Во втором часу дня отряд, оставив на склоне высоты недалеко от Пхохондана раненых и часть снаряжения, начинает пробиваться по городским улицам в южном направлении. Происходят стычки с мелкими группами неприятеля. Японцы, отстреливаясь из автоматов и винтовок, отходя от здания к зданию, оставляют один квартал за другим. Закрепиться в городе и организовать оборону им не удастся. Продвигаясь все дальше, наш отряд вплотную подошел к вчерашним рубежам — к реке и мостам через нее.

В это время позади отряда, за военным портом, на полуострове, слышится все усиливающаяся стрельба, доносятся разрывы мин. Радисты приняли сообщение от Бараболько: почти одновременно с началом нашего продвижения в южную часть города противник перешел в наступление на его позиции. Батальон сейчас ведет бой с противником, имеющим значительное численное превосходство.

Мы можем облегчить положение батальона, не прекращая активности на занимаемом отрядом участке и оттягивая на себя таким образом часть неприятельских сил. Ведь если противник не подбросил к городу пополнений из района Нанама, он не сможет одновременно наступать на обе наши группировки. Наш отряд, расположившись на вчерашних позициях, держит в своих руках входы в город с юга и юго-запада. Для контроля подступов к нашим позициям выставлены в нескольких направлениях дозорные группы, а к устью реки послана подвижная разведка. Перестрелка с мелкими группами японцев продолжалась до пяти часов вечера. К этому времени противник перебросил к городу дополнительные части и снова под прикрытием огня минометов и пушек перешел в наступление.

Как выяснилось позже, в бой вступил свежий батальон противника, прибывший из Нанама. Теперь численное превосходство японцев оказалось более чем пятикратным и, пользуясь этим, они вновь стали обтекать наш отряд с флангов, пытаясь окружить его. Вести изолированный бой в этих условиях становилось неразумным, надо было соединиться с основными силами десанта и удерживать общий участок обороны до подхода второго эшелона. Командир десанта и командир отряда решили сосредоточить нашу десантную группу в военном порту, сомкнув фланг обороны с батальоном Бараболько. Отстреливаясь от непрерывно наседающего противника, отряд через припортовую часть города и низину между сталелитейным заводом и каналом начал переход сначала в сторону железнодорожного вокзала, а затем — в направлении военного порта.

Морские пехотинцы атакуют позиции противника

Люди наши порядочно измотаны, вторые сутки в бою, а перед этим была лишь короткая передышка. Я тоже чувствую навалившееся утомление. Еще вчера во время боя за мосты японский поручик выстрелил в меня из карабина почти в упор. Пуля прошла по виску. От потери крови, от раны, да еще на жаре, после нескольких бессонных ночей голова страшно болит, тело наливается свинцовой тяжестью. Но наседающий противник и свистящие пули придают бодрость, подгоняют. И откуда только берутся силы?

К восьми часам вечера отряд занял оборону на пирсах военного причала и в прилегающих зданиях. Условия для оборонительного боя оказались благоприятными. Ящики с грузами, платформы, краны представляли довольно хорошие укрытия, можно было, пользуясь ими, вести прицельный огонь и не подпускать к себе неприятеля. Японцам не удалось больше продвинуться вперед, сблизиться с нами.

Теперь и корабли, доставившие в порт первый эшелон десанта, получили возможность вести прицельный огонь по позициям

неприятеля. Вывели корабельных корректировщиков на берег и приняв на борт наших наводящих по вражеским целям, фрегат и тральщик огнем своих пушек поддерживали десантников. До сих пор мы не имели такого прикрытия и могли противопоставлять неприятельским минометам, пушкам и крупнокалиберным пулеметным установкам лишь ручное стрелковое оружие. На беду уже третьи сутки в районе наших аэродромов стояла плохая погода, самолеты не летали и не могли поддержать нас с воздуха.

Остаток вечера и ночь на 15 августа разведчики и первый эшелон десанта провели в военном порту и на ближайших высотах на полуострове. Перестрелка с наседающим противником не прекращалась всю ночь. Японцы пытались сбросить десант в море, но разведчики и морские пехотинцы цепко ухватились за берег, и сбить их было не так-то легко.

Около пяти часов утра 15 августа в порт стали входить боевые корабли и транспорты со вторым эшелоном десанта. Подойдя к занятым нашим сводным отрядом причалам военного порта, суда начали высадку войск. Как только конвой вошел в бухту, огонь противника по нашим позициям стал ослабевать. 13-я бригада морской пехоты генерал-майора В. П. Трушина беспрепятственно и без потерь высадилась и сразу же стала развертываться по полуострову Комалсандан и по припортовой части города, занятой разведчиками и бойцами Барабошко. Еще во время высадки бригады противник начал оттягивать части с полуострова и отходить в юго-западном направлении, чтобы вывести войска из-под удара и избежать плена.

К восьми часам утра удалось полностью занять первую линию неприятельской обороны, а во второй половине дня в наших руках была большая часть города, весь полуостров Комалсандан. Однако за чертой города, на подступах к сопкам и горным дорогам, японцы вновь заняли оборону на ранее подготовленных рубежах. У них здесь оказались довольно густая сеть дотов и дзотов, окопы полного профиля. Подразделениям морской пехоты пришлось выколачивать противника из укреплений, нанося по ним удары артиллерией и танками. Между тем погода в Приморье улучшилась, и днем 15 августа начала действовать наша авиация. Штурмовики и бомбардировщики совершили несколько налетов, сбросили сотни бомб и основательно обработали передний край обороны противника и заречную часть города, где он пытался закрепиться. Все же потребовались еще почти сутки, чтобы окончательно занять все окрестности города, овладеть всей сетью опорных пунктов и надежно перехватить идущие на юг железную

Бойцы отряда В. Леонова на причале после окончания боев

дорогу и шоссейные пути. Теперь группировка противника, находящаяся в северо-восточной Маньчжурии и Корее, оказалась отрезанной, путь для отхода ее на юг был закрыт.

Утром 16 августа высадились танковые и артиллерийские подразделения морской пехоты. Теперь советские силы в Чхончжине настолько пополнились и укрепились, что могли прочно удерживать город. Вражеский гарнизон был полностью разгромлен, часть его войск отступила на юг, к Нанаму, а более 400 солдат и младших чинов и 450 полицейских попали в плен. На следующее утро к Чхончжину подошли со стороны Начжина части 393-й стрелковой дивизии 1-го Дальневосточного фронта, а затем Тихоокеанский флот высадил еще одну стрелковую дивизию, которая, преследуя отступающего противника, двинулась в наступление на Нанам.

Итак, все побережье от границы до Чхончжина прочно находилось в руках советских войск, оборона с моря была взломана, аванпосты Нанамского укрепленного района захвачены. В наших руках оказался крупнейший город и порт Северной Кореи.

Чхончжин обороняли боеспособные части японских войск, численно превосходившие наши два первых десантных эшелона. Кроме постоянного гарнизона береговых и зенитных батарей, в Чхончжин были брошены сводный полк офицеров и курсантов Нанамского офицерского училища, спешенный кавалерийский полк, отдельные подразделения 204-го пехотного полка и части жандармерии. Буквально накануне войны и в первые ее дни японское командование мобилизовало в армию и корейцев, но те не желали воевать на стороне своих поработителей и при первой же возможности, едва оказавшись в соприкосновении с советскими войсками, переходили на их сторону.

После занятия Чхончжина советское командование образовало здесь специальный Южный морской оборонительный район. Предстояло прочно закрепиться на занятых рубежах, создать операционные базы для кораблей флота, очистить морские пути от мин, совместно с армейскими частями обеспечить надежную охрану этих отвоеванных у японцев для корейского народа земель. Командующим оборонительным районом был назначен генерал-лейтенант Сергей Иванович Кабанов. Он прибыл в Чхончжин днем 15 августа. Многие бойцы и офицеры нашего отряда хорошо помнили этого опытного военачальника, большого знатока особенностей боевых действий на приморских театрах. Под его командованием участвовал в героической обороне Ханко молодой выпускник Ленинградского морского политического училища Иван Гузенков, ставший заместителем командира нашего отряда по политчасти. Одно время Сергей Иванович командовал Северным оборонительным районом на полуострове Рыбачьем. Путь нашего отряда в Северную Норвегию часто пролегал через Рыбачий, и не удивительно, что генерал Кабанов знал многих из нас. И вот сейчас, незадолго перед уходом отряда из Чхончжина во Владивосток, группа ветеранов-североморцев встретилась на причале с Сергеем Ивановичем и оживленно делилась с ним впечатлениями о только что закончившемся бое.

* * *

Чхончжин сильно пострадал от ударов с моря и с воздуха, осталось много следов уличных боев. После освобождения он выглядел довольно неприглядно и вдобавок остался без электричества, водопровода и канализации.

Военным комендантом Чхончжина был назначен М. П. Бараболько. Он получил повышение в воинском звании и стал подпол-

ковником. Командирам советских воинских частей — генерал-лейтенанту С. И. Кабанову, генерал-майорам В. П. Трошину и А. Г. Сорокину приходилось совместно с комендатурой и политическим отделом военно-морской базы выполнять и функции военной администрации, налаживать хозяйственную и административную жизнь в городе.

Как это было в Унги и Начжине, горожане вышли на восстановительные работы. С бурлящей энергией брались они за всякое дело, ускоряющее возрождение их страны. Еще никогда не бывало такого на корейской земле: тысячи людей с красными знаменами, с революционными песнями широкими колоннами выходили на тяжелые работы, как на праздник. Но потребовалось много труда, чтобы сделать самое неотложное, то, без чего не может жить большой город. Только к концу августа удалось восстановить водопровод, исправить канализацию, дать электрический ток. Начали работать не получившие существенных повреждений сернокислотный, лесопильный и бобовомасличный заводы. Сотни людей трудились над устранением повреждений на металлургических заводах. Не было возможности вернуть на работу тысячи женщин, ранее занятых на шелкотрикотажном комбинате: это предприятие было полностью разрушено. Поэтому многие женщины занялись наведением санитарного порядка, очисткой дворов и улиц от хлама, накопившегося за дни боев.

Приступило к работе городское самоуправление. На его плечи с первых же дней навалилось очень много работы: надо было организовать людей на восстановление города, охранять народное достояние, обеспечить лечение больных, учесть и распределять продовольствие, подготовиться к обучению детей в школах, помогать советскому командованию вылавливать жандармов и полицейских. В только что созданные отделы и комиссии городского самоуправления подбирался актив. Представители советского командования всячески старались помочь корейским товарищам.

ВОНСАН

Три дня наш отряд особой разведки отдыхал на своей базе на острове Русском, а вечером 18 августа был получен приказ подготовиться к новой боевой операции. На следующее утро хорошо знакомые нам маленькие, очень подвижные и довольно грозные корабли снова уносили разведчиков к корейским берегам. На этот раз путь лежал к Вонсану.

К тому времени на сухопутных фронтах и на морском театре сложилась обстановка, учитывая которую Тихоокеанский флот должен был расширить зону своей боевой деятельности. Радио принесло сообщение о том, что японский император заявил о готовности к капитуляции. Между союзниками имелась договоренность о разграничительной линии для действий их войск в Корее: линия эта проходит по 38-й параллели, как бы деля страну пополам, на северную и южную части. Но американский флот и десантные войска США находились еще далеко от границ Кореи. Поэтому, чтобы не дать агрессору возможности безнаказанно уйти от возмездия и чтобы противодействовать грабежу и вывозу в Японию народного корейского добра, советским вооруженным силам надо было блокировать побережье и занять приморские города, расположенные в непосредственной близости от 38-й параллели.

Очень существенным пунктом являлся Вонсан. Остатки разбитых войск Наманского укрепленного района откатывались к югу и стремились эвакуироваться на Японские острова. Поскольку имелось уже сообщение о капитуляции японцев, можно было предполагать, что противник не завяжет боев и поэтому удастся провести эту операцию сравнительно небольшими силами. Адмирал Юмашев приказал генерал-лейтенанту Кабанову выделить из гарнизона Чхончжина часть войск и к утру 21 августа овладеть Вонсаном.

Десантным частям предстояло быстро подойти к городу морем, высадиться непосредственно в порту, захватить его, овладеть сначала северной частью города, выйти на рубеж протекающей там реки и удерживать захваченные позиции до подхода соединений 1-го Дальневосточного фронта. Нельзя допустить разрушений в городе, надо постараться сохранить в целости предприятия и городское хозяйство, предотвратить эвакуацию японского гарнизона и взять его в плен. Десант должен также захватить аэродром с самолетами и задержать в порту японские суда. Отряду морских разведчиков, как всегда, выпала задача первыми проникнуть во вражеский город, выяснить обстановку и обеспечить благоприятные условия для успешной высадки основных сил десанта.

По пути к цели отряд на несколько часов остановился в Чхончжине. Бои тут полностью прекратились. Город напоминал развороченный муравейник, тысячи людей с невиданным энтузиазмом залечивали его многочисленные раны. Народ, избавленный от работорговцев, распрямил спину, вкушая счастье свободного труда. Наши солдаты и матросы вместе с горожанами устраняли последствия боев.

Представители советского командования совместно с только что созданным самоуправлением проводили собрания рабочих. Наши офицеры-политработники рассказывали трудящимся Кореи о мире, который завоеван ценой жизни миллионов, о борьбе советских людей за свободу Кореи, Китая и других стран, о том, что отныне корейский народ стал хозяином своей судьбы.

Вечером 20 августа суда с десантом и корабли охранения, всего лишь несколько часов готовившиеся к походу, двинулись из Чхончжина к Вонсану. Эскадренный миноносец «Войков» и два фрегата охраняли десант от атак с воздуха и от нападения неприятельских надводных кораблей. Тральщики, морские охотники и торпедные катера оберегали военные корабли и суда с десантом от нападения подводных лодок и были готовы сами атаковать неприятельские субмарины. Командовал десантом начальник штаба 13-й бригады морской пехоты подполковник Козлов. Руководство операцией на переходе и высадкой в Вонсане было возложено на капитана первого ранга Студеничникова. На пути к Вонсану находились почти 1900 человек, вооруженных не только стрелковым оружием, но также противотанковыми пушками и крупнокалиберными минометами.

Наш отряд вышел из Чхончжина несколько позже основных сил десанта. На рассвете 21 августа наши торпедные катера обогнали корабли с войсками подполковника Козлова на подходах к Вонсану. Около 9 часов утра, обогнув полуостров Ходо, катера стали осторожно пробираться в залив Йохынман мимо островов Йодо и Синдо. Нам было хорошо известно, что на этих и других островах, а также на полуостровах Ходо и Кальма, как клещами охватывающих вход в залив, укрыто под бетоном и сталью несколько крупных дальнобойных береговых, противокатерных и зенитных батарей. Их огневая мощь была такова, что они могли расстрелять и рассеять наш десант запросто, как шелкают кедровые орешки. Только в надежде на то, что противник, деморализованный поражением своих войск на севере и сообщениями радио о капитуляции Японии, не окажет десанту сопротивления, можно было с такими силами, как наши, при столь незначительном артиллерийском прикрытии и без всякой поддержки с воздуха лезть в эту зубастую пасть.

Но береговые батареи молчали, и катера медленно, осторожно, прощупывая сотнями глаз побережье, продвигались в порт. Следом на малом ходу, как бы ощупью плыли остальные корабли. Когда острова остались за кормой каравана, с аэродрома, расположенного на полуострове в южной части бухты, поднялось 6—7 само-

летов. Наши корабли с предельной дистанции открыли по ним огонь, самолеты пошли на посадку и приземлились.

Обширная и удобная бухта Вонсана полна судов, транспорты стоят и на рейде и у пирсов, видны десятки шхун и множество джонок. Несколько шхун пытаются вырваться из бухты и уйти в море, но торпедным катерам удастся загнать их обратно.

Около десяти часов утра наши катера ошвартовались в центральной части бухты. Высадка на причалы прошла беспрепятственно. Никаких организованных воинских подразделений врага на территории порта не оказалось. Поэтому командир отряда решил немедленно направиться к штабу японской военно-морской базы.

Минова большие группы спешащих в порт людей, ни на минуту не задерживаясь для разговора с ними, разведчики устремляются в северную часть города, туда, где, по сведениям, размещился штаб противника. Через 30—40 минут отряд проникает в военный городок и окружает штаб военно-морской базы и сухопутного гарнизона. Старшие лейтенанты Леонов и Гузненков вместе с полутора десятками матросов направляются в штаб. Охрана беспрепятственно пропускает разведчиков к командующему военно-морской базой контр-адмиралу Хори и начальнику сухопутной обороны полковнику Тадо. Японский контр-адмирал стоя встречает советских офицеров.

— Война окончена, — говорит Виктор Леонов. — Имеется сообщение о капитуляции японских войск. Высадившийся в Вонсане советский десант требует вашей сдачи в плен.

Хори и Тадо отвечают, что они не имеют полномочий для ведения переговоров, но военные действия открывать не намерены. Они просят предоставить им возможность связаться со своим командованием и с частями, обещая после этого дать ответ. Наши офицеры стремятся не допустить проволочки и требуют быстрой капитуляции. В таких бесплодных объяснениях проходит весь день.

Получив сообщение о позиции, занятой командованием Вонсанского гарнизона, командующий Тихоокеанским флотом передал по радио приказ взять Хори и Тадо на борт наших кораблей и под угрозой применения силы к гарнизону потребовать капитуляции. После этого Хори и Тадо под охраной наших матросов были препровождены на фрегат. На требование немедленно капитулировать и начать сдаваться в плен японский контр-адмирал заявил, что, несмотря на приказ императора, он не имеет права капитулировать перед нашим десантом без приказа своего непосредственного начальства. Хори объясняет нашим офицерам, что уже с 15 августа гарнизон Вонсана не имеет связи ни с непосредственным, ни с вы-

шестоящим командованием и не знает, что делается в армии и на флоте. Он просит разрешить ему сделать еще одну попытку установления связи. Это очень похоже на маневрирование, на стремление оттянуть развязку, но командир десанта решает пойти ему навстречу. Он поручает офицерам связи передать приказание контр-адмирала его штабу для исполнения, а самого Хори вместе с полковником Тадо и несколькими штабными офицерами задерживает на фрегате.

А в городе в это время бурлят события. Узнав о приходе советских кораблей, тысячи людей ринулись в порт. Множество красных флагов и транспарантов развевается над головами людей. Не только причалы, но и прилегающие к порту улицы запружены народом. Восторженный гул многоголосой толпы несется к стоящим у пирсов кораблям. Стихийно возникают митинги, ораторы выступают то в одном, то в другом месте. Переводчики еле успевают передавать содержание речей. Офицеры десанта и кораблей встречаются с подошедшими горожанами, отвечают на их вопросы и приветствия. С разных сторон слышатся возгласы в честь Советского Союза и его Красной Армии, слова благодарности нашим воинам, освободившим их родной город от многолетнего японского владычества.

Наши командиры говорят горожанам, что пришедшие в город советские войска берут на себя заботу о сохранности их жизни, здоровья и имущества и о поддержании необходимого порядка и просят корейских патриотов проявить дисциплину и организованность, обеспечить порядок в городе, подготовиться к восстановлению нормальной трудовой жизни. Что касается японских военнослужащих, то они должны немедленно сложить оружие и сдаться в плен.

Штаб японского гарнизона, лишившийся своих командиров, задержанных на нашем фрегате, бездействует, управление войсками ослабло, но дезорганизации, разброда, обычно характерных для разгромленной армии, пока еще не ощущается. Годами внедренная строгая дисциплина удерживает японских солдат, унтер-офицеров и младших офицеров на их местах.

Остаток вечера, ночь на 22 августа и весь следующий день проходят в непрерывных и бесплодных переговорах. Офицеры связи обеих сторон и переводчики под охраной разведчиков постоянно общаются со штабом десанта на фрегате и штабом японского гарнизона Вонсана.

За это время десант полностью овладел портом и большей частью города и вышел на его северную окраину. Все бойцы на-

ходятся в постоянной боевой готовности. Положение десанта довольно рискованное: численность японского гарнизона в пять-шесть раз больше. В руках неприятеля все оборонительные сооружения, береговые и зенитные батареи, аэродром с самолетами. Мы же в ближайшее время подкреплений не получим: второй эшелон десанта еще не начинал посадку на суда во Владивостоке. В случае осложнений можно рассчитывать только на поддержку авиации.

Около полуночи был перехвачен приказ полковника Тадо гарнизону — захватить до наступления утра наши суда и на них переправиться в Японию. Пришлось срочно усилить наблюдение за штабом, держать связь только через советских офицеров и переводчиков, оттянуть к порту из города основные части десанта, во многих местах изменить линию занимаемой обороны, привести в повышенную готовность артиллерию и пулеметные установки на кораблях. Контр-адмиралу Хори и полковнику Тадо было заявлено, что, если их войска попытаются начать бой, оба они будут немедленно расстреляны. Это суровое предупреждение подействовало. Японские войска, начавшие было выходить из своих укрытий и казарм, чтобы ударить по десанту с тыла, вернулись на прежние позиции.

Во второй половине дня 22 августа около 800 солдат и офицеров противника пытались прорваться к железнодорожным эшелонам, стоявшим на станции, но были окружены подразделениями десанта и разоружены. Еще накануне матросы нашего отряда в нескольких местах разобрали пути и подорвали полотно железной дороги, идущей на юг от Вонсана. Эта предусмотрительность оказалась очень кстати.

Только после этого, около шести часов вечера, Хори и Тадо заявили, что они получили от своего командования полномочия на капитуляцию, но акта о сдаче подписать не могут: по традициям и законам японской армии капитулировать можно только перед старшим по званию или хотя бы перед равным. А в нашем десанте ни полковника, ни генерал-майора не было. Эта формальная уловка грозила новой длительной затяжкой. Пришлось заявить, что, если японцы немедленно не начнут сдаваться в плен, сейчас же будут вызваны наши самолеты, которые начнут массированную бомбардировку, а корабли десанта применят всю мощь своего артиллерийского огня.

Одновременно с передачей этого ультиматума наш отряд получил приказ срочно высадиться на полуострове Кальма и захватить расположенный там японский военный аэродром. Когда ка-

тера с отрядом были уже на пути к цели, с аэродрома один за другим начали взлетать самолеты и уходить по направлению к Японским островам. Так ушло около 50 машин. Как выяснилось позднее, командование авиационной базы не подчинилось приказу начальника гарнизона и сумело перед нашим носом угнать боевые самолеты в Японию. Отряд, высадившись на полуострове Кальма, овладел аэродромом, захватил оставшиеся 15 самолетов, оцепил все аэродромные постройки, мастерские, блокировал взлетно-посадочную полосу. Гарнизон аэродрома, поняв бесполезность сопротивления, капитулировал. Полсотни наших матросов стали разоружать 1200 летчиков и других военнослужащих.

Когда японское командование отвело свои войска на прежние рубежи, десантные части вновь продвинулись в город, заняли здания полицейского управления и жандармерии, почту, телеграф, радиостанцию и станцию железной дороги.

С вечера 22 августа началась массовая сдача японского гарнизона в плен. За несколько часов сложили оружие около 3500 солдат и 200 офицеров, а к исходу 25 августа весь восьмьдесятитысячный гарнизон Вонсана был в плену. Командование Тихоокеанского флота телеграммой распорядилось собрать разоружаемый гарнизон в казармы, отобрать только оружие, оставив сдавшимся личное имущество, перевести на казарменное положение генералов и офицеров, всех пленных содержать соответственно воинским званиям. В последующие дни основная масса капитулировавших японских войск была сосредоточена в лагере, созданном на полуострове Кальма. Там же была организована специальная комендантская служба.

Как я уже говорил, на многочисленных островах, расположенных у входа в Вонсанскую бухту, существовала целая система артиллерийских батарей и пулеметных огневых точек. Гарнизоны этих островов оказались изолированными от основных сил военно-морской базы, и в течение 22 и 23 августа нашим мелким десантным группам удалось взять их в плен. Мощные дальнобойные батареи оказались в руках десантников. Сильнейшая военно-морская база японского флота на корейской земле перестала существовать.

Остановка в Вонсане после капитуляции японских войск и пленения гарнизона сильно отличалась от той, которая создавалась в Начжине и Чхончжине. Город был в целости и сохранности, жители все на месте, почти никто не пытался покинуть свои жилища и скрыться в горах. Бежали лишь крупные японские чиновники и несколько наиболее богатых семей.

Сообщения об успехах советских войск, освобождавших Мань-

чжурию, Северную Корею, Ляодунский полуостров, докатились сюда еще до высадки нашего десанта. Вот почему вскоре после нашего появления начались массовые демонстрации, а в последующие дни можно было наблюдать всеобщее ликование по поводу изгнания японских поработителей.

Еще не закончилась капитуляция японского гарнизона, как стала формироваться корейская народная власть. К концу месяца было создано и начало выполнять свои обязанности городское самоуправление. В его состав вошли 35 человек. Сразу же образовалось несколько отделов: коммунального хозяйства, промышленности, просвещения, здравоохранения, транспорта и связи, железных дорог, торговли.

Не прошло и двух недель с момента освобождения, как в Вонсане уже сложились костяк народной власти. Делались первые шаги по демократизации управления, по налаживанию работы предприятий, по сбережению народного имущества. Для оказания помощи советскому гарнизону в поддержании порядка в городе, для охраны предприятий и имущества возникли отряды народной полиции. Уже к началу сентября в этих группах содействия охране общественного порядка было более 200 человек.

Образовался организационный комитет по созданию коммунистической партийной организации Вонсана. Комитет приступил к работе. По инициативе оргкомитета компартии был создан также оргкомитет комсомольской организации.

Под руководством коммунистов в городе было образовано бюро отраслевых профсоюзных комитетов. Каждый комитет возглавлял кто-либо из коммунистов. Эти организации трудящихся сплачивали вокруг себя жителей города, его трудовое население, будили инициативу людей, мобилизовали их на возрождение родной страны.

Стала выходить профсоюзная газета «Рабочий», издававшаяся при японцах нелегально. 1 сентября начались занятия в нескольких школах. Впервые за многие десятилетия преподавание велось на корейском языке. Преподаватели-корейцы, ранее разговаривавшие на своем родном языке лишь за стенами школы, стали учить детвору на языке своего народа.

После того как город был взят, а гарнизон сдался в плен, в Вонсане была развернута военно-морская база Тихоокеанского флота. Минерам пришлось много потрудиться, чтобы обезопасить находящиеся здесь советские войска, обеспечить беспрепятственное плавание судов, создать местному населению благоприятные условия для труда и передвижения. Тральщики прошли сотни

милль, выловили и подорвали множество мин. Армейские минеры в городе и особенно в его окрестностях обезопасили многие тысячи хитроумно спрятанных смертоносных зарядов. И если высадка десанта и капитуляция гарнизона обошлись без кровопролития, то борьба с минной опасностью стоила жизни многим советским бойцам. На их братской могиле вонсанцы в знак сердечной признательности воздвигли замечательный памятник — обелиск. Кровь, пролитая воинами нашей армии и флота на чудесной земле Кореи, скрепила братство народов. Памятник в Вонсане выдержал все тяжкие невзгоды последующих суровых лет и поныне величаво стоит как символ доблести советских воинов, как выражение братской солидарности.

Г. В. Терновский,

*капитан 1-го ранга в отставке,
Герой Советского Союза*

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОРТОВ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ

В самом начале августа 1945 года сторожевые корабли одного из флотских соединений, в котором мне предстояло быть флагманским артиллеристом, только что пришли во Владивосток. К нам, прибывшим на Тихоокеанский флот с Черноморского или Северного флотов, с Краснознаменной Балтики или трижды орденосной Дунайской флотилии, военные моряки-тихоокеанцы относились с большим уважением и даже нескрываемой хорошей завистью. Можно было их понять: ведь нам представилась возможность участвовать во многих боевых операциях, в освобождении народов европейских государств от гитлеровского рабства.

Всемирно-историческая победа советских войск над гитлеровской Германией заметно охладила воинственный пыл японских самураев, многие годы рвавшихся к осуществлению агрессивного плана «кантокуэн»¹. Японское командование было вынуждено перейти к стратегическому плану активной обороны. В этой связи интересно привести заявление японского историка Сабуро Хаяси. В своей книге «Японская армия в военных действиях на Тихом океане» он пишет: «30 мая 1945 года императорская Ставка определила боевой состав войск Квантунской армии. В то же время командующий Квантунской армией генерал Ямада получил приказ вести подготовку к оборонительным действиям против совет-

¹ Условное наименование плана нападения на Советский Союз, разработанного японским генеральным штабом и согласованного с немецко-фашистским командованием.

ских войск в Северной Корее и быть готовым отразить высадку американских войск». Однако было совершенно ясно, что империалистическая Япония, создавшая себе плацдармы в оккупированных ею странах, примыкающих к нашим дальневосточным границам, готова была при первой возможности совершить нападение на Страну Советов.

* * *

Ночь на 9 августа я провел на корабле, которым командовал замечательный боевой офицер — капитан-лейтенант В. В. Михайлин (ныне контр-адмирал). Незадолго до этого он прибыл на Дальний Восток с Северного флота. Владимир Васильевич рассказал мне много интересного о славных делах североморцев. Я тоже поделился с ним воспоминаниями об обороне Одессы, Севастополя, Новороссийска. Вспомнил, как принимал участие в освобождении Новороссийска и Севастополя, как затем дошел на кораблях до Дуная и участвовал в освобождении портов Румынии и Болгарии. Сказал ему, что еще курсантом военно-морского училища я мечтал служить на Тихоокеанском флоте. Беседа затянулась далеко за полночь. Наконец, мы отправились спать. Я расположился в каюте артиллериста — лейтенанта Алексея Совенко, который был дежурным по кораблю. Но отдыхать в эту ночь не пришлось.

Еще до рассвета меня разбудил комендор носового орудия главного калибра старшина 1-й статьи Семен Костин. Вслед за ним в каюту вошел дежурный лейтенант. Четко, с заметной гордостью еще молодого, но отлично знающего свое дело специалиста он доложил о важных событиях, происшедших ночью. Только что получена телеграмма из штаба флота. Мы объявили войну империалистической Японии. Военные действия начались. Корабль, как и все части флота, приводится в повышенную боевую готовность. Все необходимые специальные указания по артиллерийской части даны. Командир корабля и командование нашей бригады уже оповещены.

Словно в подтверждение слов лейтенанта Совенко прозвучал корабельный сигнал боевой тревоги. Матросы быстро занимали свои боевые посты. Вместе со всеми я выбежал на палубу. Было свежо. Над бухтой Золотой Рог, где стоял корабль, нависал легкий утренний туман. Обычно хорошо видимые очертания гор слились с мутным небом. Еще заметно мерцали редкие звезды.

На мостике уже стоял командир корабля, возле него капитан 3-го ранга М. Г. Беспалов, исполнявший обязанности командира бригады, а также замполит капитан-лейтенант М. П. Гундарев. Тут

же наш бригадный флагманский штурман, капитан 3-го ранга Б. Д. Яшин (ныне контр-адмирал). Он исполнял обязанности начальника штаба бригады. Теперь его работа стала особенно важной и ответственной.

У всех сняты с фуражек и бескозырок белые чехлы. Еще накануне это могло бы показаться странным, необычным для августа, когда военные моряки носят летнюю форму головных уборов, но после начала военных действий такое изменение было вполне закономерным.

На стоящих рядом, борт к борту, или, как говорят на флоте, лагом, кораблях нашего соединения тоже все на боевых постах. Вскоре нас, штабных офицеров соединения, пригласили в каюткомпанию. От прибывшего на корабль офицера штаба флота мы узнали, что на рассвете флотская авиация совместно с армейской уже нанесла удары по вражеским кораблям и японским военным объектам в морских портах на побережье Северной Кореи.

Все дальневосточники были охвачены энтузиазмом. Каждый советский воин понимал, что изгнание японских оккупантов с корейских и китайских земель будет способствовать победе трудящихся этих стран в их борьбе за полную свободу и национальную независимость. Вместе с тем нам предстояло воздать по заслугам зарвавшимся японским империалистам, захватнические устремления которых были сформулированы в пресловутом меморандуме генерала Танака. Они хотели завладеть нашими восточными землями до Урала, дойти даже до Волги.

Как только стало известно о характере и целях предстоящих боевых действий и об участии в них кораблей нашего соединения, на пристани, недалеко от места стоянки сторожевиков, состоялся первый на Востоке боевой митинг военного времени. Выступавшие призывали проявлять при выполнении заданий Родины героизм и доблесть, клялись с честью оправдать высокое доверие советского народа. Они говорили о необходимости всемерно использовать и творчески приумножить боевой опыт Отечественной войны на Западе. Ораторы подчеркивали, что полная победа над врагом на Дальнем Востоке положит конец второй мировой войне и обеспечит быстрейшее освобождение народов Востока от японского колониального рабства.

Вдохновенно выступили на митинге наши командиры — бывший североморец Владимир Михайлин и ветеран тихоокеанцев Михаил Гундарев.

ПОДВИГИ ФЛОТСКИХ ЛЕТЧИКОВ

Почти все силы Тихоокеанского флота немедленно развернули активные операции на море и на прибрежном фланге наступающих вдоль побережья Северной Кореи войск 1-го Дальневосточного фронта.

Первыми включились в решительные боевые действия военно-воздушные силы Тихоокеанского флота, которыми командовал генерал-лейтенант авиации П. Н. Лемешко. Только за один день 9 августа с наших флотских аэродромов было совершено свыше 450 самолето-вылетов. Флотская авиация нанесла массированные бомбовые и штурмовые удары по японским военным транспортам и другим военным кораблям, а также по береговым оборонительным сооружениям в оккупированных японцами портах Северной Кореи — Унги, Начжине и особенно Чхонджине. Отличились в этих воздушных налетах морские летчики под командованием подполковников Барбашинова и Барташева, а также майора Нечаева.

В рядах тихоокеанских морских летчиков было немало классных мастеров своего дела, накопивших за время Отечественной войны на Западе богатый боевой опыт. К их числу относились Герои Советского Союза гвардии майоры авиации А. Ефремов и В. П. Рукавицын. Сразу же отличился в боевых действиях на Дальнем Востоке вернувшийся сюда с Запада мастер метких торпедных ударов по вражеским кораблям Герой Советского Союза гвардии подполковник И. Т. Волынкин.

С первых атак на вражеские корабли открыл свой боевой счет на Тихоокеанском флоте прибывший с Краснознаменной Балтики командир эскадрильи штурмовиков Герой Советского Союза капитан В. Ф. Трушкин. Он лично потопил в Японском море два крупных вражеских транспорта. Его примеру следовали отважные тихоокеанцы, увеличивая с каждым боевым вылетом счет потопленных японских кораблей.

Мощь штурмовых ударов наших морских летчиков нарастала с каждым днем. Четко взаимодействуя с другими силами флота, они топили вражеские корабли в открытом море и в северокорейских портах. Во время одного из таких налетов 10 августа летчиками Тихоокеанского флота были пущены на дно 5 вражеских транспортов, 2 танкера и подавлено несколько береговых батарей.

Бомбовые атаки по вражеским судам и военным объектам противника отличались высоким мастерством, дерзостью замысла, меткостью наносимых ударов. Это, по свидетельству пленных, признавали и японцы. Вскоре появление в воздухе советских бомбар-

дивовщи́ков, штурмови́ков и истреби́телей стало вызывать у них панический страх. Успехи наших морских летчиков в боях за освобождение Кореи были далеко не случайными. Здесь сказались их ни с чем не сравнимые моральные и боевые качества. Ведь они были носителями непрерывно обогащавшихся славных боевых традиций!

Быстро облетела в те дни все флотские соединения весть о подлинно легендарном подвиге летчика-комсомольца, младшего лейтенанта Михаила Янко.

Затаив дыхание, мы слушали это волнующее сообщение. В нем говорилось, что 10 августа группа флотских штурмовиков под командованием капитана Воронина нанесла внезапный удар по японским кораблям, стоявшим в порту Начжин на побережье Северной Кореи. Налет был успешным. Несколько вражеских судов было пущено на дно Японского моря. Летчик Михаил Янко заметил на подходе к Начжину крупный транспорт противника под конвоем нескольких военных кораблей и решительно устремился в атаку. Он метко сбросил бомбы. Транспорт, получив прямые попадания, стал быстро тонуть.

Но и советский самолет оказался подбитым снарядами зенитной артиллерии и загорелся в воздухе. Летчик был ранен. Тогда Михаил Янко повернул свою машину в сторону порта. Сквозь разрывы японских зениток славный сын Советской страны повел объятый пламенем самолет к крупному военному объекту и направил его в крутое глубокое пикирование на выбранную цель — зенитную батарею.

Так тихоокеанский летчик Михаил Янко вместе со своим воздушным стрелком комсомольцем Иваном Бабкиным, освобождая корейский порт от японцев, повторил легендарный подвиг Николая Гастелло. Корейцы называли Героя Советского Союза Михаила Янко «Огненным человеком».

В тот же день дальневосточный поэт Г. Халилецкий посвятил герою-летчику стихотворение, которое начиналось словами:

Под ним — земля, пропитанная кровью,
Над ним — знакомых эскадрилий гул.
И в тишине немой у изголовья
Становится бессмертье в караул!

За несколько часов до того, как мы узнали о подвиге Михаила Янко, одному японскому самолету удалось прорваться со стороны моря на подступы к Владивостоку. Но самурай-смертник не успел.

сбросить ни одной бомбы. Быстро сраженный меткой пулеметной очередью с одного из наших кораблей, он рухнул в море. Больше вражеские самолеты над главной военно-морской базой Тихоокеанского флота и вообще над советским побережьем уже не появлялись.

КАТЕРНИКИ И БЕРЕГОВЫЕ АРТИЛЛЕРИСТЫ

Большую роль в военных действиях с первых дней сыграли соединения торпедных катеров. 10 августа среди бела дня большие группы этих быстроходных кораблей под командованием капитана 3-го ранга К. В. Казачинского и капитан-лейтенанта М. Г. Малика произвели разведку боем в порту Унги. Меткими торпедными ударами было потоплено несколько вражеских кораблей, оказавшихся у причалов. Береговая оборона противника не смогла оказать сильного противодействия, так как была своевременно подавлена флотской авиацией. Выявленные при налете катеров японские батареи были точно засечены и потом уничтожены нашей авиацией.

Такие же налеты торпедных катеров производились и на другие порты Северной Кореи. Я расскажу о них ниже.

Не только флотская авиация и соединения торпедных катеров успешно развивали свои операции с первых же дней войны. На приморском сухопутном участке приграничной полосы, где действовали войска 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта, в боевые действия, помогая армейцам, вступили также дальнобойные береговые артиллерийские батареи Тихоокеанского флота. Поддерживая своим мощным огнем успешное наступление войск Южной группы 25-й армии, флотская крупнокалиберная береговая батарея капитана В. Пасечникова быстро накрыла и разрушила толстостенное железобетонное укрепление противника. Такая успешная артиллерийская подготовка дала возможность всей дивизии почти беспрепятственно форсировать реку Туманган и развивать наступление на приморском направлении. Наступление это велось под прикрытием меткого прицельного огня флотских береговых батарей. В тот же день командующий 25-й армией генерал-полковник И. М. Чистяков объявил благодарность всему личному составу батареи капитана Пасечникова за отличное артиллерийское обеспечение прорыва мощной полосы японской обороны.

В море вышли наши подводные лодки, чтобы наносить удары по надводным морским силам врага. Они не позволяли кораблям противника держать связь с портами корейского побережья, не

допускали установления сообщений между морскими базами на Японских островах и корейскими портами, где укрепились специальные самурайские части. Советские подводники фактически установили морскую блокаду занятых японцами портов Северной Кореи. А на вражеских морских коммуникациях подводные лодки активизировали свои разведывательные действия. Срывались все замыслы противника: сначала его планы поддержки с Японских островов войск Квантунской армии, а затем попытки эвакуации недобитых воинских частей в метрополию.

Были подготовлены специальные разведывательные отряды военных моряков. Их решено было перебросить на торпедных катерах в корейские морские порты. Вслед за ними, тоже на торпедных катерах, намечалось доставить туда же роты автоматчиков. Для этой цели были выделены крупные группы торпедных катеров двух флотских соединений. Наиболее активно действовали катерники из бригады капитана 2-го ранга Н. М. Кухта. Первая группа торпедных катеров под командованием капитана 3-го ранга К. В. Казачинского была направлена в Унги. Ей предстояло высадить первый бросок десанта непосредственно в порту. Эту высадку прикрывали огнем с моря вторая и третья группы торпедных катеров под общим командованием капитана 3-го ранга Л. Н. Пантелеева. Поставленная командованием задача была выполнена в установленное время.

ПЕРВЫЕ ДЕСАНТЫ

Первым вступил с моря на корейскую землю Герой Советского Союза старший лейтенант Виктор Леонов со своим испытанным в боях на Северном флоте отрядом разведчиков. Не встретив организованного сопротивления, отряд занял порт и город Унги. Радостно встретившие своих советских освободителей местные жители, скрывавшиеся от бомбежек и от преследования японцев в пригородных сопках, сообщили, что ранее расквартированные в городе самурайские роты, побросав часть своего походного снаряжения и личного имущества, отошли по шоссейной дороге на юг, в направлении Начжина.

Леонов встретился у окраины города с головными частями одной из дивизий 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта. Он сообщил армейцам о занятии морскими десантниками порта и города. Затем он поставил командира дивизии в известность о том, что скоро в Унги будут доставлены морем основные десантные

силы для окончательного закрепления в данном районе и совместного с сухопутными войсками дальнейшего наступления.

Получив такую информацию, командир дивизии принял решение не задерживаться в освобожденном моряками городе, а форсировать преследование и разгром японских войск. Разведывательный отряд, занявший оборону в районе порта и города Унги, подготовил на берегу плацдарм для высадки первого эшелона основных сил десанта.

К полудню воскресного дня 12 августа на наших кораблях были закончены последние приготовления к боевому походу, и вскоре из бухты Новик вышла группа кораблей с десантом. В их составе были два сторожевых корабля нашего соединения. Я находился на головной «десятке», которой командовал капитан-лейтенант В. Чуланов. Этот опытный офицер-дальневосточник отлично знал театр военных действий. Несмотря на наседавший туман, он вел плотный десантный караван уверенно и спокойно, не выпуская из рта привычной капитанской трубки. Он не сомневался в успешном завершении перехода и, по своему обыкновению, находил поводы для острых, но безобидных шуток.

Ровно в 17 часов 12 августа наш корабль отдал якорь на внутреннем рейде Унги. А когда обстановка окончательно выяснилась, корабли подошли к причалам и беспрепятственно высадили десантные войска с их сильным вооружением прямо на стенку пристани.

Мы с помощником командира корабля старшим лейтенантом Алексеем Мизиным следили с корабельного мостика за быстрой и четкой высадкой десантников и вспоминали наши черноморские десанты в черные, как тушь, ночи, под грохот артиллерийской канонады.

Под Новороссийском Мизин был дивизионным артиллеристом. Он страстно любил свою специальность и гордился ею. Не раз ему приходилось участвовать в морских десантах на сторожевых катерах. И теперь его артиллерийское сердце требовало, как он тогда выразился, «достойного артиллерийского аккомпанемента» десанникам. Здесь же было спокойно.

Мы вернулись на свою главную флотскую базу, когда уже стемнело, а на следующее утро узнали, что предстоит новый поход — на этот раз уже в порт Чхончжин. Вернувшийся из штаба флота М. Г. Беспалов сообщил, что следующий за Унги корейский порт Начжин тоже фактически занят нашими разведывательными морскими отрядами и ротой автоматчиков, высаженной в первом броске. Туда же был доставлен одним из наших кораблей 358-й от-

дельный батальон морской пехоты под командованием капитана Сущева. Предварительно в Начжин были направлены для разведки боем группы торпедных катеров под командованием капитана 3-го ранга С. П. Кострицкого и капитан-лейтенанта М. Г. Малика. Застигнутый врасплох дерзким набегом противник почти не оказал огневого противодействия катерам, ворвавшимся в порт.

Наши моряки обстреляли береговые укрепления и торпедировали в порту японские транспорты с военной техникой, которые, как потом выяснилось, готовились к отплытию в Чхонджин и Вонсан.

Таким же неожиданным для противника было появление в Начжине разведывательного отряда Виктора Леонова, который был доставлен из Унги на торпедных катерах под командованием капитана 3-го ранга Л. Н. Пантелеева. Японцы пытались противодействовать высадке: одна из недобитых нашей авиацией береговых батарей и несколько дзотов открыли огонь, но тщетно. Прикрывавшие с моря высадку две группы наших торпедных катеров подавляли огневые точки врага меткими очередями из автоматических пушек и крупнокалиберных пулеметов.

Следом за разведывательным отрядом Леонова в Начжин была доставлена на торпедных катерах рота автоматчиков. А вскоре там же успешно высадился со сторожевого корабля, которым командовал капитан-лейтенант В. Каденко, батальон морских пехотинцев, закрепивших достигнутый успех. В помощь морским десантникам развивали наступательные действия в районе Начжина войска 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта. Для координации наступательных действий Тихоокеанского флота и Амурской флотилии ставка Верховного главнокомандования направила на Дальний Восток главнокомандующего военно-морскими силами СССР адмирала флота Н. Г. Кузнецова.

Боевое напряжение нарастало. Так как противник выставил мины в море на подходах к корейским портам и на этих минах получили повреждения несколько наших кораблей, было срочно организовано контрольное травление входных фарватеров² в порт Начжин. В первое время эту задачу выполняли торпедные катера под командованием Л. Н. Пантелеева. Позднее были присланы специальные тральщики.

Командование Тихоокеанского флота при помощи специальных агитсамолетов и через десантников распространяло среди местно-

² Фарватер — путь для безопасного прохождения кораблей среди естественных или искусственных препятствий.

го населения листовки, плакаты и обращения на корейском языке. В них разъяснялась освободительная миссия советских воинов и их стремление помочь восстановлению разрушенного японскими оккупантами хозяйства страны.

Население горячо откликалось на эти обращения, старалось информировать советских командиров о местонахождении японских войск и помогало нашим морякам вести борьбу с японскими лазутчиками. Например, вскоре после прибытия в Начжин батальона морской пехоты в штаб этого батальона явился местный житель-кореец и сообщил, что японские войска численностью более 4 тысяч находятся северо-западнее города и ведут там окопные работы, а в город проникают переодетые в гражданское платье японские диверсанты. Эти сообщения полностью подтвердились.

КУРС НА ЧХОНЧЖИН

Одной из основных опорных военно-морских баз Японии на побережье Северной Кореи являлся Чхончжин. Здесь была создана мощная система долговременной сухопутной обороны. Две сплошные оборонительные линии, включавшие до 200 дзотов, опоясывали город. Существовала также сильная противодесантная оборона из ряда артиллерийских батарей, множества защищенных пулеметных точек и морских минных заграждений.

Чхончжин имел очень большое стратегическое значение. Это один из наиболее крупных промышленных центров Кореи, основной узел железных и шоссейных дорог на всем побережье Японского моря. Через хорошо оборудованный порт Чхончжина японское командование предполагало производить широкую переброску морем всякого рода военных грузов. Здесь был наиболее сильно оборудованный приморский опорный узел Нанамского укрепленного района японцев. Вот почему, отходя на юг от освобожденных нашими моряками городов Унги и Начжин, противник сосредоточил свои силы в районе Чхончжина и намеревался оказать сильное сопротивление его захвату как с моря, так и с суши.

Для успешного развития общего наступления советских войск в Корею чрезвычайно важно было быстро занять Чхончжин ударом с моря. Необходимо было лишить японское командование возможности использовать этот город и его порт для сосредоточения сил, эвакуации войск и увоза материальных ценностей в Японию.

Захват Чхончжина с моря был также необходим и для того, чтобы создать здесь надежный оперативный плацдарм для развер-

тивания действий наших армейских сил против Нанамского укрепленного района. Овладев Чхончжином, мы могли надежно прикрывать с моря фланг наступавшей 25-й армии. А создание в Чхончжине маневренной базы легких сил флота значительно облегчало дальнейшие наступательные действия на приморском направлении.

Вот почему Тихоокеанским флотом была срочно подготовлена специальная операция. Еще утром в понедельник 13 августа группа наших торпедных катеров под командованием капитан-лейтенанта В. И. Марковского под прикрытием огня с катеров, которыми командовал капитан 3-го ранга С. Б. Кострицкий, дерзким маневром прорвалась на внутренний рейд Чхончжина. С этих катеров высадился прямо на пристань первый бросок десанта, состоявший из отрядов разведчиков В. Н. Леонова и роты морских пехотинцев старшего лейтенанта И. М. Яроцкого. Командовал этими силами полковник А. П. Денисин. Моряки сейчас же начали быстро и умело продвигаться в районе порта, очищая от противника причалы и прилегающие улицы.

В тот же день, 13 августа, в одной из бухт под Владивостоком была закончена погрузка на корабли нашего соединения батальона морской пехоты под командованием майора М. П. Бараболько. Большая часть батальона со всем вооружением была размещена на сторожевом корабле, которым командовал капитан-лейтенант Л. С. Мионов, остальные шли на тральщике старшего лейтенанта В. Н. Попова.

Это был первый эшелон основного десанта. Его задача заключалась в том, чтобы развивать действия высадившихся в Чхончжине разведывательных отрядов, возглавлявшихся полковником Денисиным, прочно занять порт и город. Надо было удержать Чхончжин до подхода главных сил, не допустить, чтобы превосходящие силы противника сбросили десантников в море. Для этого в создавшихся условиях требовалось максимальное напряжение всех сил, а главное — умелая их расстановка. Корабли должны были в случае необходимости поддерживать десантников своими огневыми средствами.

На борт кораблей, принявших десантный батальон морской пехоты, прибыли, чтобы проводить нас на выполнение этого сложного задания, член военного совета Тихоокеанского флота генерал-лейтенант С. Е. Захаров и начальник политуправления флота генерал-майор А. А. Муравьев. Боевой подъем воинов достиг наивысшей степени. Моряки и десантники приняли обращение, в котором поклялись отлично выполнить боевое задание. Обращение за-

канчивалось словами: «Смерть японским захватчикам! Свобода корейскому народу!»

Исключительную распорядительность и оперативность в невероятно быстрой отработке необходимой документации, в четкой организации и проведении сложного перехода морем, а также самой высадки этого первого эшелона десанта, от умелых действий которого зависел успех всей операции по освобождению с моря Чхонджина, проявил тогда начальник штаба нашей бригады Б. Д. Яшин. Времени на подготовку почти не оставалось. Нельзя было ни на минуту задерживаться с выходом в море, потому что обстановка в Чхонджине усложнилась. Командиры разведотрядов первого броска доносили, что они с боем удерживают у городских окраин превосходящие во много раз силы противника. Борис Дмитриевич прибыл в нашу бригаду с Балтийского флота, он был участником пяти прекрасно выполненных морских десантов, имел опыт боевых действий в Таллине и Койвисто, Бьорке и под Ленинградом. Всю блокаду он находился в наиболее активно действовавшем флотском соединении, лично участвовал в прорыве блокады Ленинграда. А затем были победные наступательные операции, десанты один успешнее другого. И теперь Б. Д. Яшин был уверен в успехе.

В 15 часов 35 минут наши корабли вышли в море и взяли курс на Чхонджин. Вскоре мы вошли в полосу тумана, но, не снижая скорости, спешили на помощь разведчикам.

Боевой приказ десантникам первого эшелона был окончательно подготовлен на переходе, в открытом море, и доведен на нашем корабле до каждого бойца. Были поставлены четкие задачи всем ротам, взводам, отделениям. Затем мы передали по корабельному радио весь текст боевого приказа следовавшему за нами тральщику. На нем десантники специально собрались на верхней палубе, чтобы заслушать и уяснить себе боевые задачи.

Туманный облачный вечер сменился непроглядной ночью. Мы спешили затемно войти в порт и высадить десантников незаметно для наблюдательных постов противника, места которых нам были довольно точно известны. Мы не успели провести на берегу тщательную специальную подготовку артиллеристов, как это положено. Пришлось наверстывать упущенное на переходе. Мы понимали, что в Чхонджине дело скорее всего пойдет не так, как в Унги и Начжине, где обошлось без единого выстрела с кораблей.

По примеру многих черноморских десантов, в которых мне довелось лично участвовать либо тщательно готовить к ним артиллерийских офицеров, старшин, матросов-комендоров, мы намеревались максимально использовать в Чхонджине артиллерию и пуле-

меты. Учтя характер предстоящей боевой задачи десанта, мы подготовили необходимые артиллерийские карты, чтобы точно корректировать артиллерийский и пулеметный огонь кораблей со специально высаженного артиллерийского корректировочного поста. Слова команды на корабль с этого поста решили давать открыто: черноморский опыт показывал, что это целесообразнее. Зато мы тщательно занумеровали в соответствующих квадратах все наиболее важные военные объекты в городе и прилегающей гористой местности, где позиции ряда вражеских прибрежных батарей нам были известны.

Для молодого корабельного артиллериста, лейтенанта Анатолия Балакирева, недавно окончившего Тихоокеанское высшее военноморское училище, это было первое боевое крещение, и к нему лейтенант готовился весьма тщательно. Он старался предусмотреть все возможное, чтобы исключить какие-либо неожиданности. Впоследствии Балакирев вспоминал, что такая четкая конкретная подготовка на переходе к возможному использованию артиллерии корабля, с учетом черноморского боевого опыта, дала ему много больше, чем занятия в училище. Там уделяли главное внимание теории и недостаточно увязывали ее с практикой.

За точной прокладкой курсов на переходе с использованием всех наиболее совершенных по тому времени корабельных навигационных средств следил сам Б. Д. Яшин, как флагманский штурман соединения. Назначенный командиром высадки и старшим в действиях первого эшелона десанта капитан 3-го ранга М. Г. Беспалов умело использовал опыт проведения ночных переходов в районах действия противника. Правда, для Беспалова это был практически первый боевой выход, но этот бывалый тихоокеанец имел большой практический командирский опыт, отлично знал все особенности плавания на данном театре. Это очень важно, и Беспалов проявил себя достойно.

Безупречно спокоен, точен и уверен в своих действиях командир корабля капитан-лейтенант Л. С. Миронов. Хотя для него, боевого североморца, этот район плавания новый, он держится так, будто проплавал здесь многие десятки лет, отлично изучив каждый мысок на берегу и навигационные особенности театра.

Вот, по всем расчетам, мы вышли к началу входного фарватера противника на внутренний рейд Чхончжина. Фарватер проходит близ занятого японцами побережья под вражескими батареями. В повышенной боевой готовности, развернув заряженные орудия и пулеметы в сторону берега, идем вслед за головным тральщиком прямо в порт.

На переходе морем мы с лейтенантом Балакиревым несколько раз проверили готовность к немедленному действию всех огневых средств. Темно, хоть глаз выколи, но комендоры у своих орудий и автоматов. Обошел еще раз всех, поговорил, подбодрил. Твердо убедился в том, что такие люди не подведут в самом тяжелом бою. Среди комендоров немало боевых матросов и старшин с Черного моря, Севера, Балтики. Они уже не раз побывали в суровых боевых переделках и смогут служить примером для тихоокеанцев, которые горят желанием отличиться, достойно проявить себя перед боевыми фронтовиками.

Еще не рассвело, когда наши корабли, войдя на внутренний рейд порта, подошли к стенке, где на нашей карте было указано место стоянки японских миноносцев. Тихо. Порт и город кажутся совсем пустыми в этой зловещей тишине. Но вот из темноты на стенке появляется несколько вооруженных фигур. Нас окликают по-русски, называют известные нам фамилии командиров десантных отрядов. Нет сомнения, это свои. Смелее подходим к стенке. Разведчики принимают концы с кораблей, помогают установить сходни. Вместе с ними и катерники, доставившие накануне первый бросок десанта.

Разведчики и катерники, встретившие нас в порту, дополнили и уточнили наше представление об обстановке в Чхончжине. Надо спешить. Это главное. Быстро, в зыбкой предрассветной дымке, сошли на пристань десантники и с ходу, под покровом легкого тумана, устремились занимать районы города согласно боевому приказу командира батальона майора Барабошко. Учитывались и дополнительные указания командира высадки — Беспалова. Когда все высадившиеся десантники скрылись из вида, я посмотрел на часы. Было без десяти минут шесть.

Отдельные все учащавшиеся выстрелы и короткие пулеметные очереди, доносившиеся откуда-то из-за города, свидетельствовали о том, что враг продолжает нажим, который может усилиться, как только исчезнет туман. Стоим, не снижая боевой готовности.

По указанию капитана Беспалова выделенные с кораблей группы специалистов произвели тщательный осмотр всей причальной линии пристаней. Были расчищены места для швартовки крупных кораблей с главными силами десанта. В самой бухте началось траление мин специальным катерным тралом.

К девяти часам утра пелена тумана над городом рассеялась. Перед нами открылась живописная панорама. Порт и город широко раскинулись у подножия величавых сопок. Одетые в зелень разлапистой корейской сосны, сопки эти опоясывали Чжончжин

красивым полукругом. Еще привлекательнее стала картина, когда солнце ярко осветило мягкую зелень хвои и оригинальную архитектуру ажурных зданий, поднимавшихся амфитеатром в северной части безмолвного города. Нежные корейские крыши самых различных цветов, легко и красиво возвышавшиеся среди веток длиннохвойной сосны, придавали пейзажу своеобразную прелесть.

К полудню перестрелка на окраинах города затихла. Такое внезапное затишье не предвещало ничего хорошего. Это явно была временная пауза перед тщательно продуманным контрнаступлением противника. Когда мне с группой матросов пришлось в двенадцатом часу направиться с корабля для установления надежной постоянной связи с командованием батальона, улицы Чхончжина были совершенно пусты и безмолвны. Прошли несколько кварталов, почти весь город. Ни одного живого существа. Странно. Но вскоре вражеский замысел стал полностью ясен.

Выяснилось, что японские захватчики, не доверяя корейскому населению Чхончжина, почти полностью очистили город от местных жителей еще за несколько суток до высадки десанта. В первую очередь были очищены рабочие кварталы: японские власти боялись действий в своем тылу трудовых людей, ненавидевших жестоких колонизаторов. Чтобы изолировать местное население от советских войск, была пущена в ход гнусная клевета, будто бы наши солдаты истязают, грабят и убивают корейцев. В порту и на окраинах остались лишь японские военные пикеты, не допускавшие появления корейцев на улицах.

Когда рабочие, которых оккупанты насильно заставляли день и ночь работать на военных предприятиях, узнали о высадке советских десантников, они ночью бежали из своих поселков, чтобы выйти навстречу советским воинам.

Чтобы усыпить нашу бдительность, противник инсценировал картину панического бегства. На улицах валялись опрокинутые ручные коляски рикш с рассыпанным грузом — рисом и соей. На проезжей части улиц и тротуарах были разбросаны раскрытые огромные чемоданы с броскими разноцветными тканями. Через открытые настежь окна и двери легких ажурных зданий виднелась не убранная со столов и циновок посуда. Убедившись в малочисленности высадившегося десанта и видя в порту лишь два корабля, доставивших рассредоточившийся по городу батальон морской пехоты, японцы надеялись скрытно обойти десантников с флангов вдоль склонов сопок, отрезать батальон от порта, окружить и уничтожить его, а потом, если удастся, уничтожить и наши корабли.

Этот примитивный замысел противника был нами быстро разгадан. Мы сразу же приняли должные контрмеры.

Мы побывали в северо-западной части города, где в бывшем особняке японского мэра разместился штаб батальона Бараболько, установили связь с командованием батальона и выяснили положение. На обратном пути на корабль мы неожиданно наткнулись на двух японцев, переодетых в гражданское платье. Мы сразу же распознали врагов и потребовали, чтобы японцы сдались. Те ответили выстрелами из пистолетов и пустились наутек в лес за город. В завязавшейся перестрелке один из них был убит. Под черной длинной гражданской накидкой на нем оказалась форма полковника Квантунской армии, в кармане — снятые с мундира орден, а на поясе именная шпага в золоченой оправе. Очень пожалели мы, что не удалось захватить этого полковника живым.

Преследуя второго японца, мы обнаружили у самого основания сопки, в лесистой местности, вражеские укрепления и были обстреляны из пулемета сверху со склона. Мы быстро отошли и, вернувшись на корабль, подробно сообщили командиру высадки и начальнику штаба обо всем происшедшем на берегу. Они тут же донесли по радио командующему флотом о сложившейся в городе обстановке, о замысле противника и всех возможных последствиях. Адмирал Юмашев приказал нашим кораблям оставаться в порту Чхончжина, поддерживать своим огнем действия десантников, не допуская их окружения и не давая японским частям возможности прорваться к причалам, и подготовить все условия для быстрой высадки в порту главных десантных сил.

Вскоре после полудня противник стал заметно активизировать свои действия на флангах наших десантных частей. В 13 часов ранее разрозненные японские группы объединились. Получив в подкрепление хорошо вооруженный батальон курсантов Нанамского офицерского училища, а также батальон специально подготовленных местных сил особого назначения, японцы при поддержке плотного огня батарей скорострельной артиллерии, установленной на вершинах сопки, перешли в открытое контрнаступление. Начались атаки на все позиции десантников. Самураи занимали тактически выгодные высоты, господствовавшие над городом. Они пытались охватить одновременно оба наши фланга и сковать действия десантников у городских окраин, в центре занятой разведотрядами обороны.

КОРРЕКТИРОВОЧНЫЙ ПОСТ

Поскольку обстановка сильно осложнилась, стало необходимо особо умелое управление огнем корабельных орудий. С мостиков кораблей нельзя было видеть мест действий десантников и наступавших сил врага. Я предложил командиру высадки М. Г. Беспалову создать специальный корректировочный пост на вершине сопки, расположенной северо-восточнее города и господствовавшей над ним. Отсюда можно было просматривать весь район разворачивающихся боевых действий и лучше выбирать наиболее важные цели для использования всех огневых средств наших кораблей во время боев и при высадке главных сил десанта.

Артиллерийские офицеры обоих кораблей почти совершенно не имели боевого опыта и не могли быть должным образом обучены весьма сложному делу управления огнем, для которого требовались специальные теоретические и практические навыки. Мне же не один десяток раз приходилось самому корректировать артиллерийский огонь кораблей под Одессой, Севастополем, Новороссийском. Случалось и высаживаться для этой цели с моря в тыл противника. Поэтому я попросил разрешения идти на сопку командиром-корректировщиком.

Получив согласие командира высадки, я попросил выделить в мое распоряжение помимо пяти опытных связистов еще 20 наиболее смелых, сильных и ловких боевых старшин и матросов, чтобы быстро занять вершину сопки — возможно, с боем — и обеспечить надежноекрытие работы корректировочного поста.

По приказанию командира корабля свободные от боевой вахты старшины и матросы выстроились на верхней палубе. Командир объяснил перед строем сложную боевую задачу и сказал, что нужны только 25 человек и назначать их он не будет. Пойдет тот, кто захочет идти добровольно, не щадя жизни, так как, возможно, многим не придется вернуться. Но задание выполнить надо.

И когда Миронов скомандовал: «Кто желает идти, два шага вперед!», все стоявшие в строю дружно шагнули вперед. Все были готовы идти на выполнение этого крайне опасного боевого задания. Вместе с нами пошел фотокорреспондент флотской газеты «На вахте» капитан А. С. Лубенко. Он хотел заснять для очередного номера самые интересные боевые эпизоды.

Когда наш отряд начал подниматься по склону сопки, мы наткнулись на тщательно замаскированный небольшой блиндаж. Еще раньше мы видели, как где-то в этих местах скрылся один из встреченных нами японцев, переодетых в гражданское платье. Мы реши-

ли обследовать этот блиндаж. Из темноты потянуло страшным зловонием. На полу — жидкая грязь по колено. На первый взгляд блиндаж казался заброшенным, но при свете фонаря мы увидели, что там есть люди, стоящие тесно прижавшись друг к другу.

Мы дали несколько коротких очередей в потолок блиндажа и знаками приказали находившимся внутри немедленно выйти. Каково же было наше удивление, когда из небольшого затхлого убежища вышли, еле держась на ногах, около 60 корейцев — преимущественно женщины, старики и дети. Они с испугом смотрели на нас, одетых в каски, увешанных автоматами, гранатами и подсумками с боеприпасами. Внешний вид моряков казался действительно грозным, но лица были по-русски открытыми, приветливыми, добродушными. И корейцы это поняли. Они всячески старались выразить жестами благодарность, а когда наш отрядный санитар забинтовал большую кровоточащую рану на ноге одной женщины, все стали горячо благодарить. Мы останавливали их, пытались объяснить, что помощь невинно пострадавшим — наш долг, долг воинов-освободителей. Детям моряки раздали плитки шоколада и банки мясных консервов из своего неприкосновенного запаса. Истощенному старику рослый матрос Анатолий Комаровский протянул флягу с водой. Старик, не решаясь принять ее, вопрошающе оглядывал нас, но увидев одобрительные кивки, улыбнулся и стал жадно пить. Напились также дети и женщины, ослабевшие от долгого пребывания в блиндаже.

Почти все матросские фляги опустели. И тогда одна из кореенок показала знаками, что знает, где находится родник, и можно быстро наполнить фляги ключевой водой. Четверо матросов, собрав все фляги, отправились за смелой проводницей и вскоре вернулись с водой. Старый кореец оказался учителем. Он немного знал русский язык, свободно говорил по-английски. Со слезами на глазах от горячо благодарил нас за освобождение его родного города от ненавистных «джепениз». Он с восторгом сказал нам, что теперь, наконец, сможет обучать детей родному языку: до сих пор в школах под страхом смерти можно было преподавать только по-японски. Мы узнали от учителя, что укрывшийся ранее в блиндаже японец удрал потайным ходом и завалил его снаружи камнем, пригрозив, что если кто-нибудь посмеет выйти навстречу русским, все будут расстреляны. Нам стало понятно, почему с таким опасением выходили люди из блиндажа.

Не отходявшая от старика худенькая девушка, видимо, его внучка, все время низко кланялась, плотно скрестив руки на груди. Старшина Анатолий Татаренко остановил ее поклоны, крепко по-

матросски пожал за всех нас хрупкую ручку и с волнением произнес несколько теплых фраз. Кореянка, не понимая значения его слов, вопросительно смотрела широко открытыми темными глазами. Потом, как будто вспомнив что-то достала из-за ворота золотой браслет и протянула его моряку. Титаренко взял браслет, встал на колено и торжественно надел его на руку изумленной и смущенной девушки. Все зааплодировали.

Больше задерживаться мы не могли. Надо было спешить к вершине сопки, носившей на карте японское название Соэнсан. На самом верху ее находилась вражеская батарея, а на пути, среди перевалов, — японские дзоты и огневые точки.

Подойдя к основанию сопки, мы обнаружили на ее склоне ряд укреплений. Вражеские пулеметы из нескольких мест открыли огонь по нашей головной группе. Мы залегли. В это время старшина Титаренко доложил мне, что с поста, оставленного мной у дороги для наблюдения за северной окраиной города, поступило следующее сообщение: японские мотоциклисты численностью больше взвода устремились в обход города по направлению к порту. Для уточнения обстановки некоторым из нас пришлось вернуться к дороге. Совсем рядом с нами проскочили по направлению к порту мотоциклисты, за ними быстро, почти бегом проследовали несколько взводов вооруженных до зубов японских солдат. Часть их остановилась у перекрестка дороги, ведущей к пристаням, где стояли наши корабли. Туда же подошли три автомашины, на которых были установлены пулеметы. Мы поняли, что отрезаны от порта и фактически находимся в окружении, так как спереди и с флангов находятся вражеские части. Мы быстро передали по радио на корабль о сложившейся обстановке и продолжали выполнять задание. В это время к нам присоединились оставшиеся в тылу врага два взвода из 2-й роты батальона М. П. Барабольшко. Командовал ими старший лейтенант К. И. Бебих.

Обойдя сопку с севера, мы стали подниматься вверх с тыла, по самому крутому склону. Здесь противник меньше всего ожидал нашего появления. Скорострельные пушки батареи, стоявшей на вершине, и пулеметы из амбразур ряда дзотов не могли нас поразить, потому что мы находились в их мертвом пространстве. Убедившись в этом, мы стали действовать смелее, решительно проводя одну атаку за другой.

Вражеские снаряды и пули со свистом пролетали низко над нами, секли раскидистые ветки сосен. Ползком пробирались мы через простреливаемые участки, сосредоточивались для очередного броска. Мы двигались, разделившись на несколько групп, не те-

*Артиллерийский корректировочный пост. Капитан 3-го ранга Г. В. Терновский
дает указания старшине А. Титаренко*

ряя друг друга из вида, действовали строго согласованно. По условному сигналу — моему выстрелу из пистолета — устремлялись в атаку на разведанные позиции противника, дружно забрасывали их гранатами, разили врага из ручных пулеметов и автоматов. Имевшиеся у нас два станковых пулемета сыграли большую роль при решающем прорыве к самой вершине, когда противник оказал особенно сильное сопротивление, несколько раз переходя в контратаки.

К этому времени у нас оказалось и трофейное оружие, захваченное в рукопашных схватках на склоне сопки, где мы заняли ряд вражеских блиндажей, подорвав гранатами доты, мешавшие своим огнем нашему продвижению. Особенно отличились при подрыве железобетонных дотов матросы Владимир Моисеенко и Анатолий Комаровский.

Перед началом боев за вершину мы увидели со склона, что новые вражеские части продвигаются к порту, чтобы окружить

Старшина С. Захаров сообщает сведения на корабль

десантников и отрезать их от пристаней внезапным ударом с фланга. Противник специально выбрал время, когда экипажи обедают, рассчитывая застать корабли врасплох. Надо было срочно передать на флагманский сторожевой корабль сообщение о нависшей угрозе, а мы еще не успели развернуть радиостанцию. Нас выручила предусмотрительность: мы взяли с собой опытного сигнальщика и белые сигнальные флажки, которые отлично видны на зеленом фоне с большого расстояния. Таким видом связи мне нередко приходилось пользоваться во время артиллерийской корректировки под Одессой, Севастополем, Новороссийском.

Старшина Сергей Захаров быстро передал мое донесение, и сразу же на обоих кораблях была объявлена боевая тревога — мы отчетливо слышали сигнал. Внезапность нападения, на которую явно рассчитывал противник, была сорвана. Двигавшиеся от северной окраины к порту вражеские части были встречены метким автоматным и пулеметным огнем с кораблей. Не выдержав дружного обстрела, японцы отступили, неся потери.

Боевые друзья отбили у врага отважного моряка, подвергавшегося пыткам

Мы продолжали штурм сопки. Перед самой вершиной дело дошло до ожесточенных рукопашных схваток. Три раза мы бросались вперед и дважды откатывались, чтобы собрать силы и вновь атаковать. Когда после одной из неудавшихся атак на вражеской позиции осталось несколько раненых моряков, японцы подвергли их пыткам, пытаясь получить сведения о десанте. Но советские моряки остались до конца верны военной присяге. Когда мы захватывали вершину, находившийся в батареейной траншее японский офицер прострелил мне из пистолета икру правой ноги как раз в тот момент, когда я перепрыгивал окоп. К счастью, пуля, прошив мяготь, не задела кости. Увлеченный боем, я первое время не замечал этого ранения, но вскоре оно дало о себе знать. У отрядного санитара был бинт, и он наложил мне хорошую тугую повязку.

Наконец вершина сопки была взята. Мы захватили подорванную врагом батарею и запас гранат, которые нам очень пригодились.

Находясь на вершине господствующей сопки, мы могли наблюдать изменение обстановки в городе и регулярно доносить на корабль наши наблюдения, точно указывая по квадратной сетке места скопления вражеских подразделений. Это во многом помогало действиям кораблей, которые своевременно и правильно сосредоточивали в нужном направлении все свои огневые средства — артиллерию главного калибра, автоматические пушки и пулеметы. Так были сорваны многочисленные попытки японцев прорваться и любой ценой захватить пристань, чтобы не допустить швартовки в порту крупных кораблей с главными силами десанта.

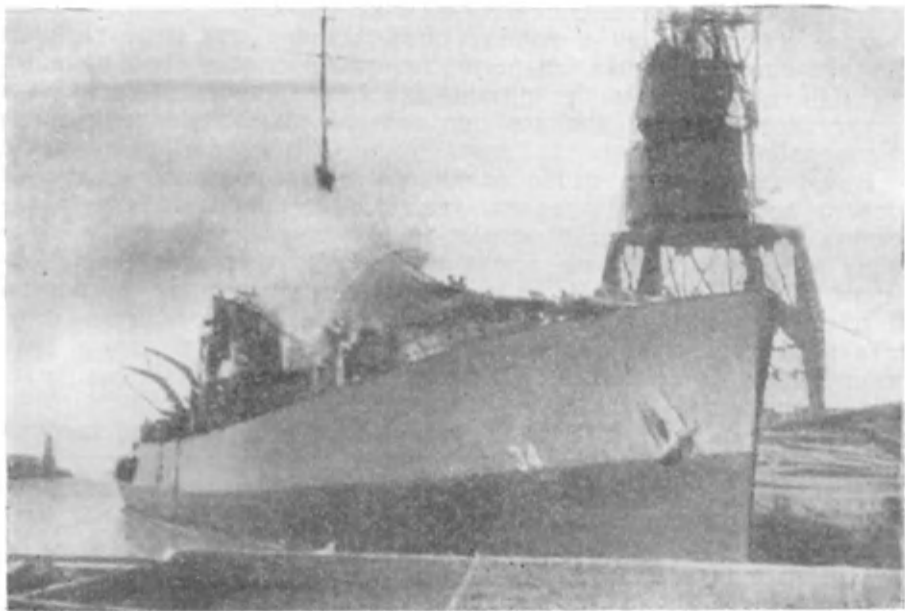
Просочившиеся в порт вражеские части пытались расстреливать из пулеметов личный состав стоявших у пристани кораблей, но корабли, отойдя от стенки, сосредоточили свой огонь на вражеских пулеметных точках и били по скоплениям противника, хорошо видимым с нашей сопки.

Много раз японцы пытались контратаковать нашу очень выгодную позицию на вершине сопки, но тщетно. Мы заняли круговую оборону и забрасывали самураев их же гранатами.

Когда наш отряд оказался в окружении, фотокорреспондент, коммунист Андрей Лубенко, по моему приказанию принял на себя обязанности боевого комиссара отряда. Подавая пример бесстрашия и решимости, капитан Лубенко увлекал за собой матросов на смелые атаки вражеских позиций. Всегда он был впереди, стреляя из автомата, который вынул из рук убитого матроса. А в самый тяжелый момент Лубенко заменил вышедшего из строя пулеметчика и меткими очередями отбивал атаки японцев на позиции нашей круговой обороны.

Направляя корабельный огонь на более опасные цели, мы помогли десантникам удержаться перед выходом из города в порт. По приказанию Беспалова бойцы разобрали железнодорожную ветку, которая вела от порта к виадуку, где стоял вражеский бронепоезд. Сковав таким образом действия мощной железнодорожной батареи японцев, моряки обстреливали позиции врага у сопки. Меткий корабельный огонь загнал бронепоезд в тоннель, откуда он больше не выходил и был потом захвачен основными силами десанта.

Перед наступлением темноты противник усилил атаки на все наши позиции, рассчитывая до ночи покончить с окруженными частями группами десантников. Обстановка казалась совсем критической. Враг наседал, видя свое тактическое преимущество и численное превосходство, которое местами было почти десятикратным.

Сторожевой корабль ведет огонь по японским батареям в Чхончжине

Но сломить сопротивление и моральный дух наших бойцов японцам не удалось.

Обо всех подробностях обстановки в городе и порту и происходящих изменениях штаб высадки регулярно доносил с флагманского сторожевого корабля прямо командующему флотом. После успешного завершения операции адмирал И. С. Юмашев особо отметил, что организованная капитаном 3-го ранга Б. Д. Яшиным система информации была настолько полной, четкой и правильной, как будто само командование флотом находилось на месте боевых действий. Это позволило командующему флотом принимать все необходимые меры для быстрейшего победного завершения операции.

С наступлением темноты враг ослабил, но не прекратил натиска. К этому времени была уже установлена надежная связь с находившимся в море отрядом кораблей под командованием капитана 1-го ранга А. Ф. Студеничникова. На этих кораблях были

главные силы десанта. Они шли нам на помощь и ожидались на подходе к Чхончжину в начале ночи. Однако прибытие главных сил несколько задержалось. Эта задержка стоила нам немалых усилий и не обошлась без потерь для сражавшихся в Чхончжине десантников, которые дрались при огневой поддержке всего лишь двух кораблей.

В отряде Леонова особо отличился взвод под командованием боевого десантного разведчика, главного старшины Макара Андреевича Бабикова. Этот бывалый воин, получивший отличную записку на Северном флоте, вдохновлял бойцов своим личным примером. Хотя Бабиков был ранен пулей в голову, он не только не покинул поле боя, но с еще большей яростью разил из автомата и забрасывал гранатами японцев, рвавшихся к порту. Весь взвод Бабикова сражался, руководствуясь славным девизом морских десантников — «нас мало, но мы в тельняшках».

Моряки наших кораблей, находившихся в порту, действовали героически. Краска на оружейных стволах потемнела от непрерывной стрельбы. Раскаленные автоматы и пулеметы почти непрерывно били по врагу, не допуская его к пристаням. Но вот перед рассветом 15 августа пришла помощь.

Еще на подходе к Чхончжину командир головного флагманского сторожевого корабля в караване главных сил десанта капитан-лейтенант В. В. Михайлин, правильно оценив с мостика обстановку, приказал открыть огонь по участку скопления вражеских сил. Эта поддержка подоспела в самый решающий момент. Враг понял, что с моря подходят свежие крупные силы десанта, и обрушил весь свой огонь на причалы, обнаружив тем самым расположение своих огневых точек. Дружные и точные корабельные залпы тихоокеанцев быстро сделали свое дело. Большинство батарей врага было подавлено, и, войдя в порт, корабли с главными силами начали в 3 часа 48 минут высадку десантных войск прямо на пристани. С крупных кораблей высадилась 13-я бригада морской пехоты под командованием генерал-майора В. Н. Трушина. Она сразу помогла изгнать противника с его долговременных позиций на горных склонах. Оказывая ожесточенное сопротивление, японцы отступили.

Утром 16 августа к Чхончжину подошли наступавшие с севера войска 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта. А с моря высадилась третьим эшелоном и развила достигнутый десантниками успех 335-я армейская стрелковая дивизия под командованием полковника Е. К. Волкова. Так общими усилиями десантников и армейцев Чхончжин был навсегда освобожден от японских оккупантов. Наступление морских десантов и полевых частей продолжа-

Капитан-лейтенант Л. С. Миронов наблюдает за стрельбой

лось. Теперь корабли с десантниками выходили уже из Чхончжина. Ударами с моря был освобожден Сончжин, а затем и Вонсан.

Сразу же после освобождения Чхончжина был образован Южный морской оборонительный район (Южмор). Политотдел Южмора во главе с капитаном 1-го ранга И. В. Петровым развернул большую работу среди населения портов Северной Кореи, разъясняя освободительную миссию советских войск, оказывая помощь в налаживании созидательной трудовой жизни. Особенно широко, разносторонне и действенно велась эта работа под руководством капитана 1-го ранга В. М. Гришанова (ныне адмирал, член военного совета Военно-морского флота), который сменил И. В. Петрова на посту начальника политотдела Южмора.

Вечером 15 августа мы под расписку сдали нашей армейской части вершину занятой с боями сопки, где пробыли более суток в окружении, успешно выполнив весьма важную задачу. Там же

Корабли с десанниками уходят из Чхончжина в Вонсан

на вершине мы похоронили с фронтовыми почестями наших боевых друзей, отдавших жизнь за освобождение корейского порта Чхончжин. Местные жители назвали эту высоту Солпой Героев.

Позднее командир высадки писал в докладе командиру флотом, что «...для усиления десантных частей, действующих на берегу, из личного состава кораблей, находящихся в порту Сейсин (японское название Чхончжина. — Г. Т.), был сформирован отряд моряков в количестве двадцати пяти человек под командованием капитана 3-го ранга Терновского. Только один этот отряд моряков в течение 14 и 15 августа уничтожил 11 дзотов, 19 огневых точек и около ста солдат и офицеров противника».

Эти скупые фразы оперативного донесения — высокая оценка героизма, стойкости и высокого воинского мастерства каждого члена нашего отряда.

Все принимавшие участие в выполнении этого боевого задания были награждены орденом Боевого Красного Знамени. А двум из нас — наиболее отличившемуся матросу Владимиру Моисеенко

(ныне он инженер одного из ленинградских заводов, участвовал в строительстве атомного ледокола «Ленин») и мне, как командиру отряда,—было присвоено звание Героя Советского Союза. Это же звание было присвоено главному старшине отряда разведчиков В. Н. Леонова М. А. Бабикову, мичману А. М. Никандрову, командиру роты И. М. Яроцкому, командиру батальона М. П. Бараболько. На груди Виктора Леонова засияла вторая звезда Героя Советского Союза. Высшей боевой награды Родины были также удостоены командир высадки первого эшелона десанта капитан 3-го ранга М. Г. Беспалов и командир корабля капитан-лейтенант Л. С. Мионов. А корабль, которым он командовал, получил звание гвардейского³.

Во время боев за освобождение Чхончжина мы узнали о героической гибели медицинской сестры Марии Цукановой. Она шла на операцию на нашем корабле, высадилась с десантниками первого эшелона. Те, кто видел ее, светлолицую, белокурую, жизнерадостную и бесстрашную, никогда не забудут эту замечательную советскую девушку.

Мария Цуканова попала со своей частью в окружение у окраины Чхончжина. Она вынесла с поля боя более 40 раненых воинов и спасла им жизнь. Но сама она была тяжело ранена и схвачена наседавшими врагами в яростной неравной схватке. Японцы пытались Марию, надеясь узнать у нее расположение и состав десантных сил, высадившихся в порту. Но никакие истязания не сломили мужества и стойкости советской патриотки. Пленные японские солдаты рассказали впоследствии, что она не проронила ни слова. В бессильной злобе самурайские палачи изрубили девушку на куски. Эта страшная весть мигом облетела советских воинов. Они поклялись отомстить за смерть героини и с утроенной силой громили японских захватчиков, пока не освободили от них землю Северной Кореи. Мария Цуканова посмертно удостоена звания Героя Советского Союза.

Радостно встречали нас с победой жители Владивостока. Член Военного совета Тихоокеанского флота генерал-лейтенант С. Е. Захаров прямо на борту гвардейского корабля вручил боевые награды героям освобождения Чхончжина.

³ Это звание получило 18 кораблей Тихоокеанского флота. 16 кораблей стало краснознаменными, 15 соединений удостоено почетных наименований. 42 морякам присвоено звание героя Советского Союза.

В начале сентября 1945 года военная кампания советских вооруженных сил на Дальнем Востоке закончилась славной победой над империалистической Японией. Корейский народ получил на севере своей страны долгожданную свободу. Все мы, участники этих незабываемых боевых действий, гордимся тем, что вместе с отечественными наградами, полученными за победы на корейской земле, носим на груди национальную корейскую медаль «За освобождение Кореи».

Тем же, кто отдал свою жизнь, освобождая «страну утренней свежести» от японских оккупантов, благодарный корейский народ воздвиг памятники немеркнувшей славы. Светлые образы и имена погибших советских воинов—освободителей Кореи—останутся в памяти многих поколений советского и корейского народов.

*Подполковник Б. В. Щетинин.
профессор, доктор юридических наук*

ВЛАСТЬ — НАРОДУ

Весть о капитуляции Японии застала меня в Северо-Восточном Китае — я был тогда офицером 1-го Дальневосточного фронта. Вскоре меня перевели в распоряжение командования советских войск, находившихся в Северной Корее. Совершив на быстроходном виллисе бросок в тысячу километров по горным дорогам, я прибыл в Пхеньян. Мне предстояло стать советником командования по юридическим вопросам.

Сейчас, когда пишутся эти строки, кое-что, естественно, уже позабылось, но главные события тех дней свежи в моей памяти. И я рад поделиться воспоминаниями о первых годах создания и развития в Северной Корее нового общественного и государственного строя.

Первым корейским городом, с которым мне пришлось познакомиться, был Пхеньян — второй по величине после Сеула город страны, ныне столица Корейской Народно-Демократической Республики. Это один из древнейших городов мира — ему свыше 1500 лет. Он расположен у подножия красивой и величественной горы Моранбон — любимого места отдыха жителей Пхеньяна и его гостей. С горы открывается чудесный вид, которым можно часами любоваться, подобно тому как мы любимся с Ленинских гор красотами Москвы. На Моранбоне есть исторические памятники — буддийский храм и древние пагоды, там построены стадион, театр, рестораны. У меня сохранилось немало фотографий этих мест. Они напоминают мне пору моей молодости, незабываемые дни, проведенные

на горе Моранбон вместе с корейскими друзьями. В честь советских воинов на этой горе воздвигнут обелиск (памятник освобождения). У его подножия всегда лежат цветы, свидетельство того, что подвиг советских воинов не забыт.

Хороша и река Тэдонган, пересекающая Пхеньян. Быстрая и полноводная, она несет городу горную чистую воду, прохладу в знойное лето.

Осенью 1945 года Пхеньян еще сохранял очень заметные следы японского колониального режима. Современных благоустроенных больших зданий было немного, и почти все они находились в центре города. Подавляющее большинство домов были в один-два этажа, с небольшими земельными участками. По центральным улицам ходил трамвай. Вагонов явно не хватало, и на остановках выстраивались большие очереди. Наряду с корейскими надписями на магазинах, ресторанах и кафе еще можно было встретить и японские, хотя их старались как можно скорее убрать.

Отношение к советским людям было самое радушное. Корейские товарищи проявляли внимание во всем, заботились об устройстве нашего быта, организации питания, улучшении условий работы. Видно было, что их сердца преисполнены благодарности к советскому народу, и это доставляло нам большую радость. Тяга к русскому языку сразу же стала повсеместной. На собраниях и митингах, в общественных местах и учреждениях корейцы старались говорить по-русски, мы же — по-корейски. Разумеется, это было нелегко, но важно, что это было обоюдным желанием, выражавшим наши теплые чувства.

Изучая местный быт, мы посещали знаменитый Пхеньянский базар, куда тысячи крестьян, рыбаков, мелких торговцев привозили свои товары. Это было красочное зрелище — горы рыбы, птицы, фруктов, в том числе замечательных корейских яблок. Я до сих пор помню запахи вяленой рыбы, различных трав. Мы познакомились с корейской кухней — одной из лучших на Востоке.

Для выполнения моих новых обязанностей требовалось глубокое знание страны, ее истории и экономики, особенностей ее развития. Признаться, до этого я знал о Корее не очень много. Пришлось засесть за книги, статьи, справочники. Разумеется, хотелось не только получить о стране сведения общего характера, но и ознакомиться с материалами, представлявшими особый интерес для меня, как юриста-государствоведа. Однако долго готовиться по книгам не пришлось. Нужно было приступать к практическим делам.

НАРОДНЫЕ КОМИТЕТЫ

Это был период кипучей деятельности миллионов трудящихся Кореи. Красная Армия, освободив страну, выполнила свою интернациональную миссию — расчистила трудовому народу путь к созданию независимого демократического государства. В Корее бурлило революционное творчество, охватившее рабочих, крестьян, интеллигенцию, патристические слои буржуазии.

В соответствии с освободительными целями Советского государства советское командование в Северной Корее предоставило местному населению возможность свободного образования и деятельности всех демократических партий, ставивших своей целью окончательное искоренение остатков японского империализма и укрепление начал демократии. Частная и общественная собственность корейских граждан была объявлена под защитой советских воинских частей.

В солнечный октябрьский день в парке на горе Моранбон был созван митинг, посвященный освобождению Кореи советскими войсками. Собралось несколько десятков тысяч человек. Там состоялась первая встреча жителей Пхеньяна с Ким Ир Сеном и его соратниками — коммунистами. Долгие годы они героически сражались в партизанских отрядах за свободу и независимость своей родины. Газеты много писали об этой встрече.

Корейские коммунисты возглавили важные участки государственного аппарата, стали играть руководящую роль в преобразовании общества.

В процессе установления народной власти в Северной Корее главную революционную силу представляли рабочие, крестьяне и местная интеллигенция. Именно по их почину создавались народные органы власти. Корейский народ по собственной воле создал народные комитеты, избрав тем самым народную демократию политической формой своей революционной власти. Именно в этом состояло главное значение происходившего процесса, основанного на объективных закономерностях истории. Напомним, как это происходило.

В провинциях и волостях создавались подготовительные комитеты из числа демократических деятелей, которые организовывали выборы народных комитетов¹. В уездах народные комитеты либо избирались, либо назначались народными комитетами провинции. В городах создавались муниципалитеты, а в селах избирались «от-

¹ Первоначально они именовались «политические народные комитеты», а в октябре 1945 года слово «политические» было исключено.

ветственные лица». Муниципалитеты в большинстве случаев назначались народными комитетами провинций. Вначале их организовали лишь в Пхеньяне и в портовых городах.

«Ответственные лица» в селах по большей части избирались. От каждого дома выделялся выборщик — глава семьи или его старший сын. Затем они собирались и путем открытого, а в некоторых селах даже тайного голосования избирали «ответственных лиц». Но так было не во всех селах. В некоторых местах избирались «десятники» и «сотники» — уполномоченные на десять и на сто домов (хозяйств). Женщины в выборах участвовали, но тогда еще не везде.

Численный состав народных комитетов был различным — от 7 до 35 членов и больше. Неодинакова была и структура народных комитетов².

Большое значение в развитии и становлении демократических форм власти имело совещание представителей народных комитетов провинций Северной Кореи, состоявшееся в Пхеньяне 7—11 октября 1945 года. Оно было создано по инициативе этих представителей.

Мне довелось присутствовать на этом совещании, которое приняло важные решения по вопросам политики и организационной деятельности народных комитетов.

Совещание выработало единую систему местных народных комитетов в Северной Корее. Сущность этой системы состояла в следующем: представителем новой корейской народной власти в селе стал сельский староста (вместо «ответственного лица», как это было ранее), избираемый жителями села. В волости органом местной власти становится волостной народный комитет в составе 7—9 членов, избираемый выборщиками от сел; в уезде — уездный народный комитет в составе 13—15 человек, избираемый выборщиками от волостей, в городе — муниципалитет в составе 15—17 человек, избираемый населением города, и в провинции — провинциальный народный комитет в составе 19 человек, избираемый выборщиками от уездов.

Одновременно была разработана и рекомендована всем народным комитетам Северной Кореи и внутренняя структура местных народных комитетов.

² Например, народный комитет провинции Хванхэдо состоял из десяти отделов: внутренних дел, образования, промышленности и рудников, земледелия и торговли, финансов, полиции, юстиции, коммуникаций и связи, планового и законодательного. В провинции же Южная Пхёнан народный комитет имел только восемь отделов. В нем не было законодательного и планового отделов.

Так, волостной народный комитет организовывался в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и членов, уездный народный комитет — в составе председателя, двух заместителей, секретаря и членов. При уездном народном комитете создавались отделы: общий, торговли и промышленности, земли и леса, благоустройства, просвещения, здравоохранения, финансов. Муниципалитет возглавлялся мэром города, двумя заместителями и секретарем. При муниципалитете создавались отделы: общий, промышленности и торговли, просвещения, здравоохранения, финансов, благоустройства. Провинциальный народный комитет состоял из председателя, двух заместителей, секретаря и членов. Он имел отделы: общий, промышленности и торговли, земли и леса, связи и путей сообщения, просвещения, здравоохранения, финансов, благоустройства, юстиции и полиции.

Выборы сельских старост и членов муниципалитетов было предложено проводить на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, выборы же волостные, уездные и провинциальные народные комитеты — на основе тех же принципов, но не прямым голосованием. Сначала должны были избираться на местах выборщики, с тем чтобы в дальнейшем эти последние избирали членов народных комитетов. Замена прямых выборов двухстепенными вызывалась тем, что в тот период было практически невозможно производить выборы в волостные, уездные и провинциальные народные комитеты прямым путем.

Избирательное право предоставлялось всем жителям Северной Кореи, достигшим 20-летнего возраста, независимо от имущественного положения, пола, образования, оседлости. Исключение составляли умалишенные и лица, осужденные судом с лишением избирательного права. Лишались избирательного права также японцы и прояпонские элементы.

В течение октября — ноября 1945 года местные народные комитеты Северной Кореи были перестроены на основе новой структуры.

Такова в общих чертах история образования народных комитетов в провинциях Северной Кореи. Однако, как показал опыт первых месяцев их работы, необходимо было иметь также центральный народный комитет, который бы руководил деятельностью всех народных комитетов. В связи с этим 7 февраля 1946 года в Пхеньяне было созвано подготовительное совещание представителей демократических партий и организаций и местных органов власти. Присутствовали 32 делегата от всех провинций Северной Кореи.

На совещании был заслушан доклад секретаря Организационного бюро Коммунистической партии Северной Кореи Ким Ир Сена «О задачах по улучшению руководства местными органами самоуправления всей хозяйственно-политической и культурной жизнью Северной Кореи и о необходимости в связи с этим образования Временного народного комитета Северной Кореи».

На следующий день, 8 февраля, состоялось совещание более широкого состава, участникам которого предстояло окончательно решить вопрос о создании Временного народного комитета Северной Кореи. Здесь присутствовали 138 делегатов от всех основных политических партий, общественных организаций и местных народных комитетов Северной Кореи³. Были рассмотрены те же вопросы, что и на предыдущем совещании, но в более развернутой форме. Совещание работало два дня и единодушно приняло решение о создании Временного народного комитета Северной Кореи. Его председателем был избран Ким Ир Сен.

Создание Временного народного комитета Северной Кореи явилось большим политическим событием в жизни страны. Оно завершило построение системы народно-демократических органов власти, заложило фундамент демократического правительства.

В начальный период народные комитеты в поисках форм и методов своей работы иногда тратили много времени на длительные дискуссии, но затем их работа стала организованней, появилась необходимая уверенность в своих действиях. Возрастал их авторитет среди населения.

Вскоре народные комитеты, руководимые Коммунистической партией Северной Кореи (преобразовавшейся затем в Трудовую партию), окрепли и возмужали, приступили к проведению земельной реформы и других глубоких социально-экономических преобразований, осуществленных в 1946—1947 годах. Народные комитеты заложили фундамент для образования в 1948 году Корейской Народно-Демократической Республики.

Во всем этом есть и частица труда советских людей, передавших свой опыт и знания корейским друзьям.

³ От Коммунистической партии — 6 человек, Демократической — 6, Новой демократической — 2, Лиги независимости Кореи — 3, профсоюзов — 10, крестьянских союзов — 12, женского союза — 6, Демократического союза молодежи — 5, религиозных обществ — 3, Общества культурной связи с СССР — 2, народных комитетов провинций — 30, уездных народных комитетов — 22, городских муниципалитетов — 18. Присутствовали также 13 представителей административных органов — департаментов (подробнее о них ниже). По партийной принадлежности делегаты распределялись следующим образом: коммунистов — 82, членов Демократической и Новой демократической партий — 19, беспартийных — 37.

ГРАЖДАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

Белокаменный двухэтажный особняк на небольшой, но красивой улице. Высокие деревья защищают окна от ярких солнечных лучей. Вход в дом свободный. Всякий, кто хочет, может прийти сюда. В одной из комнат второго этажа — мой служебный кабинет. Правда, в нем я бываю довольно редко, чаще приходится работать вне его стен. Командировки, совещания, встречи с корейскими товарищами занимают большую часть времени как у меня, так и у моих коллег.

В этом доме разместилось Управление советской гражданской администрации в Северной Корее. Это учреждение, необычное для Советской Армии, впервые возникло после второй мировой войны для урегулирования ряда важных послевоенных проблем. Основной его задачей было бескорыстное и многообразное содействие корейскому трудовому народу⁴.

Скажу прямо, задача была не из легких. В шести провинциях Северной Кореи, по самым минимальным подсчетам, проживало тогда около 10 миллионов человек. Эти цифры говорят сами за себя.

Вскоре двухэтажный особняк стал одним из самых известных зданий в столице Северной Кореи. Его двери закрывались только поздно ночью.

Аппарат Управления советской гражданской администрации был невелик и состоял из специалистов в области промышленности, сельского хозяйства, культуры, здравоохранения, транспорта, торговли, связи, юстиции. Все это были опытные и энергичные люди. Во главе Управления первое время стоял генерал-майор А. А. Романенко, являвшийся заместителем командующего 25-й армией, затем его сменил генерал-майор Н. Г. Лебедев — член военного совета армии.

Сложность нашей работы состояла не в определении общей политической линии по отношению к населению Северной Кореи, — эта линия была ясна, она базировалась на принципах пролетарского интернационализма, — а в установлении тех форм помощи, которые были необходимы в практической деятельности. Работники Управления советской гражданской администрации помогали

⁴ Хочу напомнить, что с 15 августа по 3 октября 1945 года эта помощь осуществлялась советским командованием через военных комендантов, которые с первых дней своей работы установили самую тесную связь с местными народными комитетами. С образованием в октябре 1945 года Управления советской гражданской администрации военные коменданты перешли в его подчинение.

национальным органам народной власти в разработке общей программы экономического и политического восстановления Северной Кореи, социально-экономических и политических преобразований. Они опирались на актив корейских демократических партий и общественных организаций, в первую очередь и главным образом на корейских коммунистов.

Одним из первых организационных шагов по подготовке демократических преобразований в Северной Корее явилось создание административных департаментов для руководства основными отраслями экономической и административно-политической жизни. К 15 ноября были созданы десять департаментов: промышленности, транспорта, связи, финансов, земли и леса, торговли и заготовок, здравоохранения, просвещения, юстиции и полиции.

Служащими департаментов могли быть исключительно корейцы, причем на работу подбирались главным образом демократически настроенные специалисты. В исключительных случаях, ввиду недостатка квалифицированных корейских кадров, временно использовались на отдельных участках железнодорожного транспорта и промышленности старые японские специалисты. Штаты департаментов были установлены от 7 до 50 человек — в зависимости от объема их работы.

В функции департаментов входила разработка предложений по вопросам восстановления промышленности, транспорта, связи и др. Одновременно департаменты были наделены правами издавать приказы и распоряжения, обязательные для всех провинциальных народных комитетов. Опыт существования департаментов показал, что они себя вполне оправдали, явились большой школой государственной работы на основе новых, демократических принципов.

С образованием в феврале 1946 года Временного народного комитета Северной Кореи все департаменты, а также суд и прокуратура были переданы в его подчинение.

С освобождением Северной Кореи потребовалось огромное количество руководящих национальных кадров, способных обеспечить демократизацию страны. Таких кадров в Корее не было, так как в условиях японского господства все административно-политические должности занимали японцы, а корейцы допускались лишь к второстепенной и технической работе. В связи с этим была проведена большая работа по подготовке национальных корейских кадров. В первую очередь в народные комитеты были привлечены революционеры, бывшие партизаны, а также лучшие представители прогрессивной части корейской интеллигенции, которая с первых дней освобождения Северной Кореи твердо пошла по демократи-

ческому пути. В течение первого года существования народных комитетов подготовка и переподготовка кадров проводилась на специальных курсах. Особенно большую роль сыграла Центральная школа Временного народного комитета Северной Кореи, организованная весной 1946 года.

Управление советской гражданской администрации помогало корейским кадрам повышать свою политическую закалку, деловую квалификацию. В свободное от работы время все мы, сотрудники Управления, стремились как можно глубже ознакомиться с культурой и бытом населения. Многие из нас усердно изучали корейский разговорный язык. Скоро часть наших сотрудников могла по-корейски вести разговор на общеполитические и бытовые темы.

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВОСУДИЯ

Большой зал. Много людей, среди них женщины. Слышен приглушенный говор. В глубине зала массивный дубовый стол. За ним сидят судьи и два народных заседателя. С правой стороны стол для защитника, слева гордо восседает молодой прокурор. По окончании судебного разбирательства суд удаляется на совещание. Присутствующие в зале люди терпеливо ждут приговора.

Все это — присутствие на судебном заседании женщин, участие народных заседателей, вынесение приговора в день окончания разбирательства дела — было новым и необычным для Кореи. Я описал один из первых судебных процессов, проведенных на основе новой, демократической системы судопроизводства.

По своей специальности и характеру служебных обязанностей я ближе всего стоял к вопросам организации суда и прокуратуры. На моих глазах разрабатывались планы переустройства органов суда и прокуратуры. К лету 1946 года народными комитетами была проведена реформа органов правосудия. Ее сущность состояла в том, что вместо старой реакционной японской системы, служившей интересам колонизаторов и их корейских пособников, была создана новая, демократическая корейская судебно-прокурорская система с новым аппаратом судебных и прокурорских работников, состоявших из корейцев — рабочих, крестьян, представителей трудовой интеллигенции.

Практическое проведение судебной реформы было начато с создания в октябре 1945 года отделов юстиции провинциальных народных комитетов, а в ноябре — департамента юстиции Северной Кореи на правах координирующего и руководящего органа. В де-

кабре работники департамента разработали проект «Положения об организации и работе департамента юстиции и судебных и прокурорских органов в Северной Корее».

Корейские товарищи много думали над проектом этого «Положения», оформлявшего демократическую систему правосудия. После длительного обсуждения было решено, чтобы оно включило следующие принципы.

1. Осуществление судебных и прокурорских функций исключительно самими корейцами. В органы юстиции Северной Кореи не допускаются изменники и враги корейского народа, те из корейцев, которые при японцах служили судьями и прокурорами, а также лица, известные своей прояпонской деятельностью. Однако в том случае, если лица, ранее служившие при японцах судьями или прокурорами, после 15 августа 1945 года активно боролись за новые, демократические принципы и оказывали содействие народным комитетам, то по рекомендации общественных организаций и с согласия Временного народного комитета они могут быть допущены к работе в органах юстиции.

2. Привлечение к участию в работе суда народных заседателей. Народным заседателем может быть любой совершеннолетний гражданин Северной Кореи; выборы народных заседателей предлагалось поручить народным комитетам.

3. Ведение судопроизводства на корейском языке с предоставлением лицам, не владеющим этим языком, возможности полного ознакомления с материалами дела, а также права давать объяснения следователю и суду на родном языке.

4. Гласность судебного процесса; закрытые судебные заседания могут допускаться в исключительных случаях, когда этого требуют общественные интересы или охрана государственной тайны.

5. Предоставление обвиняемому права на защиту, причем в отличие от существовавшего при японцах порядка адвокат может быть приглашен к участию в судебном процессе и по усмотрению суда. Предоставление суду права назначать адвокатов создало возможность для более широкого применения защиты в судебном процессе даже в тех случаях, когда обвиняемый не имеет средств для приглашения адвоката⁵.

Установление демократических принципов означало коренную перестройку всей системы правосудия. Разумеется, судебная система, созданная в Северной Корее, коренным образом отличает-

⁵ Формально этот проект был утвержден в качестве закона Временным народным комитетом Северной Кореи только 7 марта 1946 года, но уже до этого он являлся руководящим документом, на основе которого проводилась судебная реформа.

ся от той, которая существовала при японцах. Новые суды — это суды корейского народа, охраняющие его интересы и ведущие борьбу с преступностью.

То, что старое японское законодательство необходимо заменить новым, демократическим, разумеется, не вызывало сомнений ни у корейских товарищей, ни у работников Управления гражданской администрации. Однако новое корейское законодательство еще не было создано, а между тем суды должны были чем-то руководствоваться при вынесении своих приговоров и решений по уголовным и гражданским делам. В январе 1946 года департамент юстиции созвал специальное совещание для обсуждения этого важного вопроса. Совещание рекомендовало производить отмену японского законодательства по частям: прежде всего объявить недействительным все политическое законодательство, а из гражданских законов изъять те, которые ограничивали дееспособность женщин в совершении гражданских сделок; из процессуального кодекса отменить закон, допускавший арест без санкции прокурора; полностью аннулировать японский закон о судостроительстве. Наряду с этим было рекомендовано выработать новые законы, в частности, о производстве следствия в прокурорских и полицейских органах Северной Кореи, о порядке ведения судебного процесса и Положение о департаменте юстиции. Эти новые законы вскоре были разработаны и составили основные руководящие документы, определявшие систему, организацию и порядок работы органов юстиции в Северной Корее.

В качестве временной меры впредь до издания новых законов статья 20 «Положения» давала корейским судьям право, если этого требовали обстоятельства, руководствоваться не только законом, но и своим демократическим правосознанием в интересах корейского народа.

Была перестроена и система прокурорских органов. Они создавались независимо от суда, но находились вначале в подчинении департамента юстиции. Следственный аппарат был передан из судов в ведение органов прокуратуры.

Назначение прокурора Северной Кореи производилось Временным народным комитетом Северной Кореи по представлению начальника департамента юстиции, а все остальные прокуроры и следователи назначались начальником департамента юстиции по представлению прокурора Северной Кореи. Такой порядок обеспечивал независимость прокуратуры от местных народных комитетов и необходимую ее самостоятельность в работе по надзору за соблюдением законности. Отзыв прокурора с должности производился в том

же порядке, что и назначение. Нетрудно заметить, что в этой системе получила претворение в жизнь ленинская идея о независимости прокуроров от местных властей.

Органам прокуратуры Северной Кореи были предоставлены значительные права, они осуществляли контроль за выполнением всеми государственными, общественными, частными организациями и гражданами постановлений и распоряжений, издаваемых народными комитетами; наблюдали за исполнением законов и распоряжений народных комитетов; в их функции входил надзор за деятельностью всех полицейских органов Северной Кореи, за местами заключения судебный надзор и дача санкций на арест.

В июне 1946 года вся основная организационная работа по проведению судебной реформы была закончена. Новые демократические судебные и прокурорские органы были повсеместно созданы во всех провинциях и уездах Северной Кореи.

В первое время в работе северокорейских судов встречались случаи неправильного применения мер наказания. Например, в одном народном суде провинции Южная Пхёнан в апреле 1946 года разбиралось дело об убийстве полицейским официантки ресторана. Судья присудил преступника всего лишь к денежному штрафу в 2 тысячи тон. Правда, этот приговор был признан неправильным и отменен вышестоящей инстанцией, но, к сожалению, подобные факты не были единичными. Объяснялось это тем, что большинство судей были еще неопытны.

При общем высоком уровне работы народных судов некоторое время сохранялись и пережитки старой японской системы правосудия. Так, многие суды выносили приговор не в день окончания судебного процесса, а через 10—15 дней. Этот порядок существовавший в японских судах, был явно не демократичным, и мы рекомендовали быстрее его устранить. Корейские товарищи согласились с нами, и вскоре суды стали выносить свои приговоры в день окончания судебного разбирательства.

Проблема повышения качества как судебной, так и прокурорской работы в то время упиралась главным образом в кадры. В Северной Корее было мало национальных юридических кадров. Характерно, что в начале 1946 года из 75 ответственных работников органов юстиции рабочих было всего четверо, крестьян — трое; 32 работника были членами Коммунистической партии (ныне Трудовой партии) 43 человека были беспартийными.

В январе 1947 года департаментом юстиции были организованы краткосрочные курсы по переподготовке юридических работников, на которых занимались 80 человек. Это уже были главным обра-

зом рабочие, крестьяне, учителя. Большинство окончивших направлялись в провинции и уезды.

1 марта 1946 года в Пхеньяне была открыта четырехмесячная юридическая школа. В ней учились многие будущие работники суда и прокуратуры. Для более серьезной подготовки высококвалифицированных корейских юристов в сентябре 1946 года был создан юридический факультет при Пхеньянском университете имени Ким Ир Сена. Мне не раз приходилось бывать на занятиях, выступать с лекциями перед преподавателями, консультировать их по вопросам социалистического права. Работа эта доставляла мне большое удовлетворение, так как до войны я был преподавателем юридических дисциплин.

Мы с корейскими товарищами тщательно готовили учебные планы и учебные программы, подбирали литературу, организовывали перевод на корейский язык лучших советских учебников и учебных пособий по юридическим дисциплинам. Однако основной упор мы делали на подготовку силами самих корейских товарищей кратких учебных пособий, которые бы отражали наряду с общими закономерностями национальные и бытовые особенности Кореи. Ведь это чрезвычайно важно для правильного, объективного и демократического решения любого вопроса при осуществлении социалистического правосудия.

Контактов с профессорами Сеульского университета у нас не было, да, откровенно говоря, мы не очень-то и рассчитывали на их помощь, хотя отдельные книги сеульских авторов по истории права использовались в учебном процессе.

Позднее в Московском и Ленинградском университетах несколько корейских товарищей прошли аспирантскую подготовку и защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Впоследствии научные кадры специалистов в области права были сосредоточены в Институте экономики и права Академии наук КНДР. С их помощью были подготовлены многие важные уголовные и процессуальные законы и кодексы.

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

Весна 1946 года принесла трудящимся Северной Кореи не только солнечное тепло, но и огромную радость. 5 марта 1946 года Временный народный комитет принял закон о земельной реформе. На следующий день все газеты сообщили эту новость населению. Наконец совершилось то, чего так жаждали корейские труженики,

ж чему они тщательно готовились в течение нескольких месяцев. Торжествовали крестьяне, а вместе с ними рабочие и трудовая интеллигенция. По всей Северной Корее прошли многочисленные митинги и демонстрации. Города и села приняли праздничный вид. Проходя в этот день по одной из центральных улиц Пхеньяна, я встретился с колонной демонстрантов. Они несли транспаранты с лозунгами: «Всю землю крестьянам!», «Да здравствует Красная Армия, давшая свободу корейскому народу!», «Да здравствуют народные комитеты!»

На митинге трудящихся города и провинции, состоявшемся в Пхеньяне, крестьянин-бедняк Ван Чи Гу сказал:

— Теперь мы заживем по-настоящему, довольно работать на помещика, гнуть на него спину. Такой закон о земле мог дать бедному крестьянину только истинно народный комитет.

Нам особо приятно было слышать подобные слова из уст простого корейского крестьянина.

Рабочий класс Северной Кореи горячо поддержал новый закон и активно помогал его осуществлению.

— Закон о земельной реформе отражает интересы широких народных масс, он будет способствовать развитию демократии. Совершилось то, о чем много времени мечтал корейский народ, — заявил рабочий Пак Ун Ен.

Таково же было настроение трудовой интеллигенции. В этот памятный день мне пришлось беседовать в Пхеньяне с врачом Ли. Мы долго и всесторонне обсуждали закон. В конце беседы Ли, как бы подводя итог, сказал:

— Это документ справедливости. Тот, кто обрабатывает землю, и должен быть ее хозяином. Честные демократы, которые действительно хотят, чтобы корейский народ был счастливым, должны всячески содействовать успешному проведению закона в жизнь.

Веками гнул спину корейский крестьянин на помещика, а в последние десятилетия — и на японских колонизаторов. Миллионы центнеров риса, фруктов и других продуктов вывозились ежегодно из Кореи в Японию. Многие корейские крестьяне, выращивавшие чудесный рис, не знали его вкуса. Они до последнего грамма отдавали его своим угнетателям — помещикам и японским колонизаторам, сами же вынуждены были питаться чумизой.

Земельная реформа раскрепостила крестьян, уничтожила помещичье землевладение. Свыше 720 тысяч батраков, безземельных и малоземельных крестьян получили землю.

Для проведения реформы было создано много крестьянских комитетов, в состав которых вошли безземельные и малоземельные

*Проведение земельной реформы в Северной Корее в 1946 году.
Распределение земли*

крестьяне, представители рабочих. Коммунисты были душой реформы, ее главной организующей силой. В эти дни мне, как и многим другим работникам Управления советской гражданской администрации, приходилось выезжать в командировки в сельскую местность, и я видел, как практически проходит земельная реформа. Эти поездки были очень полезны и интересны. Любопытно отметить, что в некоторых местах крестьяне просто не поверили, что вышел закон о передаче им земли: они группами приходили в уездные и провинциальные народные комитеты, чтобы лично убедиться в существовании такого закона. В первые дни случалось даже, что крестьяне, опасаясь репрессий со стороны помещиков, не решались брать конфискованную землю. Но постепенно таких случаев становилось все меньше.

Проведение земельной реформы сопровождалось острой классовой борьбой. Многие помещики пытались сорвать проведение ре-

формы, пользуясь самыми различными методами. Они распускали слухи о том, что закон о реформе издан временно и будет отменен, что этот закон для Кореи не подходит, так как крестьяне привыкли работать под руководством помещиков, что реформа приведет к упадку сельского хозяйства, а крестьянам пользы никакой не даст. Распускались также провокационные слухи, будто бы, на какой бы земле крестьяне ни работали, какой бы урожай они ни получили, все равно весь хлеб заберет Красная Армия. В некоторых городах, как, например, в Хамхыне, реакционерам удалось использовать в своих целях студентов и учащихся средних учебных заведений, среди которых было много детей помещиков и капиталистов. Студенты организовали демонстрацию протеста против закона о земельной реформе, избили полицейских. Были случаи избиения активистов народных и крестьянских комитетов помещиками и их агентами, поджогов зданий народных комитетов и школ. Предпринимались даже отдельные попытки создать вооруженные банды, но они были своевременно обезврежены⁶.

Пребывание в Северной Корее советских вооруженных сил парализовало силы реакции. Закончились полным провалом и попытки помещиков сорвать земельную реформу. Народные комитеты с честью выполнили свою большую и трудную задачу. Земельная реформа ликвидировала пережитки феодализма в деревне, открыла путь к подъему ее производительных сил, резко изменила условия жизни крестьян.

Вслед за земельной реформой органами народной власти были проведены глубокие преобразования и в других областях экономической и культурной жизни страны. Демократические реформы, успешно проведенные в 1946—1947 годах, создали в Северной Корее экономическую базу народно-демократического строя.

* * *

Быстро восстанавливалась и развивалась в освобожденной стране культурная жизнь. Возникли новые корейские драматические и оперные театры, киностудии.

Многие из нас с интересом посещали корейские театры, бывали на концертах известных корейских артистов и участников самодельности. Особое впечатление произвело на нас мастерство

⁶ Так, в провинции Южная Пхёнан была раскрыта террористическая группа под названием «беспартийная», ставившая своей задачей борьбу против закона о земельной реформе, срыв всех мероприятий, проводившихся Временным народным комитетом Северной Кореи.

Школа ликвидации неграмотности

известной корейской танцовщицы Цой Сын Хи. Она уже тогда была зрелым мастером, и ее знали не только в Корее, но далеко за пределами страны. Вскоре Цой Сын Хи создала свою студию, в которой занимались молодые танцовщицы. Среди них была и дочь Цой Сын Хи — Ан Сон Хи, впоследствии также ставшая известной балериной. Ан Сон Хи завершила свое балетное образование в Большом театре в Москве. Некоторые из учениц Цой Сын Хи до освобождения были вынуждены работать при японских ресторанах в качестве гейш (по-корейски кисэн), развлекая крупных японских чиновников и богатых корейцев.

О гейшах я читал, но видеть их не приходилось. Один случай позволил мне познакомиться с ними. Было это вскоре после освобождения Кореи. Местные власти устроили в честь советских офицеров и генералов торжественный ужин в бывшем японском ресторане. При входе в ресторан пришлось снять обувь и идти в зал в носках — таков местный обычай. Вызван этот обычай тем, что

пол в комнатах покрыт циновками и ходить по нему в уличной обуви рискованно: можно быстро его испортить. Да и ноги лучше отдыхают без обуви. Обычай этот нам понравился. В зале, куда нас пригласили, стояли низкие столики, мы сели вокруг них на подушках. Вскоре в зале появилась группа молодых девушек. Они разливали вино, угощали фруктами, затем стали исполнять национальные танцы и песни. Исчезли они столь же быстро, как и появились. Народная власть вскоре запретила владельцам ресторанов содержать гейш, считая это унижением для достоинства корейских женщин. Наиболее одаренные из них пошли учиться и стали артистками.

Незабываемое впечатление оставила у меня пьеса-балет «Консан тхальчхум» («танцы в масках уезда Консан»). Она длительное время ставилась на сцене, но в 1935 году японские власти усмотрели в ней какую-то крамолу и запретили ее дальнейшую постановку. И только после освобождения Кореи эта пьеса-балет вновь появилась на сцене, доставляя большое удовольствие всякому, кто побывал на этом чудесном спектакле, полном романтики и глубокого очарования.

По инициативе корейских деятелей культуры было создано Общество культурной связи с Советским Союзом, позже преобразованное в Общество дружбы и культурной связи с СССР. В Пхеньяне была организована библиотека советской литературы. Ее читальные залы были всегда переполнены. Корейцы проявляли живой интерес к советской политической, технической и научной литературе. Устраивались вечера русской и корейской литературы и искусства.

В 1946 году в Пхеньяне открылся университет — первый в Северной Корее. Тяга молодежи в университет была огромной. Много было трудностей в организации преподавания: отсутствие достаточного числа преподавателей, учебников и учебных пособий. Но все эти трудности были преодолены.

ВСТРЕЧИ С АМЕРИКАНЦАМИ

В один из январских дней 1946 года из Пхеньяна в Сеул вышел специальный поезд с советской делегацией, ехавшей на совещание представителей советского и американского командования. В составе экспертов находился и я. Поезд медленно двигался на юг. За окнами мелькали рисовые поля и горы. Вот и ставшая впоследствии печально знаменитой 38-я параллель. Еще несколько часов

езды — и мы в Сеуле, столице Южной Кореи, а в прошлом всей страны. На вокзале первыми нас встретили фоторепортеры, затем представители американских военных властей. После официальных приветствий мы отправились на автомашинах в специально приготовленные для нас небольшие коттеджи. Дом, в котором поместили меня, стоял на гористой и очень узенькой улице. Он был двухэтажный, при нем имелся маленький дворик с гаражом. Участок опоясывался изгородью. Охрану дома несли американские солдаты.

Американцы настойчиво угощали сигаретами, иногда просили сфотографироваться вместе с ними на память. Они не скупилась на слова дружбы, хотя и тогда далеко не все делали это открыто.

Вспомню такой случай. Американский шофер, возивший меня на автомашине, сказал как-то вечером, когда мы возвращались из кино:

— Вы, русские, молодцы! Я, рабочий из Чикаго, вам очень симпатизирую!

Затем он стал расспрашивать о жизни советских людей. Я мало что успел сказать ему — путь до дома, где я жил, был коротким, и к тому же американцы водили машины с невероятной для Сеула скоростью. Иногда казалось, что машина непременно разобьется на узких улицах, но все обходилось благополучно.

По вечерам наши хозяева приглашали нас в свой военный госпиталь. Там демонстрировались нашумевшие американские кинобоевики.

В Сеул я попал впервые, и мне, естественно, хотелось познакомиться с этим городом и его населением. Я много ходил по улицам, встречался с представителями различных слоев корейского населения, был очевидцем демонстраций и митингов, созывавшихся прогрессивными организациями. На улицах нас, советских людей, часто останавливали корейцы, жали руки, благодарили за освобождение их страны от японских рабовладельцев.

Сеул — большой и красивый город, в нем немало парков и скверов, исторических памятников и зданий. Однако современных многоэтажных домов сравнительно мало. Обилие узеньких улиц со множеством маленьких магазинов и оживленной мелкой торговли — весьма характерная его черта. На одной из таких улиц было несколько лавок, принадлежавших торговцам — выходцам из России. В одну из таких лавок заходил и я со своими товарищами, беседовал с хозяином, татарин по национальности. Он довольно сносно говорил по-русски.

Я его спросил, давно ли он в Корее. Он ответил — 25 лет. Жизнь его все эти годы была далеко не легкой. Мелкая торговля давала весьма скудный заработок. Но что поделаешь, если человек сам избрал себе такой удел!

Бросались в глаза контрасты. В центре города — большие и красивые особняки, в которых в прошлом жили крупные японские чиновники, торговцы и промышленники, а окраины сплошь застроены маленькими домиками, в которых ютится трудовой люд. Его положение было тяжелым при японских колонизаторах, но не стало лучше и при новых хозяевах — южнокорейских правителях и американских оккупантах. Правда, в те дни трудящиеся Южной Кореи еще верили в возможность улучшения их жизни, но в дальнейшем жизнь показала, насколько были несбыточны эти мечты. Прошло уже 20 лет после освобождения Кореи, а положение на юге страны не изменилось к лучшему.

После непродолжительного отдыха и знакомства с городом начались советско-американские переговоры. Они проходили во дворце бывшего корейского императора, окруженном чудесным парком.

Я не буду рассказывать о работе Совместной советско-американской комиссии. О ней уже много написано. Напомню лишь, что по вине американской стороны в мае 1946 года работа комиссии была сорвана.

Мы вернулись в Пхеньян. Сборы были довольно быстрыми. Уезжали мы как домой. Радостно было думать, что Северная Корея пошла иным путем, что там народ действительно стал у власти и совершает глубокие демократические преобразования.

В мае 1947 года мне вновь пришлось приехать в Сеул, где возобновилась работа Совместной советско-американской комиссии. Настойчивые требования демократических кругов Кореи и энергичная позиция СССР вынудили США пойти на продолжение переговоров по корейскому вопросу. Эта новость обрадовала меня, как и всех других моих товарищей по работе. Мы надеялись на успех новых переговоров.

Однако первые же часы пребывания в столице Южной Кореи показали, что на это рассчитывать не приходится. Мы сразу попали в очень неприятную атмосферу. Как только мы сели в автомашины, нас взяла под свое неослабное наблюдение военная полиция США, машины которой неустанно следовали за нами повсюду.

Остановились мы на этот раз в собственном доме — здании бывшего советского консульства. Этому мы все были очень рады:

как-никак частица своей земли. Советское консульство было расположено в красивом особняке на холме, окруженном со всех сторон деревьями и кустарником. Территория консульства была огорожена. Когда нужно было пойти в город, мы собирались небольшими группами и чаще ездили на автомашинах. Но куда бы советский сотрудник ни шел по городу, за ним следовал хвост (либо автомобиль с военной полицией США, либо специальный человек). Скоро мы к этому привыкли и не обращали внимания на своих «охранников», как их официально называли представители военного командования США. Было ясно, что американцам — как рядовым, так и офицерам — было запрещено вступать в контакт с советскими людьми (разумеется, за исключением официального).

Корейское население по-прежнему относилось к нам хорошо, но слишком открыто проявлять свои чувства было рискованно. За этим усердно следила корейская полиция, над которой шефствовала военная полиция американцев.

Стремясь к достижению соглашения, советская сторона неоднократно вносила конструктивные предложения, но американская делегация категорически от них отказывалась и продолжала проводить курс, рассчитанный на новый срыв работы комиссии.

Корейский народ как в 1946, так и в 1947 году связывал с работой Совместной советско-американской комиссии самые оптимистические надежды. Работа Совместной комиссии могла бы быть успешно завершена, если бы США были заинтересованы в выполнении Московского соглашения и образовании единого Временного корейского правительства на демократических началах. Но правительство США совместно с южнокорейской реакцией приложило все усилия к тому, чтобы Московское соглашение не было претворено в жизнь.

ОБРАЗОВАНИЕ КНДР

На наших глазах происходило и рождение Корейской Народно-Демократической Республики. Немало трудностей пришлось пережить корейскому народу, прежде чем на Севере страны возникло светлое здание новой, народной государственности. Мы, советские специалисты, воины и офицеры, участвовавшие в освобождении страны, искренне радовались успехам корейских товарищей.

Сколько раз на берегу величественной реки Тэдонган мы вместе с корейскими друзьями мечтали о том дне, когда народ Кореи создаст свое национальное государство.

В Пхеньяне я поселился в небольшом домике на одной из самых узких улиц. В прошлом его занимала семья японского чиновника, бежавшего из страны после ее освобождения. Первое время я жил в этом доме один, но он был велик для меня, и одному было скучно. Поэтому я пригласил поселиться в нем вместе со мной корейского товарища, с которым мне часто приходилось встречаться по работе. Это был коммунист, образованный юрист, активный участник антияпонского движения, долго сидевший в тюрьме. Он был женат и имел двоих детей. Его семья заняла нижний этаж, где была комната с теплым полом. Она отапливалась углем. В последние годы его стал заменять электрический ток, но в то время это было еще редкостью.

Мой корейский друг любил беседовать на темы, связанные с созданием корейского социалистического государства. Мы хорошо понимали, что на пути создания такого государства стояло немало препятствий. Против объединения Кореи выступали реакционные антинародные силы — южнокорейские помещики и капиталисты, к которым присоединились и помещики, бежавшие с Севера. Для них обособленная Южная Корея под эгидой США была куда милее.

Хотя Советская Армия и действовала в основном в пределах северной части Кореи (до 38-й параллели), она предопределила судьбу японских колонизаторов и в Южной Корее. Войска США опоздали с прибытием в Южную Корею на три недели⁷. Поэтому на их долю досталось самое легкое — принятие капитуляции японских подразделений, дислоцированных в Южной Корее. Однако здесь американцы встретились с «трудностями», которые они мало предвидели. Дело в том, что еще до их появления на юге страны корейский народ начал повсеместно создавать народные комитеты.

Американские военные власти запретили существование корейских народных органов власти. Они вначале создали систему военной администрации, а затем перешли к политике прямого раскола страны и превращения Южной Кореи в сепаратное государство, поставив во главе этого государства своего ставленника, престарелого Ли Сын Мана, впоследствии позорно изгнанного народом из страны.

Прогрессивные силы Северной и Южной Кореи, объединенные общим стремлением к национальной независимости, свободе и де-

⁷ Первые американские воинские части во главе с генерал-лейтенантом Ходжем, командующим 24-м американским корпусом, прибыли в Сеул в первых числах сентября 1945 года.

У подъезда советской больницы. Привезли больного

мократии, возглавили борьбу народных масс Севера и Юга за образование Корейской Народно-Демократической Республики.

Одной из важнейших задач, поставленных всем ходом общественного развития, было создание демократической конституции Кореи.

В ноябре 1947 года 3-я сессия Народного собрания Северной Кореи создала конституционную комиссию, поручив ей подготовить проект временной конституции Кореи. Ко мне, как юристу, корейские товарищи нередко обращались за советами при составлении проекта конституции. В этой работе принимали участие многие видные корейские государственные и общественные деятели, круп-

ные юристы. Мы советовали корейским товарищам тщательно изучить ленинские положения о конституции, конкретный опыт конституционного строительства в СССР и в других социалистических странах, критически проанализировать буржуазные конституции.

Работа конституционной комиссии была облегчена тем, что к началу ее деятельности большинство партий и организаций Северной и Южной Кореи высказали свою точку зрения по основным вопросам будущего устройства корейского демократического государства в своих ответах на вопросник Совместной советско-американской комиссии⁸.

Ответы на вопросник показали, что абсолютное большинство корейского народа стоит за народно-демократическую форму устройства своего государства. Вслед за Трудовыми партиями Северной и Южной Кореи все действительно демократические партии и общественные организации Северной и Южной Кореи единодушно высказались за превращение Кореи в народно-демократическую республику. Они стояли за предоставление корейскому народу свободы слова, печати, собраний, объединения, митингов и шествий, за всеобщее избирательное право с 20-летнего возраста для всех граждан, за исключением лишенных этого права по суду и прояпонских элементов, за свободу вероисповедания, за равную оплату равноценного труда, за право на труд и на отдых, за равноправие женщин с мужчинами во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни.

Они считали, что высшим органом государственной власти должно быть Народное собрание, а коллегиальным президентом — президиум Народного собрания, что органами власти на местах должны быть народные комитеты, они высказались за выборность судей и народных заседателей.

Эти предложения отражали стремление корейского народа создать такую форму власти, которая бы наилучшим образом выражала его интересы. Следует иметь в виду, что эти предложения были уже в значительной мере проверены на опыте общественного и государственного строительства в Северной Корее. Корейский народ наглядно видел коренные преимущества народно-демократического строя. Вот почему все прогрессивные партии и общественные организации не только Северной, но и Южной Кореи едино-

⁸ В мае 1947 года Совместная советско-американская комиссия по Корее передала партиям и общественным организациям Кореи вопросник «о структуре и принципах организации Всемирного корейского демократического правительства и местных органов власти».

душно требовали установления такого строя во всей стране. Совсем иной характер носили ответы, данные на вопросник Совместной комиссии правыми реакционными партиями и организациями Южной Кореи.

Позиция правых партий и организаций Южной Кореи была наиболее полно изложена в предложениях реакционнейшей «демократической» партии. Она составила стандартный ответ на вопросник, который подписали и другие правые партии и организации Южной Кореи.

Они предлагали создать централизованное националистическое буржуазное государство под названием «Республика Великой Кореи» и поставить во главе его единоличного президента, наделенного чрезвычайными полномочиями. Система местных органов власти, предложенная правыми, была предельно антидемократична. Они фактически хотели сохранить систему, существовавшую при японцах, с той лишь разницей, что губернатора провинции они назвали «председателем провинции», уездного начальника — «председателем уезда» и пр. Органы местного самоуправления — собрания провинций, городов, уездов и волостей — правые предлагали создать на правах совещательных органов, как это было при японских колонизаторах. На таких же реакционных началах предлагали правые построить систему корейского правосудия. Так, например, они возражали против введения системы народных судов с участием народных заседателей, заявив, что нужно предварительно «детально изучить ее выгоды и вред».

С ноября 1947 по январь 1948 года конституционная комиссия работала над выработкой проекта временной конституции. В феврале 1948 года этот проект был представлен на рассмотрение 4-й сессии Народного собрания Северной Кореи. Сессия приняла решение провести его всенародное обсуждение. Оно проходило свыше двух месяцев, охватив самые широкие массы населения не только Северной, но и Южной Кореи, хотя на Юге полицейские власти жестоко преследовали и наказывали всякого, кто не только участвовал в обсуждении проекта конституции, но даже просто читал его.

В адрес конституционной комиссии поступило около 60 тысяч писем с выражением одобрения проекта конституции. За время всенародного обсуждения было внесено 2236 поправок и дополнений, что достаточно красноречиво свидетельствует о большой активности масс.

Всенародное обсуждение показало, что проект конституции соответствует воле и интересам корейского народа.

В апреле 1948 года была созвана специальная сессия Народного собрания Северной Кореи, которая одобрила проект временной конституции Кореи и приняла решение внести его на утверждение будущего верховного общекорейского законодательного органа. В июне проект конституции был введен в действие на территории Северной Кореи. Одновременно из представителей политических партий и организаций Северной и Южной Кореи был создан специальный комитет по проведению в Северной и Южной Корее всеобщих выборов на основе этой конституции.

На 25 августа 1948 года были назначены всеобщие выборы в Верховное народное собрание Кореи. Обстановка, в которой проходили эти выборы на Севере и Юге страны, была, как известно, прямо противоположной. В Северной Корее они были проведены в условиях полной свободы и демократии. Мои корейские друзья говорили мне, что это самый счастливый день в их жизни. И мы были рады за них, за свою Родину, воины которой открыли путь к демократии и свободе для трудящихся Кореи.

25 августа было днем всенародного торжества. Огромные массы народа пришли на избирательные участки задолго до их открытия. Каждый хотел проголосовать как можно скорее. Престарелые избиратели приходили, бережно поддерживаемые под руки молодыми. Больным приносили домой урны для голосования.

Старики, празднично одетые, группами собирались на улице, счастливые, что дожили до этого большого народного праздника.

— За всю жизнь я не видел такого радостного дня, — сказал 60-летний Пек Дон Син. — В честь такого торжества я сегодня пригласил к себе своих ровесников.

Города и села Северной Кореи приняли небывало праздничный вид. Дома были украшены флагами, портретами, увешаны разноцветными гирляндами. До поздней ночи продолжались массовые народные гулянья, танцы, национальные игры, борьба и другие развлечения. На каждой площади выступали группы художественной самодеятельности. На стадионах проходили массовые состязания, игры в футбол и волейбол.

Радовались и народные массы Южной Кореи, избирая Верховное народное собрание всей страны. Поскольку избирательный закон был единым для Северной и Южной Кореи, граждане Юга тоже получили всеобщее и равное избирательное право при тайном голосовании. Однако американские империалисты и лисынмановские марионеточные власти запретили населению Юга участвовать в выборах. Голосовавшим угрожал арест. Поэтому в Южной Корее выборы в Верховное народное собрание проводились под-

полно. Путем сбора подписей были избраны делегаты на съезд народных представителей Южной Кореи, а этот съезд избрал депутатов в Верховное народное собрание.

Несмотря на репрессии, в выборах делегатов на съезд приняли участие 77,4 процента избирателей. Были избраны представители от всех провинций, городов и уездов Южной Кореи. Съезд народных представителей Юга открылся 21 августа в северо-корейском городе Хэчжу. На съезде присутствовали 1002 делегата.

Как было указано в докладе мандатной комиссии, в Верховное народное собрание были избраны 572 депутата, из них 360 от Южной Кореи и 212 депутатов — от Северной Кореи.

Это были лучшие представители корейского народа, истинные патриоты и борцы за единую, свободную и независимую Корейскую Народно-Демократическую Республику⁹.

В сентябре 1948 года на 1-й сессии Верховного народного собрания Кореи была утверждена конституция Корейской Народно-Демократической Республики — первая подлинно демократическая конституция в истории Кореи, выразившая новое соотношение классовых сил. Конституция КНДР законодательно закрепила создание народных органов власти в Северной Корее, аграрную реформу, национализацию и все другие демократические преобразования. Конституция КНДР оформила образование Корейской Народно-Демократической Республики и Народной армии.

8 октября 1948 года председатель кабинета министров КНДР обратился к председателю Совета министров СССР с предложением об установлении дипломатических отношений между Корейской Народно-Демократической Республикой и Советским Союзом.

Признание КНДР Советским Союзом, а затем и другими странами укрепило ее международно-правовое положение как суверенного государства.

⁹ Среди депутатов было: рабочих — 120, крестьян — 194, служащих — 152, кустарей — 7, торговцев — 22, предпринимателей — 29, деятелей культуры — 33, прочих — 15. 458 депутатов были представителями 32 различных политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, 114 депутатов — беспартийными. Среди депутатов были 69 женщин. 248 депутатов во время японской оккупации подвергались арестам и тюремному заключению за участие в национально-освободительной борьбе, 287 депутатов с оружием в руках боролись против японского империализма или принимали участие в подпольной работе. 158 депутатов подвергались репрессиям и гонениям за участие в борьбе против политического расчленения Кореи и колониального закабаления Южной Кореи, 147 депутатов были осуждены американскими судами.

В соответствии с решением Президиума Верховного Совета СССР Правительство Союза ССР дало указание министерству вооруженных сил СССР эвакуировать к 1 января 1949 года советские войска с территории Северной Кореи. Это еще раз показало, с каким огромным уважением Советский Союз относится к свободе, независимости и равноправию народов. «Провожая советских воинов, — говорилось в письме корейского народа в связи с уходом советских войск из Кореи, — мы выражаем искреннюю признательность им, воздаем честь и славу Советской Армии за те заслуги, которые она имеет перед нашей родиной».

В. С. Латов,

*корреспондент ТАСС в Корее
в 1951—1953 гг.*

МУЖЕСТВО НАРОДА КОРЕИ

Июнь 1950 года. В тот субботний вечер мне пришлось поздно задержаться на работе в ТАСС. Стрелка часов уже перевалила за полночь, на этажах слышался стрекот телетайпов — ТАСС принимал новости из всех стран мира, передавал сообщения в адрес всех пяти континентов. Я стоял у окна и глядел на матовые шары фонарей, освещавших Тверской бульвар. Вдруг чья-то рука легла мне на плечо. Я обернулся. Это был мой приятель, специалист по Юго-Восточной Азии Василий Харьков. В руках он держал только что сорванную с телетайпа ленту.

— Что случилось? — спросил я, встревоженный выражением его лица.

— Война! В Корее началось...

Я схватил ленту и пробежал текст.

«Сеул, 25 июня. Корреспондент агентства Рейтер передает, что сегодня утром в районе 38-й параллели начались военные действия между войсками Северной и Южной Кореи». Далее шли аналогичные сообщения корреспондентов агентств Франс Пресс, Ассошиэйтед пресс...

Сомнений не оставалось — в Корее разгорелся военный пожар.

Накануне Василий писал статью для молодежных газет о положении в Корее. Досье материалов по этой стране еще лежало на столе. Мы перелистали его.

В марте — апреле 1950 года все основные силы южнокорейских войск — около 100 тысяч человек — были сосредоточены у 38-й параллели.

В это же время в Японии в готовности № 1 находились четыре американские дивизии, целая воздушная армия с 835 самолетами и 7-й военно-морской флот (около 300 кораблей).

В середине июня в Сеул прибыл советник государственного департамента США Джон Фостер Даллес. Он внимательно ознакомился с тем, как 500 американских военных советников подготовили к войне южнокорейскую армию и остался доволен. 20 июня, покидая Корею. Далее писал в прощальном письме на имя Ли Сын Мана: «Я придаю большое значение той решающей роли, которую ваша страна может сыграть в великой драме, развертывающейся сейчас».

И вот драма развернулась.

...Пожелтевшие газеты тех дней. Советский народ первым выступил в поддержку свободолюбивого народа братской социалистической страны, первым осудил захватнические планы американских агрессоров. 28 июня «Правда» дала ясную и недвусмысленную оценку действий США. Вот что она писала по поводу заявления президента США в связи с событиями в Корее: «Правительство Соединенных Штатов Америки предприняло прямой акт агрессии против Корейской Народно-Демократической Республики и против Китайской Народной Республики».

«Руки прочь от Кореи!» — таков был голос советского народа. «Корея для корейцев!», «Положить конец агрессии против Кореи», «Народы сорвут планы агрессоров» — под такими заголовками «Правда» в те июньские и июльские дни публиковала сообщения из Москвы, Фрунзе, Таллина, Вильнюса, Кишинева, Еревана и других городов. Советские люди гневно протестовали против агрессии Соединенных Штатов.

Мне вспоминается многотысячный митинг на Московском электроламповом заводе. На трибуну поднялась работница Варвара Сыркова. Ее муж и сын сражались против гитлеровских захватчиков, муж погиб в бою.

— С чувством глубочайшего возмущения и тревоги мы следим за событиями в Корее, — сказала эта женщина. — Нам близки и понятны переживания и страдания корейцев. Мы не забыли еще ужасы бомбежек, налетов, обстрелов наших городов и деревень, убийства фашистскими варварами мирного населения. Наши симпатии на стороне корейского народа, борющегося за свою свободу и независимость! Руки прочь от Кореи!

В те летние дни 1950 года слова «Корея», «Пхеньян» были на устах у всех. Читая в газетах, слушая по радио оперативные сводки, в которых упоминались названия корейских городов и населен-

ных пунктов, многие искали их на географической карте. Такая карта была и у меня. Она лежала под стеклом на письменном столе. Рассматривая извилистые линии горных хребтов и дорог, я не подозревал, что через несколько месяцев я как корреспондент ТАСС буду с этой самой картой в кармане проезжать по изрытым взрывами дорогам, через сожженные напалмом города и села.

КОРЕЯ ВОЕННЫХ ДНЕЙ

Китайско-корейскую границу я переехал весенней лунной ночью 1951 года на попутном «газике» корейских военных летчиков. Вот уже позади река Амноккан, временный мост, сооруженный из бревен, понтонов, разбитых бомбами железных ферм.

Синийджу — первый корейский город на нашем пути — встретил нас черневшими при лунном свете воронками и тишиной, особенно поражавшей после шумного оживления на китайской земле. Тишину эту лишь изредка нарушали гудки почти невидимых в темноте автомашин. Два корейских пограничника проверили наши документы, вежливо откозыряли, пожелали «удачного пути», и мы поехали в ночь. С «газика» летчиков я вскоре пересел на полуторку службы тыла Народной армии, шедшую к фронту. В кузове уселись военные, возвращавшиеся из госпиталя на фронт, корейский журналист, офицер связи с китайскими народными добровольцами, врач, направлявшийся в советский госпиталь Красного Креста под Пхеньяном...

Покружив по улицам города, считавшегося глубоким тылом — до линии фронта было около 300 километров, — мы выехали на главную дорогу, которая вела в Пхеньян. На окраине мы увидели батарею корейских зенитчиков. Привычный глаз сразу заметил малокалиберные зенитные автоматы-пушки, знакомые еще с дней минувшей войны. В свое время гитлеровские самолеты испытали на себе их точный бой и большую поражающую силу.

Собравшиеся в кузове попутчики сидели молча. Нас предупредили, что в эту светлую лунную ночь встреча с американскими бомбардировщиками — вещь вполне вероятная. Они регулярно появлялись в районе Синийджу, обстреливая каждый километр земли, прилегающей к дороге. Но вот шофер, молодой паренек в военной форме, начал вполголоса напевать. Я узнал уже слышанную в Москве песню корейских партизан. Затем он запел нашу советскую — «Пора в путь-дорогу». Присоединился еще чей-то голос: «В дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идем, над милым порогом качну серебряным тебе крылом...».

За Чонджу нам пришлось остановиться. Китайский доброволец-регулирующий, следивший за небом, дал сигнал тревоги. Как только в районе фронта или побережья появлялся американский самолет, бравший курс в глубь Северной Кореи, первые же заметившие его часовые давали тревожный выстрел в воздух. И так по цепочке от часового к часовому, на сотни километров стремительно передавался этот сигнал.

Наш шофер погасил фары и спокойно сказал «хангон» («воздух»). Мы вылезли из машины, отошли метров на тридцать в сторону и, усевшись кучкой, начали ждать, когда бомбардировщик пролетит мимо. И он пролетел курсом на север. Минут через пять в стороне, куда он направился, под облаками вспыхнуло пламя, и мы услышали гром взрыва — самолет сбросил бомбу. Значит, кто-то не успел вовремя погасить фары, обнаружил себя.

В тот 1951 год, особенно тяжелый для корейского народа, движение по дорогам днем было очень опасно — американские самолеты нападали не только на автомашины, но и на крестьянские повозки и даже на одиноких пешеходов. Поэтому перед рассветом, не доехав километров сорок до Пхеньяна, мы задневали в деревушке близ железнодорожной станции Кечхон, разрушенной и сожженной американскими самолетами.

Легкий глинобитный домик, в котором мы остановились, прилепился к самому подножию горы. Волнистая черная черепица покрывала его остроконечную крышу. Несмотря на ранний час, дверь домика была раздвинута. Хозяин уже ушел на станцию, где он работал. Хозяйка что-то готовила на сложенной из кирпичей печурке метрах в десяти от дома. Мы зашли в домик и устроились на полу, покрытом циновками. В углу лежали сложенные пирамидкой спальные принадлежности. На стенах были приклеены цветные фотографии из журнала «Огонек». Приятно было встретить здесь виды моей страны.

Скоро хозяйка угостила нас корейскими национальными кушаньями: белым рисом (паб), квашеной капустой (кимчи). Все было приправлено красным перцем; отдельно на тарелке лежала нарезанная узкими ленточками сушеная рыба.

Рядом со мной сидел родственник хозяев — молодой человек в военной форме. Гимнастерка, брюки, погоны — все было еще новенькое, не смятое. Его звали Ли. Узнав, что я из Москвы, он крепко пожал мне руку. Разговорились. Оказалось, что Ли — студент, только что добровольно вступил в армию.

— Таких, как я, много, — сказал он. — Против агрессоров поднялся весь наш народ.

Беседа в домике под Кечхоном была прервана сигналом воздушной тревоги. Мы вышли из дома и взобрались на сопку. Отсюда был виден железнодорожный путь, а на нем старенький паровозик с несколькими вагонами. Люди поспешно разгружали состав, вытаскивали из вагонов ящики и относили их в ниши, вырубленные у подножия горы. В ящиках были продукты и предметы одежды, присланные корейцам их друзьями — трудящимися стран социализма. Где-то в высоте, еще невидимый, надсадно гудел американский бомбардировщик. Вот летчик заметил состав, развернулся...

Охранявшие станцию железнодорожники повели огонь из винтовок и пулеметов. Небо исчертили линии пулевых трасс. Самолет сбросил бомбы и открыл ответный огонь. Столбы пламени, дыма, земли поднялись в воздух на том месте, где взорвались бомбы. Паровозик изо всех сил тянул состав к видневшемуся неподалеку тоннелю. Вот американец зашел в атаку вгорично. И в тот момент, когда «В-26» должен был выходить из атаки, мы не услышали его рева: он слился с грохотом взрыва — это стрелки-охотники за вражескими самолетами подбили бомбардировщик. Взрывом была оторвана правая плоскость.

— Сбили, сбили! — закричал лежавший рядом со мной кореец-шофер.

Вместе с корейским журналистом Ли мы поспешили к месту падения самолета. Здесь уже работали железнодорожники. Они тушили пожар — засыпали машину песком, заливали водой. Вскоре огонь утих. Корейцы стали снимать уцелевшие пулеметы.

— Пригодится, — сказал юноша в форме лейтенанта железнодорожных войск. Это был командир стрелков-охотников, сбивших бомбардировщик. — Мы поставим эти пулеметы у тоннеля, будем бить мигукомов (проклятых американцев. — В. Л.) их же оружием.

Долго я вспоминал этот первый виденный мною бой, в котором воздушный хищник был сражен огнем из винтовок и пулемета. Это сделали простые крестьяне, недавно покинувшие свои деревни и сменившие мотыгу на винтовку, рабочие, оставившие свой станок, чтобы взяться за пулемет.

Наша машина шла мимо пострадавших от бомбежек деревень, через города, в которых сквозь разрушенные стены зданий светилось голубое небо. И всюду мы видели людей, занимавшихся своими делами. Они работали в поле, вели поезда и автомашины с грузами для фронта. Под сосной на склоне сопки я увидел черную классную доску. Молодая учительница объясняла урок. Около нее

сидели мальчики и девочки, одетые в школьную форму, и старательно что-то записывали в тетради...

В небе рыскали носители смерти, а на обожженной земле продолжалась жизнь.

УБИЙЦЫ ИЗ-ЗА УГЛА

«Изо дня в день американцы разрушают мирные корейские города и села своими варварскими воздушными налетами. На одного убитого солдата приходится 51 погибший мирный житель», — эти признания опубликовала голландская газета «Фрей Нидерланд». Они взяты из писем на родину корреспондента английской газеты «Таймс» Моррисона, погибшего в Корее в 1952 году. А Моррисон получил эти цифры от американских офицеров.

Я видел развалины детского дома и школы для детей погибших патриотов в уезде Хонтхан провинции Северная Пхёнан. 29 сентября 1952 года утром их разбомбили и обстреляли из пулеметов «Грумман» и «Шутинг-стары». Были убиты 43 ребенка, 17 детей получили тяжелые ранения. Еще раньше, 16 сентября, американские летчики совершили налет на детский дом в Саривонне. И здесь — раненые и убитые дети. В том же месяце 40 бомб было сброшено на приют для престарелых...

За два года войны 8-й армии США были нанесены тяжелые поражения, и в 1952 году командующий американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке генерал Марк Кларк решил сломить мужество Кореи путем массового уничтожения мирного населения.

Кларк издал приказ стереть с лица земли 78 городов Северной Кореи. Чтобы летчики не слишком страдали от угрызений совести, Кларк прибавил им оплату за каждый вылет. У пленного летчика Фарлера была найдена полетная карта и 36 фотоснимков. На них красным карандашом было помечено: 50, 90, 40, 100, 55, 36... На вопрос офицера Народной армии, что это такое, Фарлер ответил, что это снимки 36 городов, которые он бомбил. За Вонсан он получил 100 долларов — город большой и зенитная оборона опаснее, а вот за Хонвон всего 50...

После приказа Кларка начались ночные бомбардировки Пхеньяна и других северо-корейских городов «Летающими крепостями». Они прилетали с Окинавы или из-под Токио и методично творили свое черное дело.

Корейские дети, лишившиеся родителей во время ночного налета американских бомбардировщиков

На моих глазах американская авиация разрушала Пхеньян. Как раз над бомбоубежищем, где я жил, «Летающие крепости» обычно заходили в атаку на южные и восточные окраины города. В бинокль можно было разглядеть огонек в пилотской кабине. Потом мы чувствовали сотрясение почвы от бомб, рвавших землю. Рано поутру в управлении народной милиции Пхеньяна я получал данные о том, сколько за ночь было убито людей и разрушено зданий, чтобы дать в Москву телеграмму об очередном налете американцев на мирный город. Вот один из множества фактов.

3 января 1953 года десятки «Летающих крепостей» сбросили ночью 360 бомб различных калибров на жилой квартал Юлли. Здесь в глинобитных постройках и землянках ютились жители разрушенных ранее домов. 3 января квартал Юлли был совершенно уничтожен. Много дней после этого среди дымящихся развалин

бродили люди, разыскивая остатки домашнего скарба, выкапывая из-под развалин трупы своих родных и близких.

Как правило, во время крупных налетов, когда сотни бомб рвались, вздымая к небу огонь, дым, землю, Пхеньян поливали и напалмом. Даже на вторые сутки чувствовался его смрадный чад.

У меня сохранилось фото, на котором видны исковерканные половинки напалмовой бомбы — веретенообразного жестяного цилиндра около двух метров длиной. В него заливалось более шестисот литров студенистой массы красного цвета. Это смесь бензина, нафта и собственно напалма. Тысячеградусное пламя, которое выбрасывается из разрывающегося в воздухе или на земле баллона, сжигает все. Оружие это поистине чудовищно по тем мучениям, которое оно несет людям.

Весной 1952 года газеты всего мира обошло название северокорейского городка Суан, раскинувшегося на западных отрогах Тэбэксанского хребта. Американские самолеты сбросили на этот городок сотни напалмовых бомб. За несколько минут Суан был превращен в огромный костер, дым от которого поднялся до облаков.

Народы всех пяти континентов протестовали против применения напалма в Корее. Янки в Корее по указанию Пентагона ограничились тем, что перестали передавать сообщения о такого рода бомбардировках. Но газета Уолл-стрита «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» и после этого хвасталась тем, что лишь за четыре месяца 1952 года на Северную Корею было сброшено 200 тысяч галлонов напалма.

После окончания войны в Корее генералы, отдававшие летчикам приказы уничтожать корейские города и села, американские военные историки пытаются доказать, что они «уничтожали только военные объекты». Какая ложь! 400 тысяч бомб было сброшено за два года на Пхеньян. Город этот я исходил и изъездил на машине вдоль и поперек. И вот сейчас, читая американские книги о войне в Корее, с изумлением узнаю, что на берегах речушки Пхотонган, которые были застроены ветхими старинными домами, американцы якобы бомбили... военные склады. А там, где был второй народный базар, они увидели и уничтожили «скопления замаскированной боевой техники». «Военными объектами», видимо, считались у американцев и крестьянки с детьми, шедшие на городские базары...

...Была весна 1953 года. Я проезжал мимо небольшой деревушки Кесанри в уезде Тхончхан провинции Северная Пхёнан. Под жарким майским солнцем весело зеленели сопки. Матово поблескивали водные зеркала рисовых полей, на которых крестьяне в широкополых шляпах высаживали нежную изумрудную рассаду. Внезапно появились штурмовики «Мустанг» и обстреляли дорогу. А когда стало тихо, я увидел на вспаханном поле небольшую тележку с удобрениями, в которую был запряжен вол. Из правого бока животного текла кровь, мутные глаза смотрели на мальчугана лет двенадцати в серой куртке, распростертого на земле. Окровавленная рука мальчика упала на голубоватую бумажку, которыми американские самолеты усеяли почти весь уезд. Это была листовка № 1172 службы информации и пропаганды 8-й американской армии. На бумажке — изображение голубого флага ООН.

Листовка № 1172 с флагом ООН... Она до сих пор хранится у меня в папке корейских документов. На листовке фотография: американец в военной форме дарит корейским ребятам бейсбольные мячи, янки примеряет ребенку ботинки... А незадолго до этого пхеньянская печать сообщила, что в первые дни января в уезде Чончжу было обнаружено свыше 500 мин, изготовленных в виде детских игрушек или украшений. В соседнем уезде Панчхон с 1 по 15 января было сброшено больше тысячи мин.

Я побывал в селении Пусанри уезда Чончжу. Поля были изрыты многочисленными воронками. Указывая на них, пожилой крестьянин Пак Хи Вон сказал:

— Каждый день мигукномы обстреливают наши села, наши поля. Днем и ночью они сбрасывают бомбы. Ежедневно мы хороним своих близких — детей, матерей, отцов. И наши дети гибнут не только от пуль и бомб. Вот здесь лежит мой сын, — крестьянин указал на небольшой холмик с белым деревянным столбиком. На нем было выведено: «Пак Иль Тон».

— Мы с женой работали в поле, — продолжал Пак Хи Вон, — а Иль Тон бегал поблизости. Вдруг он закричал: «Манёнпхиль, манёнпхиль!» («Автоматическая ручка, автоматическая ручка!»). И почти сейчас же раздался взрыв.

Американские солдаты и офицеры, особенно летчики, прекрасно понимали степень ответственности, которую они несли за злодеяния, совершаемые на земле Кореи. В провинции Хванхэ был сбит самолет из 51-й эскадрильи ночных бомбардировщиков. Летчик Роберт Циллет, выпрыгнувший с парашютом, был захвачен

в плен. Подняв вверх руки, дрожа от страха, этот недоучившийся нью-йоркский студент залепетал о том, что он, дескать, «хороший парень». В кармане его кожаной куртки нашли листок бумаги, на котором на десяти языках было написано: «Я американец. Я прошу вас дать мне еду, квартиру. Если вы спасете меня, проводите к расположению американских войск, американское правительство наградит вас большой суммой денег».

— Это гарантия жизни,— объяснил пленный.— Нам дают ее, чтобы спастись в случае, если мы попадем в плен. Офицер говорил нам: «Ребята, за доллары можно везде сделать все...»

Видя улыбки на лицах окружающих, Циллет добавил:

— Перед вылетом нам читали молитву. Напутствуя, пастор говорил: «С вами летит всемогущий бог, он охраняет вас».

Бог не помог. Питтсбургская газета «Сан-телеграф» опубликовала в конце 1952 года письмо из Кореи американского солдата Фрэнка Рейнольдса своей матери. Он писал: «Дела в Корее обстоят очень плохо. Многие американские парни платят сейчас ужасную цену за самую фантастическую глупость американского госдепартамента в истории нашей страны — глупость, настолько потрясающую, что ее невозможно описать словами... За деспотическую политику Ачесона приходится сейчас расплачиваться не сотнями, а тысячами жизней американцев ежемесячно».

А корейский народ продолжал борьбу. Генерал Максвелл Тейлор, одно время командовавший 8-й американской армией в Корее, вынужден был признать в своей книге «Ненадежная стратегия», что варварские бомбежки, злодейские убийства мирных жителей не сломили дух корейского народа к сопротивлению и не повлияли решающим образом на исход войны.

АРМИЯ ГЕРОЕВ

В серый декабрьский вечер 1952 года я возвращался в Пхеньян из поездки на фронт. Заснеженная дорога спускалась с горного перевала в долину. Вдруг на горизонте, где-то за темной линией гор, вспыхнули огненные зарницы разрывов: американские самолеты начали свой обычный разбойничий налет на дороги и прилегающие к ним деревушки.

— Надо переждать полчаса, пока этот ночной пес отлетает свой график, — сказал Ким, наш шофер.

Свернув с дороги, он подвел машину к подножию высокой лесистой сопки. В ложине виднелась небольшая деревушка. Замаски-

ровав машину ветками, мы постучались в один из домов. Хозяева радушно встретили нас. Мы по корейскому обычаю сняли у входа обувь и вошли. Хозяин пригласил нас сесть на теплый пол. Завязался разговор. Нас расспрашивали о Пхеньяне, о Москве, о жизни советских крестьян. В свою очередь я попросил рассказать о том, как живут местные крестьяне, как дела с урожаем.

— Жили до войны хорошо, — ответил хозяин дома. — Сейчас, конечно, трудно. Война. Но государство нам помогает. Урожай в этом году собрали неплохой. Когда чувствуешь, что ты хозяин своей земли, своего труда, то и работается легко.

Хозяин на минуту задумался и добавил:

— После освобождения я выучился читать и писать. Однако красиво и интересно рассказать вам о том, какой стала наша жизнь после освобождения, не сумею. Возьмите-ка лучше книгу Ли Ги Ена «Земля». Ли Ги Ен хорошо знает крестьянскую жизнь. Он все правильно написал.

Мне часто приходилось встречаться с Ли Ги Еном. В превосходном романе «Земля» он описал весну корейской свободы — события 1946—1947 годов, время больших реформ, коренных преобразований.

Вернувшись в Пхеньян, я рассказал Ли Ги Ену о встрече с крестьянином, о том, как он лестно отозвался о его романе.

— Где бы могли быть сейчас, во время войны, герои вашего романа? — спросил я писателя.

Ли Ги Ен медленно закурил сигарету, затянулся и сказал:

— Герои моего романа — патриоты Кореи. Сейчас они могли бы сражаться за высоту 1211, партизанить в горах Чирисана, трудиться на полях, работать в государственных учреждениях. Мои герои — строители новой жизни. Сейчас они защищают наше отечество от иноземных захватчиков.

Эти слова Ли Ги Ена вспомнились мне через месяц и вот при каких обстоятельствах.

В конце 1952 года командующий войсками интервентов в Корею генерал Ван Флит предпринял самое крупное в том году наступление. Оно велось на центральном фронте в направлении Кымхва, а на западном фронте — на Пхеньян. Брошенные в эти операции дивизии — семь американских, девять лисынмановских и объединенная британская — были усилены и до предела насыщены боевой техникой. Удары наносились концентрированными силами на узких участках фронта. Но все они разбивались о стойкость воинов Народной армии. Недаром в сообщениях американских корреспондентов с корейского фронта можно было видеть такие выра-

жения, как «бледи ридж» («кровавый хребет»), «хартбрейк ридж» («душераздирающий хребет»). Потеряв свыше 20 тысяч убитыми, ранеными и пленными, интервенты так и не добились в районе Кымхва ни малейшего успеха. Американское командование вынуждено было признать, что этот район — «бездонная бочка», и наступление было прекращено. Захлебнулось и наступление на район Пхеньяна. И на западном фронте интервенты не смогли добиться даже тактических успехов.

Кто же были герои, сорвавшие американское наступление, что двигало ими в бою?

Я беседовал с ефрейтором Ким Сен Дином. В ночь на 9 января 1953 года он повторил подвиг Александра Матросова — закрыл своей грудью амбразуру вражеского дота на склоне сопки, которую во что бы то ни стало надо было взять. 12 сквозных пулевых ран прошли его тело от плеча до бедра, одна пуля прошла около самой сердечной сумки, но человек остался жив.

Когда я спросил Ким Сен Дина, что толкнуло его на подвиг, он сказал:

— Вражеский пулемет должен был замолчать, иначе погибли бы мои боевые товарищи, под огонь попали бы воины наступающего батальона.

Здесь дело не только в верности солдатскому долгу. Подобно героям романа «Земля», Ким Сен Дин прошел путь от колониального рабства к новой жизни. В детстве, при господстве японцев, он не видел ничего, кроме голода, нищеты и унижений. Освобождение Кореи принесло свободу и счастье, американцы же хотели их отнять. И тогда Ким Сен Дин взял в руки автомат и пошел сражаться. Он вступил в члены Трудовой партии Кореи, которая была организатором борьбы с иностранными интервентами. За годы войны в Трудовую партию вступили полмиллиона новых членов, таких людей, как Ким Сен Дин. Корейские коммунисты всегда шли в передовых рядах атакующих цепей, личным примером увлекая за собой остальных воинов.

В Центральном комитете Трудовой партии Кореи, находившемся в Пхеньяне, метрах в ста от «дома» — бомбоубежища, в котором я жил, мне показали окаймленный запекшейся кровью партийный билет. Еще три дня назад он принадлежал медицинской сестре Ан Ей Ай.

— Прошу передать в ЦК мой партийный билет, — таковы были предсмертные слова этой девушки. Во время налета американских реактивных штурмовиков она заслонила собой раненых бойцов от пуль заокеанских убийц.

Я перелистываю свой корейский альбом. В нем сто фотографий Героев КНДР. Это высокое звание было присвоено 481 воину. Здесь стрелки—охотники за вражескими самолетами, моряки, летчики, пехотинцы, танкисты, зенитчики, медики. Тут же разбитые американские танки, горящие самолеты. Фото запечатлело боевые эпизоды, моменты атак, сопки, еще дымящиеся после недавней бомбежки. Вглядываясь в знакомые лица, перечитывая корреспонденции тех лет, снова ясно представляешь себе, как все это было.

* * *

На сотни километров с юга на север тянутся каменистые склоны побережья Японского моря. Два с половиной года орудия американского 7-го флота били по Вонсану, Хамхыну, Чхончжину и другим портовым городам. 361 день стояли на якорях близ Вонсана крейсеры, авианосцы, десятки эсминцев, тральщики, сторожевые суда. Они хотели своим орудийным огнем и авиабомбами испепелить город, превратить скалы в груды щебня, уничтожить все живое и, высадив десант, захватить побережье. Но скалы стояли, как триста, семьсот, тысячу лет назад. И так же твердо стояли защитники побережья — моряки-артиллеристы. Все попытки американских кораблей пробить брешь в обороне восточного берега и высапить десант успешно отбивались.

И в 1951 и в 1952 годах американские войска рвались из района 38-й параллели к восточному побережью Кореи, к Вонсану и Хамхыну, но не прошли. Они не смогли прорваться туда потому, что высоты, господствующие над единственной дорогой, находились в руках народных солдат. В тот период война на корейском фронте складывалась из цепи боев за отдельные высоты. Частям 8-й американской армии, рвавшимся на север в Алмазные горы из района Янгу, преграждали путь высоты Качирбон, 1052 и 1211. Их прозвали «железным треугольником».

О защитниках этих высот в Корее созданы песни, написаны оперы, рассказы, пьесы. Против них генерал Ван Флит бросал целые дивизии американцев и лисынмановцев, французские, английские и турецкие батальоны. Бои шли всю вторую половину 1951 года. На склонах высот 1211 и 1052 интервенты потеряли 15 900 солдат и офицеров, множество боевой техники, но так и не смогли прорваться через эти оборонительные узлы Народной армии. В 1952 году генерал Ван Флит, перегруппировав силы 8-й армии, пополнив ее дивизии, вновь начал атаки с целью прорыва к побережью через Алмазные горы, и опять на его пути стали защитники высот.

За 1952 год на квадратный километр высоты 1211 интервенты выпустили около 527 тысяч снарядов, сбросили свыше 4 тысяч бомб. Американские самолеты 1817 раз подвергали ее пулеметному обстрелу. Я видел эту высоту, которую американцы и лисынмановцы так и не могли взять. Мне рассказали, что раньше ее покрывал густой лес, но в конце 1952 года она вся была испятнана бомбами и снарядами, сожжена напалмом, ее покрывали обгорелые пни да расщепленные горячими осколками столетние деревья. На вершине камни были стерты бомбами, снарядами, напалмом и буквально превращены в порошок — за год высота стала на несколько метров ниже. И все-таки дивизиям Ван Флита так и не удалось взять ее.

Плечом к плечу с корейскими воинами фронт держали китайские народные добровольцы. Мне неоднократно приходилось встречаться с ними. Что о них можно сказать? Высоты, которые они обороняли, были неприступными крепостями. Любовь к родине, рубежам которой угрожали американские агрессоры, горячее желание оказать помощь братскому корейскому народу — это вдохновляло их, воодушевляло на подвиги в бою

* * *

Фронт проходил не только в районе боев вдоль 38-й параллели — воздушная война велась на всей территории Северной Кореи. Американские бомбардировщики «Летающая крепость» прилетали сюда с Окинавы, штурмовики «Корсар», «Пантера», «Скайрайдер», «Бэнш» поднимались с палуб авианосцев, маячивших в Желтом и Японском морях, бомбардировщики «В-26», «Мустанг», «Грумман» и «Шутинг-стар» взлетали с южнокорейских аэродромов. Они «висели» в небе Северной Кореи, бомбя и обстреливая города, села, дороги, поля, горы, реки — стоило лишь им заметить там малейшее движение. И в борьбе против них важная роль принадлежала зенитчикам Народной армии и отрядам стрелков — охотников за вражескими самолетами. Мне часто приходилось видеть этих мужественных людей. Капитан 12-й бригады американской морской авиации Джим Уоркинс, сбитый охотниками за самолетами и взятый в плен, с ужасом говорил о больших потерях, которые несла американская авиация от наземного огня.

— В нашей бригаде было 72 самолета. За сорок дней на базу не вернулись 52 машины. Почти все остальные продырявлены пулями. Летчики удивлены меткостью зенитчиков и особенно искусством стрельбы из пулеметов и винтовок. Потери, понесенные за сорок

Корейские летчики после воздушного боя

дней, вселили в нас страх и беспокойство, что придется умереть собачьей смертью вдали от родины.

В 1954 году в Пхеньяне была открыта выставка, посвященная войне против интервентов. В одном из павильонов стоял небольшой серо-голубой истребитель. На его капоте виднелось одиннадцать красных звездочек — столько американских самолетов сбил на этой боевой машине Герой КНДР Ким Ги Ок. На аэродроме в Синыйчжу мне посчастливилось однажды видеть этого отважного сокола и его боевых друзей. Герои республики — летчики-истребители Ким Дар Вон, Ли Бен Чер, Пяк Ки Рак и другие «снимали» с неба «Сверхлетающие крепости Б-29», реактивные «Шутинг-стары» и «Сейбры».

21 апреля 1951 года звено асса Ли Бен Чер вступило в бой с 13 самолетами и четыре из них сбило. 21 июля 1952 года Герой КНДР Пяк Ки Рак и его ведомый встретили в небе десять реактивных истребителей «Сейбр Ф-86» и сбили два из них.

Еще более поразительный бой произошел 20 июня 1952 года. Сотни людей наблюдали с земли, как в чистом голубом небе два истребителя Народной армии завязали бой с 24 «Сейбрами», направлявшимися на север. Американские самолеты шли двумя группами, оставляя далеко позади пушистые белые полосы. Их атаковали два северокорейских истребителя. Завязался неравный бой. Скоро два «Сейбра», оставляя ленты черного дыма, упали в Желтое море, остальные рассыпались и начали перестраиваться.

Двадцать два против двух! С земли трудно было разобрать, где какой самолет. Но вот вспыхнула и начала падать машина Кан Сын Хена. Второй корейский летчик остался один, но продолжал бой. Пулеметная очередь «Сейбра» зажгла и его машину. С горящим фюзеляжем молодой пилот устремился на ведущий американский самолет. Видимо, страшен был этот летящий по небу огненный факел: командир американской группы бросился наутек. Рассыпались и остальные самолеты. Ким Хва Рену удалось удачно посадить на землю горящий самолет.

18 минут длился этот беспрецедентный воздушный поединок. Ким Хва Рену было присвоено звание Героя КНДР.

* * *

Американская 8-я армия была вооружена отлично. Самое современное пехотное оружие, танки «Генерал Грант», «Шерман», реактивные истребители, реактивные базы, огнеметы... Чего только не было!

Однако и корейская Народная армия была вооружена самым современным оружием, и в артиллерийских дуэлях с американскими пушками корейцы часто выходили победителями.

Солдаты и офицеры корейской Народной армии отлично владели своим оружием, использовали советский опыт.

«Подвиги Героев Советского Союза всегда указывали и указывают мне и нашим бойцам и командирам путь к победе в борьбе с лютым врагом», — писал Герой КНДР Те Дон Чер. Он вспоминал о боях за высоту 854,1, которые развернулись в сентябре 1952 года. Американцы называли эту высоту «нерушимой крепостью». Но после тридцатиминутного боя войны Те Дон Черы взяли эту высоту и водрузили на ее вершине знамя КНДР. В бою были убиты и взяты в плен 1399 солдат и офицеров противника. Герой КНДР Пак с четырьмя бойцами отбил в том бою все атаки врага. Когда бой окончился, Пак насчитал перед позицией, которую он защищал, более 600 вражеских трупов. Пак Кван Ен пи-

Герой КНДР Хан Ге Чхон у своей машины

шет, что в самый тяжелый момент он вспомнил о подвиге четырех советских бойцов под командой Николая Фильченко, которые отбили врага, наступавшего при поддержке 15 танков, и до конца удержали свою позицию. «Это воспоминание придало мне силы и вдохновение».

А вот что писала медицинская сестра Герой КНДР Кук Сия Бок: «В критические минуты боя передо мной вставали образы советских героинь, которые, не задумываясь, жертвовали своими молодыми жизнями ради свободы и независимости родины и счастья народа».

Герой КНДР летчик Тхя Гык Сен рассказал, как в одном из боев против превосходящих сил реактивных «Сейбров» он применил любимый тактический прием трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба, зайдя в атаку со стороны солнца. В результате летчики его эскадрильи сбили четыре и повредили два «Ф-86».

Противник прекратил бой и начал улепетывать на юг, на свои аэродромы.

В приказе № 73 Верховного главнокомандующего КНА отмечалось: «В ходе освободительной войны корейская Народная армия овладела передовой советской военной наукой и, перенимая ценный боевой опыт героической Советской армии, достигла высокого уровня развития в качественном и количественном отношении, еще более окрепла и превратилась в современную регулярную армию, оснащенную новейшим оружием и техникой».

С первых же дней войны в частях Народной армии развернулось движение снайперов. В декабрьские дни 1951 года открыл свой снайперский счет сержант Чо Сан Юр. За год он записал на свой боевой счет более 200 солдат и офицеров противника и даже один вертолет. В феврале 1953 года Чо Сан Юру было присвоено звание Героя КНДР.

Большой боевой путь прошел танкист Народной армии Тен Ги Рен. В районе Ыйчжонбу танк № 214, который он вел, уничтожил в течение 27 часов непрерывных боев 16 орудий, 14 автомашин, разрушил несколько укрепленных точек противника.

Соединенные Штаты затратили на войну в Корее 20 миллиардов долларов. Американские империалисты бросили на корейский фронт не только треть своих сухопутных сил, пятую часть военно-воздушных сил и большую часть военно-морского флота, но и войска 15 стран-сателлитов и лисынмановскую марионеточную армию. Общая численность войск интервентов превышала два миллиона. За три года войны американцы доставили в Корею свыше 73 миллионов тонн военных грузов — в 11 раз больше, чем грузы, перевезенные ими по Тихому океану за четыре года второй мировой войны.

Но ничего не помогло. Вся военная мощь США и их сателлитов разбилась о стойкость защитников Новой Кореи.

Когда я после окончания корейской войны вчитывался в строчки, подводящие ее итоги, мне вспомнился один из январских дней 1953 года. Накатанная автомобилями дорога тянулась от Пхеньяна на юг. Справа от нее стояли запорошенные снегом сопки, слева расстилались грязно-серые от протаявшего снега рисовые поля. То, что уже несколько дней облака закрывали солнце, никого не огорчало, даже радовало: можно было ехать, не опасаясь американских воздушных пиратов. Но вдруг видневшийся впереди солдат-регулирующий поднес к губам свисток, махнул флажком. Наш шофер тут же затормозил. В наступившей тишине мы услышали, как где-то за облаками шел американский бомбардировщик. Надсадный вибрирующий гул его моторов приближался. По привыч-

ке мы начали гадать: сбросит — не сбросит... Вот за облаками слышался свистящий вой — сбросил. Далеко впереди раздался сильный взрыв, затем второй. Мы ждали в тревожной тишине... Что будет дальше? Но скоро гул моторов бомбардировщика стих.

— Домой пошел, на юг, — проговорил молодой майор Народной армии, залегший вместе с нами у подножия невысокой заснеженной сопки. И добавил, отряхивая зеленый ватник:

— На аэродром с бомбами ему возвращаться нельзя, вот и сбросил эту пару. На всякий случай положил их около дороги — вдруг в машину или в какой-нибудь дом попадут.

Мы встали, тоже отряхнули с одежды снег, закурили. Майор огляделся, усмехнулся своим мыслям и сказал:

— Где ему знать, что здесь ничего нет, кроме могил японских завоевателей XVI века?

И он показал рукой на невысокий холм, видневшийся впереди. А затем попрощался, сел в испятнанный меловой краской юркий «газик» и уехал в сторону фронта. Заинтересованные словами майора, мы направились к старинной могиле. То, что мы увидели, наводило на размышления. По соседству с могильным холмом XVI века было много холмов меньших размеров — под ними лежали интервенты, пытавшиеся повторить в 1950 году маршрут японских средневековых «рыцарей разбоя» под предводительством Тоётоми Хидэёси — пройти от Пусана до Амноккана. Только что сброшенные американские бомбы разорвали землю на могилах тех, кого имел в виду генерал Макартур, заявивший в ноябре 1950 года:

— Скажите ребятам, что если они достигнут реки Ялуцзян (Амноккан), то за рождественским обедом будут сидеть дома.

Но они так и не вернулись домой к рождественскому обеду.

ТЫЛ — ТОЖЕ ФРОНТ

Это было в 1952 году, в день весеннего равноденствия («чхунбун»). Мы договорились с крестьянами селения Ори, находящегося близ Анчжу в провинции Южная Пхёнан, что приедем посмотреть их рисовые поля. В это время обычно стоит чудесная погода и Корея особенно оправдывает свое поэтическое название «страна утренней свежести».

Солнце ярко светило. Продрогшая за ночь земля отогревалась. Роса уже высохла, и нежно светилась изумрудная зелень придорожных деревьев. Все выглядело по-весеннему безмятежным, и

именно поэтому особенно страшным показалось нам то, что мы увидели, когда, миновав развилку дороги и обогнув сопку, въехали в узкую долину. Перед нами чернела, словно взрытая огромным заступом, земля, стояли обожженные деревья с изломанными, расщепленными ветвями и оборванной, грязной листвой. Здесь недавно пролетел американский бомбардировщик.

По узкой дороге засыпанной комьями земли и камнями, мы молча прошли в деревню. Улицы были пустынные и безлюдны, двери домов плотно задвинуты. Все жители были на полях. Квадраты рисовых полей тянулись к подножию гор, прикрывавших долину. Разделенные зелеными земляными дамбами, эти голубые квадраты казались издаലെка дивным произведением искусства. Около одного из квадратов мы познакомились с мастером высоких урожаев Тен Сен Боком. Его имя было известно во всех селах Южной Пхёнан. В 1951 году он, применив новые методы труда, собрал рекордный урожай. Рисовая рассада была выращена им на сухом грунте без отопления, а затем, когда подошел срок, пересажена на поля. Осенью с каждого гектара Тен собрал по восемь с половиной тонн риса — вдвое больше, чем другие крестьяне.

— Месяца три назад, — рассказал нам Тен, — я, заручившись поддержкой сельской ячейки Трудовой партии и сельского народного комитета, создал бригаду из 18 человек. Я попытался их сделать мастерами высоких урожаев. Много потрудились мы этой весной: обеспечили поля местными удобрениями, вспахали четыре раза. Для посева были отобраны высокоурожайные сорта «сувон № 72» и «дюнсянпадо».

Затем бригада Тена помогла своим односельчанам, которые решили выращивать урожай по тому же методу.

Необходимо помнить о том, что американские и лисынмановские войска, пробывшие полтора месяца в провинции Южная Пхёнан, уничтожали на своем пути все селения, все сельскохозяйственные сооружения. Было сожжено дотла 14 500 крестьянских дворов, разрушено свыше 550 оросительных каналов и плотин, половина скота была угнана и забита, запасы продовольствия разграблены. Сильно пострадала деревушка Ори, где жил Тен Сен Бок. После изгнания интервентов правительство КНДР помогло крестьянам семенами, тяглом. Люди хорошо понимали, что нельзя позволить интервентам задуть республку голодом, и поэтому они работали и днем и ночью, несмотря на американские воздушные налеты. Впоследствии я узнал, что жители Ори собрали в 1952 году со всей посевной площади на треть больше урожая, чем когда-либо ранее.

Людям помогали машины. В военные годы из СССР в Корею

Раздача населению Пхеньяна муки, полученной из Советского Союза

было послано несколько сот тракторов, химические удобрения, семенной материал. Мощность машинопрокатных станций в эти годы выросла в три раза.

Несмотря на героические усилия крестьян, продовольствия в стране не хватало: сказывались разрушения, нанесенные вражеским нашествием и бандитскими налетами авиации. Весна 1952 года стала бы поистине голодной, если бы не помощь стран социалистического содружества. Советские люди первыми подали руку помощи борющемуся корейскому народу. Хотя в СССР продовольственное положение тоже было напряженным, они прислали в дар народной Корее десятки тысяч тонн муки. Эшелон за эшелонам доставляли через границу корейские железнодорожники. Я видел, как разгружали эту муку. На лицах корейцев-грузчиков, жителей Пхеньяна, была праздничная радость. Даже налеты американских штурмовиков не мешали людям весело работать. Зенитчики в тот день стреляли особенно метко. В короткие сроки мука была рас-

пределена среди населения — в моем фотоальбоме есть много снимков ликующих пхеньянцев, несущих домой в мешках и ведрах подарки своих советских друзей.

В те дни всюду — в городах и селах — нас просили передать благодарность советским людям.

Помогали все друзья: Болгария прислала мясные и фруктовые консервы, Монголия — 200 тысяч овец, много продовольствия, Народный Китай — рис, рабочий скот. Продовольствие шло широким потоком из ГДР, Чехословакии, Румынии, Польши и других стран.

* * *

Мужество, проявленное корейскими крестьянами в военные годы, достойно особого уважения. Ведь работали они буквально во фронтовых условиях. Все три года войны над дорогами, полями, деревнями висели американские самолеты, бомбили, стреляли...

Но это далеко не всегда сходило американцам безнаказанно. Однажды я был в деревушке Охакри, что стоит у самого устья Тэдонгана, где воды этой реки впадают в Желтое море. По преданию, там родился герой Ким Дэ Рэ, чья палица поразила тысячи врагов из орд Тоётоми Хидэёси. В 1866 году жители этой деревни первыми заметили американский пиратский корабль «Шерман», пытавшийся вторгнуться в Корею. Охакрийцы разожгли громадный костер на вершине горы, у подножия которой раскинулось селение, и сообщили таким образом в Пхеньян о приближении врага (от Охакри до Пхеньяна всего 30 километров). Когда «Шерман» подошел по реке Тэдонган к Пхеньяну, он был взят на абордаж и сожжен.

В один из дней августа 1952 года над селом Охакри пронеслась четверка американских реактивных самолетов «Шутинг-стар», которых корейцы называли «крестами». Крестьяне продолжали трудиться на поле. Но вдруг «кресты» стали пикировать и расстреливать крестьян, в том числе женщин и детей.

Это видели зенитчики, окоп которых находился на вершине соседней сопки.

— Нельзя передать словами гнев, который охватил нас, — рассказал мне сержант Ян Сен Чжин. — Мой напарник воскликнул: «Отомстим разбойникам за смерть сестер», и, прильнув к прицелу пулемета, дал очередь по пикировавшему «кресту». Веер пуль не задел пирата, но мы были обнаружены. Нас стали обстреливать. Бомбы рвались около самого нашего окопчика. Улучив момент, когда американский пилот потянул ручку на себя, чтобы выйти

Дважды Герой КНДР стрелок-охотник за вражескими самолетами Ким Ги У

из пике, я нажал гашетку, и длинная очередь прошила левую плоскость самолета и бак с горючим. «Крест» вспыхнул и, падая, полетел в сторону моря. Другой реактивный самолет пытался атаковать наш окоп, но и он был сбит, упал на рисовом поле, недалеко от того места, где лежали трупы убитых женщин и детей.

Под датой 6 июня 1951 года в моем дневнике имеется запись о посещении корейских фабрик. Еще до того как американский генерал Марк Кларк принял решение об уничтожении с воздуха 78 корейских городов, все промышленные предприятия Пхеньяна были разбиты бомбами или сожжены интервентами во время отступления из города в декабре 1950 года. На сохранившемся оборудовании пхеньянские рабочие наладили производство обуви,

одежды, предметов ширпотреба и многих других товаров. Именно эти фабрики американское авиационное командование именовало в своих сводках «военными объектами». Одним из таких «объектов» была обувная фабрика. До войны она выпускала в год несколько тысяч пар комусинов — корейской резиновой обуви. Американцы разрушили это предприятие, но стены одного из корпусов уцелели, и здесь был снова налажен выпуск комусинов. Все работы велись вручную, за смену 240 рабочих выпускали 4 тысячи пар. Директор Ку, показывая нам производство, почти каждую минуту проклинал американских варваров, разрушивших фабрику.

— Вот кончится война, — сказал он нам на прощание, — построим новую фабрику, лучше прежней!

Рядом с обувной фабрикой приткнулись к сопке развалины текстильного предприятия. Здесь тоже все было разрушено неоднократно налетами «Летающих крепостей», сожжено напалмом, сброшенным «Мустангами». Остались лишь кое-где стены. И все же фабрика работала. Директор Ан Ги Ок рассказывал:

— Потихоньку налаживаем производство. Трудно. Сегодня смонтируем станок, собранный из нескольких разбитых, — завтра опять мигукомы прилетят и разрушат. И все-таки мы работаем, и каждый из рабочих выпускает больше продукции, чем до войны. Трудятся наши женщины дружно, молодые перенимают опыт пожилых текстильщиц.

На следующий день мы собрались съездить еще на ряд городских предприятий. Но... в записи от 7 июня сказано: «Сегодня воскресенье. С утра 14 «Летающих крепостей» и 7 реактивных «Шутинг-старов» подвергли город варварской бомбежке. Было сброшено 700 бомб. Несколько часов содрогалась земля, терзаемая взрывами. Вечером в городском народном комитете нам сообщили, что часть бомб упала на обувную, текстильную и табачную фабрики. Директор Ку погиб».

В дни войны многие промышленные предприятия — оружейные заводы, производившие стрелковое оружие и боеприпасы для фронта, швейные фабрики, где изготовлялось обмундирование для солдат, текстильные фабрики, металлообрабатывающие предприятия и другие — были перемещены в подземные убежища.

Весной 1953 года я побывал на Кемдекском руднике, где работал Герой труда КНДР Чо Ду Сир, зачинатель движения за перевыполнение планов на промышленных предприятиях, рудниках, шахтах. Его почин быстро облетел всю Северную Корею. Приехали мы на рудник рано утром. Поставили машину под сосну и зашагали по узкой горной тропинке, которая привела нас на небольшую

полян. По ее краям стояли щиты с красными лозунгами и портретами передовиков труда. Лозунги призывали к развертыванию соревнования за увеличение выпуска продукции для фронта. В то время когда переводчик читал нам надписи, а мы заносили пояснения в блокноты, к нам подошел юноша с красной повязкой на рукаве. Он внимательно посмотрел наши документы, потом застенчиво улыбнулся и сердечно приветствовал нас. Через высокую, обвитую зеленью арку мы вышли на лужайку, посреди которой стоял деревянный монумент. Шпиль его был увенчан тремя пятиконечными звездами. В центре монумента красовалась золотая звезда с серпом и молотом — изображение медали Героя труда КНДР. Рядом возвышалась красная доска. Мы прочли надпись на ней. Это было трудовое обязательство рабочих рудника, которые торжественно обещали перевыполнить годовой производственный план.

— Этот монумент, — пояснил молодой кореец, — построен рабочими нашего рудника в честь передового рабочего Чо Ду Сира. Бурильщик Чо Ду Сир находился в забое. Юноша сообщил, что дневные задания он перевыполняет ежедневно.

Чо Ду Сир — потомственный рудокоп. Он пришел впервые на рудник пятнадцатилетним пареньком в годы японского господства. В забое тогда работали под плеткой надсмотрщика. Но вот в 1945 году Красная Армия принесла в Корею свободу, и все пошло по-иному.

Советский старшина Сергеев, бывший до войны забойщиком на Урале, осмотрел рудник корейских друзей.

Механизация была маломощной, устаревшей. Придя на рудник в следующий раз, Сергеев принес журнал «Огонек».

— Это перфоратор-автомат, — сказал он, показывая на один из снимков. — Скоро и вы тоже будете работать на таких прекрасных машинах!

Осенью старшина Сергеев, уезжая на новое место службы, подарил Чо Ду Сиру на память нагрудный значок с серпом и молотом. Корейские горняки в это время уже начали восстановление Кемдека. Было трудно, не доставало технических знаний, административного опыта, но рудник вскоре заработал. В 1947 году Чо Ду Сир стал членом Трудовой партии Кореи. Предсказание солдата Сергеева исполнилось: из Советского Союза прибыло новое рудничное оборудование, и уже в 1948 году Чо Ду Сир стал выполнять на нем за смену три нормы.

— Чтобы еще выше поднять выработку, — рассказал нам директор рудника Ан Сен Дюн, — Чо начал изучать самые передовые методы бурения, выработанные советскими мастерами, сидел

над книгами, консультировался с инженером Устименковым. Этот инженер приехал из Советского Союза, чтобы познакомить нас с тем, как организован труд на рудниках в вашей стране. Он же вводил у нас прогрессивный метод параллельной проходки.

Чо Ду Сир первым овладел этим методом. К концу 1948 года, участвуя в соревновании в честь Дня освобождения, Чо выполнил годовое задание на 300 процентов. В следующем году он поднял выработку еще выше.

Грянула война. Район Кемдека был занят интервентами. Чо ушел в партизанский отряд, стал разведчиком. Через два месяца, после того как интервенты были отброшены к 38-й параллели, Чо с винтовкой в руках пришел с друзьями-партизанами на рудник. Все было разрушено, затоплено. И снова начались восстановительные работы. В первые же дни работы Чо Ду Сир перекрыл довоенные нормы. Скоро из Советского Союза прибыли новые машины, и Чо перешел на один из самых передовых методов — двухперфораторное бурение.

Чо Ду Сиру не было в то время и 23 лет, но он считался лучшим бурильщиком КНДР. Были организованы школы, где изучался опыт его работы. Все свое свободное время герой отдавал обучению горняков передовым методам труда. За два года он подготовил в техническом кружке более тридцати мастеров бурения. Каждый из них стал управлять двумя врубовыми машинами, выполнять сменное задание на 400—500 процентов. На Чо Ду Сира равнялись тысячи тружеников.

КОГДА ГОВОРЯТ ПУШКИ, МУЗЫ ПОМОГАЮТ ПОБЕЖДАТЬ

Тот, кто был в Корее в годы войны, не забудет воздушные тревоги, черные столбы взрывов, обугленные развалины. Но нельзя забыть и шумное оживление улиц в «неналетные» дни, многолюдные базары, покупателей в магазинах, девушек в парикмахерских, которые располагались прямо на улицах. В такие тихие дни можно было часами наблюдать веселые игры детей на тротуарах, стоять у развалов многочисленных книжных лавок. Каких только книг и журналов здесь не было — и на корейском и на иностранных языках.

В книжных лавках можно было найти «Белую березу» М. Бубенова и недавно вышедший в Москве том Большой советской энциклопедии, историю искусств на японском языке и произведения Лу Синя, книги по математике, физике, медицине и многочисленные словари. И даже трудно сказать, чего здесь было больше — научной или ху-

дожественной литературы. В летние дни у книжных развалов всегда толпилось много пхеньянцев, просматривавших книги.

В эти годы я вспоминал считавшуюся веками мудрой латинскую поговорку: «Когда говорят пушки, музы молчат», и пришел к убеждению, что ее нужно заменить новой: «Когда говорят пушки, музы помогают побеждать».

В самом деле, в военные годы в КНДР работали все театры — оперные, драматические, ключом была творческая жизнь художников, литераторов. Именно в эти годы Ли Ги Ен особенно плодотворно работал над окончанием романа «Земля», а знаменитая Цой Сын Хи создала свои лучшие танцы.

В один из осенних дней 1952 года я побывал в «музыкальной деревне» Соромри, куда переехали из Пхеньяна артисты театра оперы и балета. В косых лучах утреннего солнца деревня казалась полем маков — это сушились на крышах стручки красного перца, любимой приправы к корейским национальным блюдам. На окраине крестьяне обмолачивали стебли гаоляна. Вдоль пыльных улиц стояли обычные крестьянские домики с их черными черепичными крышами. Но в раскрытые двери были видны поблескивающие черным лаком пианино, медные жерла теликонов, тучные тела контрабасов, белые листы ног на пюпитрах.

В предвоенные годы в репертуаре театра были корейские национальные оперы, а также европейские — «Кармен» Бизе и «Русалка» Даргомыжского. Артисты театра знакомили корейского слушателя с произведениями Бетховена, Глинки, Скрябина, Римского-Корсакова, с работами советских композиторов. В дни войны коллектив театра подготовил к постановке корейские национальные оперы «Кхончи и Пхачи» и «У колодца» — взволнованный рассказ о воинах Народной армии и их тесных связях с народом. Значительным событием в культурной жизни была постановка «Молодой гвардии» Ю. Мейтуса — первой советской оперы на корейской сцене. Спектакль имел огромный успех. Подземный театр «Моранбон» был переполнен. В героях спектакля корейский зритель видел близких его сердцу юных подпольщиков Пхеньяна, Синчхона, Анчжу и других городов, последовавших в дни оккупации Северной Кореи примеру краснодонских комсомольцев.

Вскоре была поставлена опера Глинки «Иван Сусанин». Ее успех, как говорил нам режиссер Ли Се Хян, превзошел все ожидания.

Артисты театра оперы и балета были частыми гостями у воинов Народной армии. Приезжали на фронт артисты драматического театра, ансамбля Народной армии, кинематографисты, знатоки старинных корейских музыкальных инструментов. Цой Сын Х и рассказыва-

ла мне, как артисты ее студии классического корейского танца выступали на центральном фронте в нескольких сотнях метров от передовой, на зеленой полянке, окруженной соснами. Танцы шли под аккомпанемент артиллерийской канонады и гудение самолетов.

Высокая патриотическая страстность репертуара была отличительной чертой всех театральных коллективов. Ансамбль песни и пляски Народной армии поставил танцевальные пантомимы, посвященные подвигам первой в Корее женщины-летчицы, Героя КНДР Тхэ Сон Хи и других героев. Большое впечатление производили постановки театра Народной армии: «Ровно в 5.30» (о делах разведчиков отряда дважды Героя КНДР Ли Хак Муна) и «Высота 1211», о которой я рассказывал выше.

В военные дни в Пхеньяне можно было также увидеть на сценах корейских театров «Любовь Яровую» К. Тренева, «Фронт» А. Корнейчука, сцены из «Ревизора» Н. В. Гоголя.

Большой популярностью пользовался снятый корейскими кинематографистами фильм «Юные партизаны», обошедший затем экраны Москвы, Пекина, Варшавы, Праги и столиц других социалистических стран. Это был фильм о героях молодежных партизанских отрядов.

На просмотре этого фильма рядом со мной в подземном театре сидели трое подростков. Они живо обсуждали виденное и явно были взволнованы больше, чем другие зрители. Выйдя на улицу, мы разговорились. Они оказались юными подпольщиками Анчжу. Один из них, Ким Бен Пхаль, рассказал нам, что «Молодая гвардия» А. Фадеева, получившая широкое распространение в Корее еще до войны, вдохновила юных патриотов Анчжу. Когда осенью 1950 года интервенты временно заняли их город, они создали группу «Молодая гвардия Анчжу». Как и герои-краснодонцы, они уничтожали линии вражеской связи, расклеивали листовки и плакаты, вели разъяснительную работу среди населения и лисынмановских солдат, освобождали заключенных из тюрем. Молодая девушка Хо Ге Хва устроилась работать телефонисткой в лисынмановский штаб и, не страшась расправы, собирала ценную информацию о замыслах врага...

Добравшись в тот вечер до своего дома-бомбоубежища, я при свете карманного фонаря (накануне «Летающие крепости» разрушили городскую электроподстанцию) записал в блокнот этот рассказ. Положив блокнот в карман, я посмотрел на часы — было ровно 12 часов ночи. Я знал, что через полчаса «Летающие крепости», как вчера и позавчера, прилетят бомбить Пхеньян, и зажег свечу, готовясь переждать налет. Но в это время электрическая лампочка над столом загорелась красным светом и вдруг ярко вспыхнула — электрики восстановили подстанцию. Труженики Пхеньяна были на своих постах.

Весна 1952 года. Обычный эпизод моей тогдашней жизни — поездка по фронтовым дорогам, прерванная появлением американского реактивного самолета. С опаской выглядывая из импровизированного убежища — бомбовой воронки, мы с шофером следили за «Тандерджетом», который с ревом пронесся почти над нами. К нашему удивлению, не раздалось ни пулеметных очередей, ни бомбовых взрывов, но с неба, словно белые хлопья, спускались клочки бумаги. Два из них залетели к нам и упали в лужицу от утреннего дождя. Мы взяли бумажки. Оказалось, что это американская газета на корейском языке. В ее верхнем правом углу белыми линиями на черном фоне была изображена эмблема ООН, а ниже, на контурном рисунке карты Кореи, шли сверху вниз черные жирные буквы «Чаю сесе», что значит «свободный мир».

На первой странице этой газетенки размером в две ладони был изображен кореец в соломенной шляпе, прикрывавшей его морщинистое хитрое лицо. Он был одет в национальный костюм, стоял на рисовом поле, подвернув брюки до колен. В руках он держал мотыгу. Надпись гласила: «Отец корейского народа Ли Сын Ман в воскресный день вместе со своим народом работает на благо родины».

На второй странице было сказано, что газета издается отделом пропаганды 8-й американской армии в Корее. Предназначалась она для забрасывания на территорию Севера, чтобы восхвалять «заботу» американцев и лисынмановцев о «благее» корейского народа. С презрением, с какой-то гадливостью относились корейцы к этим жалким листкам, источавшим ложь и лицемерие.

К нам в Пхеньян доходило много сведений о том, что творили в Южной Корее Ли Сын Ман и его американские хозяева. Беседы с пленными лисынмановскими солдатами и беженцами, свидетельства прогрессивных американских журналистов, побывавших на Юге, да и сами южнокорейские газеты давали достаточно ясное представление об этом крае горя, слез и нищеты. И тем более цинично и даже, я бы сказал, зловеще звучали слова тогдашнего государственного секретаря США Дина Ачесона. Не скрывая целей войны, которую вели США в Корее, он заявил в сентябре 1950 года, что Корея — это мастерская, где Объединенные Нации получили шанс создать прототип той системы, которую они хотят установить во всем мире.

Давайте же заглянем в южнокорейскую вотчину американских империалистов.

Город Инчхон (Чемульпо) издавна считался морскими воротами Сеула. Через этот порт шла крупная торговля со многими странами

мира. Днем и ночью здесь работали мощные порталные краны, тысячи грузчиков двигались по пирсам. Осенью 1950 года американская корабельная артиллерия, обеспечивая высадку морского десанта, буквально сравнивала Инчхон с землей. Известно, что генерал Дуглас Макартур, наблюдавший за разрушением города в бинокль с палубы корабля «Маунт Маккинли», сказал: «Это зрелище радует мои старые глаза».

Американцы заняли Инчхон 16 сентября. За два дня там были убиты более 10 тысяч человек.

Город замер. Численность его населения сократилась вдвое. Если туда и приходили корабли, то только с американскими солдатами или вооружением.

Бывший инчхонский докер Ко Сан Хен, бежавший морем в Северную Корею, рассказывал мне, качая головой и сокрушенно охая:

— Безработных в Инчхоне множество. И это не только местные жители, но и крестьяне, которые приходят из сел в надежде заработать на горстку риса. С 4—5 часов утра по улицам начинают двигаться оборванные, закутанные в лохмогья люди. Они приходят на портовые причалы в надежде получить какую-либо работу. Ждут долго, но многие уходят, ничего не дождавшись.

До войны юг Кореи был житницей всей страны. На его полях собиралось много риса и ячменя. Зерно шло на экспорт.

— Почему же так жестоко голодают южнокорейские крестьяне? — спросил я крестьянку Чо Ман Ок, бежавшую на север из горной деревушки южнокорейской провинции Канвон.

— Налоги и помещики задушили крестьян. Установлено около 270 различных налогов. По земельной реформе крестьяне до войны получили участки земли, но платить за эту землю надо столько, что не хватает двух годовых урожаев. И крестьяне бросают землю, уходят куда глаза глядят. Помещики и кулаки захватывают эту землю, отдают ее в аренду другим крестьянам-беднякам. Однако многие из этих арендаторов держатся недолго: налоги душат их, не дают жить. Люди в отчаянии убивают себя и членов своих семей.

А как вели себя на Юге хозяева Ли Сын Мана, американцы?

Об этом мне рассказывала летом 1951 года беженка из Сеула Ким, ставшая в Пхеньяне артисткой театра оперы и балета.

— Возвратившись в Сеул после оставления его Народной армией в сентябре 1950 года, американцы и лисынмановцы творили ужасные злодеяния. Начались повальные расстрелы. Одного подозрения в симпатиях к коммунистам было достаточно для того, чтобы убить человека. А какие надругательства терпели от этих бандитов женщины! Появляться на улице было просто опасно.

В Сеуле разрушены почти все школы, больницы, взорваны фабрики и заводы, театры. Даже древнейшие дворцы королей, эти памятники истории, разрушены и разграблены. Почти все библиотеки сожжены.

Долго рассказывала Ким. На ее смуглом лице страдание сменялось ненавистью.

* * *

Население Южной Кореи вело борьбу с антинародным режимом Ли Сын Мана, с произволом американских захватчиков.

В декабре 1952 года я беседовал в Пхеньяне с партизанским связным О Чан Сиком, пробравшимся через 38-ю параллель на Север для встречи с командованием Народной армии. Он рассказал, что партизаны действуют в 75 уездах восьми провинций Южной Кореи. Молодежь, не желающая служить в лисынмановской армии, жители городов и сел вступают в ряды народных мстителей.

Обрывистые склоны хребта Чирисан не раз были свидетелями жестоких боев партизан с оккупантами. Американское командование посылало туда своих солдат, танки, самолеты, но каждый раз каратели терпели неудачу, неся большие потери.

В августе — декабре 1952 года южнокорейские партизаны совершили несколько смелых рейдов и освободили более 20 городов. В освобожденных районах они раздавали населению отобранные у врага продовольствие и имущество, восстанавливали органы народной власти. По требованию населения проводились суды над предателями — лисынмановскими палачами.

В начале 1952 года в Инчхоне был создан «Союз борцов за спасение родины». Комитеты этого союза вскоре образовались также в Пусане и ряде других городов и сел Юга. О Чан Сик показал мне одну из листовок, распространенных этим союзом. В ней говорится: «Каждый кореец, если он желает свободы и независимости своей родины, должен участвовать в борьбе против американских интервентов и клики Ли Сын Мана.

Да, народ Кореи был единодушен в своей ненависти к заокеанским поработителям и их марионеткам.

* * *

Помню, 25 июня 1952 года, в день международной солидарности трудящихся с корейским народом, мы осматривали открытую в Пхеньяне выставку подарков корейскому народу от многочисленных зарубежных друзей. Огромную и разнообразную помощь борющему-

ся корейскому народу оказывали в дни войны все социалистические страны.

На выставке были представлены материалы о работе госпиталей Обществ Красного Креста, развернутых на корейской земле.

Советские врачи-добровольцы прибыли в Корею летом 1951 года по просьбе правительства КНДР. Они привезли медицинское оборудование, медикаменты, перевязочные материалы. Врачи оказывали помощь не только раненым воинам, но и мирному населению, пострадавшему от налетов американских пиратов. Ежедневно рискуя жизнью, подвергаясь бомбежкам и обстрелам с воздуха, испытывая все трудности и лишения военных лет, советские люди вместе с корейским медицинским персоналом боролись за жизнь и здоровье больных и раненых. За два года они оказали стационарную медицинскую помощь более чем 10 тысячам человек, а поликлиническую — 90 тысячам. Было сделано 5 тысяч сложнейших операций. В разных районах Кореи работали госпитали Обществ Красного Креста Болгарии, Венгрии, Китая, Польши, Румынии, Чехословакии.

«Мы счастливы, — сказал мне как-то чех доктор Шаршоун, — что получили возможность одними из первых приехать из Праги в сражающуюся Корею и оказать помощь корейскому народу. Я в Корее уже три месяца. Это немного, но достаточно, для того чтобы увидеть самое главное. Мне хорошо видно, что Корея сражается не одна, она не одинока в борьбе, мы все с нею рядом, плечо к плечу».

Выходившие в Пхеньяне журналы и газеты «Нодон синмун», «Минчжу чосон», «Чосон инмингун», «Новая Корея», «Минчжу чхоннён» и другие широко освещали на своих страницах помощь социалистических стран Корее, много писали о той поддержке, которую оказала корейскому народу мировая прогрессивная общественность. В Корее побывали многочисленные делегации из дружественных стран, представители всемирных общественных организаций, таких, как Международная федерация демократических женщин, Международная федерация юристов-демократов, Всемирный Совет мира. Вернувшись в свои страны, делегаты помогали информировать мировую общественность о том, что происходило в Корее.

* * *

Сейчас на корейской земле мир. И когда вспоминаются военные годы, встречи с людьми, завоевавшими в кровавой борьбе мир, особенно остро чувствуется чувство братской дружбы с ними.

Как-то теплым весенним днем 1953 года, когда дыхание победы уже чувствовалось на земле Кореи, мы сидели на берегу Тэдонггана

со стариком-корейцем Пак Ман Еном. Покуривая изгрызанную за многие годы трубку, он глядел на буро-зеленые воды реки, стремительно бежавшей к Желтому морю. Разговор шел о Корее, о ее прошлом и настоящем, о Москве, которой старый кореец никогда не видел, но о которой много слышал. Ветер шелестел в молодой листве, опустившей деревья на склонах Моранбона. И эта листва мне напомнила нежную весеннюю зелень на деревьях близ кремлевской стены в Москве.

Я сказал:

— До Москвы десять тысяч километров. Но она всегда рядом с Кореей. И здесь, на Моранбоне, мне словно слышится дыхание Красной площади, бой курантов на Спасской башне. И Прага с нами рядом, и Варшава, и Бухарест, и София. Все наши друзья рядом...

— Комапсымнида, спасибо им за дружбу, за сердца, которые бьются вместе с нашими сердцами, — ответил старик. — Наша дружба так же вечна, как вечно течет Тэдонган в Желтое море.

А река, бурливая и полноводная, бежала и бежала к морю.

М. Г. Боцин,

*в 1956—1962 гг. советник
советского посольства в КНДР
по экономическим вопросам*

БРАТСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Много записей в старом потертом блокноте. Колонки цифр. Разве можно без них инженеру? И в своих воспоминаниях о работе в Корее мне тоже не обойтись без цифр, этих самых объективных и беспристрастных свидетелей тех свершений, тех огромных перемен, которые произошли на корейской земле.

Дважды в течение одного десятилетия по экономике этой страны были нанесены жестокие удары. В 1945 г. японские колонизаторы сожгли 47 заводов и фабрик, затопили 64 шахты и рудника, нанесли большие повреждения 178 предприятиям горнорудной промышленности. Транспорт и связь были выведены из строя, сельское хозяйство пришло в упадок.

Еще больше пострадало народное хозяйство КНДР от войны 1950—1953 гг. Было разрушено 9 тыс. заводских зданий, 600 тыс. жилых домов, свыше 5 тыс. школ, около тысячи больниц. Огромный ущерб был нанесен сельскому хозяйству, железнодорожному транспорту. Условия жизни населения стали неимоверно тяжелыми.

Но республика поднялась из руин и пепла. Ожила, возродилась ее экономика. В 1960 г. объем совокупного общественного продукта возрос в 11 раз по сравнению с 1946 г. Поменялись местами показатели удельного веса промышленности и сельского хозяйства в совокупном продукте. Если в 1946 г. доля промышленности была равна 28%, а доля сельского хозяйства — 72%, то в 1960 г. соответствующие цифры составляли 71 и 29.

Чтобы дать читателю более ясную картину, приведу несколько

рядов цифр, показывающих производство важнейших видов промышленной продукции в 1946 г.—после освобождения Северной Кореи, в 1949 г.—до начала корейской войны, в 1953 г.—после окончания войны, в 1956 г.—после трех лет восстановления экономики и в 1963 г., когда полностью вошли в строй восстановленные и заново построенные предприятия.

	1946 г.	1949 г.	1953 г.	1956 г.	1963 г.
Электроэнергия, млрд. <i>квт-ч</i>	3 934	5 924	1 017	5 120	11 766
Сталь, тыс. <i>т</i>	5	144	4	190	1 022
Химические удобрения, тыс. <i>т</i>	156	461	—	195	858
Цемент, тыс. <i>т</i>	103	537	27	597	2 530
Ткани, млн. <i>м</i>	2,7	12,8	21,6	77,1	227

Чудес, как известно, не бывает. И то, что произошло в Корее, — это подвиг, в котором слились воедино самоотверженный труд корейского народа и братская поддержка Советского Союза и других социалистических стран.

Как известно, сразу же после заключения перемирия, в августе 1953 г., Советское правительство выделило миллиард рублей (в старых денежных знаках) на оказание КНДР безвозмездной помощи в послевоенном восстановлении народного хозяйства, а в 1959 г. было дополнительно предоставлено, тоже безвозмездно, 300 млн. рублей на дальнейшее развитие экономики. Правительство КНДР рационально использовало эти средства в наиболее важных, решающих отраслях экономики.

Были восстановлены или заново построены Сунхунская гидроэлектростанция мощностью 700 тыс. *квт*, металлургический завод им. Ким Чака в Чхонджине, сталелитейный завод в Сончжине (Ким Чаке), завод цветных металлов в Нампхо, Хыннамский завод химических удобрений, Мадонский цементный завод, текстильный комбинат и мясокомбинат в Пхеньяне, рыбоконсервный завод в Синпхо, трактороремонтные мастерские в Саривоне, Пхеньянская радиостанция и многие другие объекты.

Все эти предприятия работают на полную проектную мощность, а некоторые из них значительно увеличили производство продукции за счет дополнительного расширения.

Корею я застал в лесах новостроек. Постепенно восстанавливались города, люди переселялись из землянок в дома с теплыми канами. Повсюду еще сохранились следы огромных разрушений, все напоминало о недавней трагедии, пережитой страной. Вдоль шоссе и железных дорог, на полях валялась изуродованная американская техника — танки, самолеты, срудия, автомашины. Рисовые поля были изрыты глубокими воронками, напоминавшими о варварских налетах вражеской авиации. Столица республики — Пхеньян только что начала отстраиваться, и можно было лишь догадываться, каким был этот город до войны. В его старой части на месте небольших домов с уютными внутренними двориками виднелись обугленные обломки балок и почерневшие плиты фундаментов, на окраинах еще чернели входы в землянки, а в центре пустыри чередовались с новыми улицами.

Я много ездил по стране и всюду видел примерно одну и ту же картину, одинаково волнующую и симптоматичную: бок о бок с корейскими товарищами трудятся специалисты из Советского Союза и других социалистических стран. Их общими усилиями поднимаются из пепла заводы, жилища, больницы, театры, школы, восстанавливаются ирригационные сооружения. Корейские труженики очень высоко оценивали нашу помощь и очень часто нам об этом говорили, искренне, с подлинным чувством большой дружбы. Нас, советских людей, в свою очередь очень радовала признательность корейских товарищей. Это помогало трудиться, способствовало успеху общего дела.

Разумеется, я очень часто встречался с нашими советскими специалистами, работавшими в Корее. Это были люди не только разных профессий и возрастов, но и разных судеб, характеров, и вместе с тем очень похожие друг на друга горячим стремлением как можно лучше, эффективнее помочь корейским друзьям, передать им все технические знания и практический опыт. Они трудились горячо, с большой отдачей, вкладывая в работу всю душу.

С 1953 по 1960 г. в КНДР были командированы около 1500 советских специалистов — научных работников, инженеров, техников, мастеров. Более 60 высококвалифицированных инженеров, экономистов и специалистов других отраслей работали в качестве советников в министерствах и ведомствах КНДР, а также на крупных промышленных предприятиях. Среди них были В. Е. Анучин-Панкратов, С. А. Боболев, А. Ф. Волков, Н. А. Горяинов, Г. В. Драчиков, С. М. Золотов, А. Н. Иващенко, Д. С. Лесик, И. А. Маркин, В. А. Русаков и многие

другие. К сожалению, я не имею возможности перечислить их всех. Правительство КНДР высоко оценило работу советских специалистов. Многие были награждены орденами и медалями.

В ходе работ установилось и крепло из года в год научно-техническое сотрудничество между нашими странами.

Советский Союз передал Корейской Народно-Демократической Республике более 2500 комплектов научно-технической документации, в том числе технический проект завода синтетического каучука, проекты на строительство трубопрокатного цеха мощностью 50 тыс. т проката в год, конверторного цеха, установки по непрерывной разливке стали, типовые проекты теплоэлектростанций, железнодорожных сооружений, элеватора, хлебозавода; проектно-техническую документацию на рыболовные суда, чертежи мелкосортного и среднесортного прокатных станков, гидротурбин, тракторов, автомобилей, металлообрабатывающих станков, ткацко-прядельных машин, различного оборудования, сельскохозяйственных машин, а также технологическую документацию для ряда производств и образцы различных изделий. Более 850 корейских специалистов побывали в Советском Союзе и ознакомились с научно-техническими достижениями и передовым производственным опытом в области химии, металлургии, машиностроения, энергетики, связи, строительства, легкой, пищевой промышленности и сельского хозяйства.

В свою очередь советские организации широко использовали в народном хозяйстве опыт и научно-технические достижения Корейской Народно-Демократической Республики. Так, советским организациям было передано свыше 80 комплектов научно-технической документации и информации, в том числе техническая документация по производству синтетического волокна «виналон», медно-цинковому и свинцово-цинковому производству, разработке и обогащению графита, информация об организации промысла кальмара, анчоуса, о разведении форели, описание возделывания неорошаемого риса, а также образцы черенков и саженцев элитных деревьев и других растений.

Около 60 советских специалистов посетили КНДР и ознакомились с ее научно-техническими достижениями, в частности с варкой целлюлозы из камыша и технологией ее переработки в бумагу, и т. д.

Шло время, труд корейского народа брал свое, страна возрождалась. Многие стройки КНДР стали мне памяты и дороги, и мне хочется о них рассказать.

Начну с крупнейшей корейской стройки — Сунхунской гидроэлектростанции. Я знаю, у людей, побывавших в Корее, при упоминании о Сунхунской ГЭС перед глазами встают ажурные мачты высоковольтных передач, прохладная гладь водохранилища, пенистые каскады воды, падающие со стометровой дамбы, совсем такие, какими они изображены на гербе республики.

А у меня слово «Сунхун» вызывает совсем иные ассоциации. Я вспоминаю летний зной, бронзовых людей, раскаленный бетон и песок, рваные края выбоин на теле плотины, закопченные пожаром стены зданий, синие брызги электросварки, лязг и грохот металла, сумятицу, в которой только наметанный глаз мог обнаружить строгий ритм и порядок. Именно такой я застал ГЭС в год моего приезда в Корею. По делам службы я бывал там особенно часто. Я знал об этой стройке все: каждую ее радость, каждую ее трудность и беду.

В годы войны Сунхунская ГЭС пострадала очень сильно. Около 600 бомб сбросили на нее американские самолеты. Были полностью выведены из строя открытая подстанция, два генератора, главные трансформаторы, разрушен пульт управления. Уже в середине войны американцы были уверены в том, что Сунхунская ГЭС больше не существует.

Более ста советских специалистов различных профессий приехали на сунхунскую стройку. Это были главным образом ленинградцы — работники «Гидроэнергопроекта» и заводов «Электросила» и «Металлический». Из Советского Союза были присланы новые части гидротурбин, генераторы, трансформаторы, энергетическое оборудование, строительные механизмы, материалы и кабельная продукция. ГЭС восстанавливалась по проектной документации, разработанной советскими специалистами. Все приходилось делать в самые сжатые сроки. Самоотверженным трудом корейских рабочих восстановительные работы были закончены досрочно. Уже в 1955 г. были введены в действие два гидроагрегата мощностью по 100 тыс. *квт*, а в 1957 г. была пущена первая очередь ГЭС мощностью 600 тыс. *квт*. 30 августа 1958 г., на целых полтора года раньше намеченного срока, было отпраздновано окончание всех строительных работ. Поработать корейскими строителям и нашим специалистам пришлось немало. Пусть читатель судит сам: с 1954 по 1958 г. были заново отремонтированы, восстановлены и пущены в эксплуатацию семь гидроагрегатов мощностью по 100 тыс. *квт* каждый, восстановлены плотина гидроэлектростанции, резервный водосброс, различные подсобные здания и сооружения, высоковольтная линия электропередачи.

Знамя министерства электроэнергетики КНДР, переданное министерству электростанций СССР

«От всего сердца благодарим советский народ за оказанную братскую помощь в восстановлении и реконструкции гордости нашей страны, Суйхунской ГЭС.

Да здравствует международная пролетарская дружба и союз между энергетиками КНДР и Союза ССР!», — эти слова были вышиты шелком на красном знамени, посланном в Советский Союз.

Прошло уже почти семь лет со времени полного восстановления Суйхунской ГЭС. Отстроился и расширился городок вокруг электростанции. Советские специалисты, которые работали там, вернулись на родину, а на их место выехали в Корею новые. 50 советских инженеров, строителей, монтажников оказывают в настоящее время техническое содействие в строительстве в Пхеньяне первой в Корее крупной тепловой электростанции мощностью 400 тыс. квт. В февра-

ле 1965 г. сдан в эксплуатацию первый агрегат мощностью 50 тыс. *квт.* С вводом в строй этой ГЭС промышленность Пхеньяна будет полностью обеспечена электроэнергией и станет возможным произвести теплофикацию столицы КНДР. С большой патриотической активностью трудятся на стройке ТЭЦ корейские рабочие, инженеры, техники и рука об руку с ними — советские специалисты.

И не только на этой стройке работают они. Соглашения, заключенные между СССР и КНДР, предусматривают содействие советских специалистов в строительстве крупнейшей Пукчханской теплоэлектростанции мощностью 600 тыс. *квт.* Она будет сооружена на левом берегу реки Тэдонган, в 110 км севернее Пхеньяна, в районе с большими запасами угля. «Теплоэлектропроект» уже закончил разработку проекта этой станции.

Глядя на энергетическую карту Кореи, мысленно перебирая в уме проектные мощности уже восстановленных электростанций и тех, строительство которых запланировано, я стараюсь представить себе, какой будет КНДР через несколько лет. Дешевая электроэнергия даст возможность создавать новые отрасли производства, например, электрометаллургию чугуна и стали, увеличивать объем производства минеральных удобрений. Электричество придет в сельское хозяйство, улучшая условия не только быта, но и труда миллионов людей.

МЕТАЛЛУРГИЯ

Первоочередными объектами с первых дней перемирия стали и стройки металлургических заводов.

Условия для развития металлургии в Корее благоприятнейшие. Ее недра таят в себе уголь, железную руду, медь, цинк, вольфрам, молибден, известняки, доломиты, редкие металлы. Еще в глубокой древности на территории Кореи существовал горный промысел. Добыча и переработка минерального сырья издавна играет большую роль в экономике страны. Однако по своему техническому уровню металлургические заводы, построенные в Корее японскими колонизаторами, были неизмеримо ниже аналогичных предприятий метрополии. Японские промышленники старались выкачать из Кореи побольше сырья и дешевых полуфабрикатов. Отступая, японские войска разрушили металлургические заводы. Для их восстановления потребовалось много сил и средств.

После войны 1950—1953 гг. все это опять превратилось в развалины. Снова, как и в 1945 г., пришлось корейским труженикам восстанавливать металлургическую промышленность. И снова им оказа-

ли содействие советские специалисты. Они помогли не только поднять из пепелищ разрушенные предприятия, но и заново отстроить рудники и заводы, оснастить их самой передовой техникой.

В Корее металлургические предприятия были, как правило, сосредоточены на севере страны, в портовых городах, откуда японским дзайбацу удобнее было вывозить продукцию в Японию. Здесь японские корабли всасывали в свою железную утробу то, что добывалось трудом и потом корейского народа. Одним из таких портовых металлургических центров является Нампхо. Это сравнительно молодой город. Предание гласит, что он вырос на месте рыбацкого поселка. Но не богатые рыбные уловы принесли ему славу. Откройте книгу «Описание города Циннампхо», изданную в 1910 г. в Японии, и вы прочтете слова «золотой порт». Это значит, что оттуда вывозились богатства Кореи. Сюда рвались одержимые жаждой наживы японские предприниматели. Здесь они построили несколько судоверфей, крупный завод цветных металлов, стекольный и электродный заводы и другие предприятия.

Битый красный кирпич на месте жилых кварталов, груды железобетона в заводских районах, искореженные порталы краны, словно фантастические чудовища, застывшие у самого моря, — таким я запомнил Нампхо, таким видел его в день приезда. С первыми лучами солнца над городом возникал несмолкаемый шум стройки. Деловито спешили к объектам жители города.

Для восстановления порта Нампхо из Советского Союза были поставлены три земснаряда типа «10—35» в комплекте с гидромониторами, скреперные установки, металлические баржи, мощные лебедки, экскаваторы, плавучая база, транспортные средства, мощные насосы и другое оборудование.

В техническом проекте, разработанном советскими проектными организациями, были учтены сложные условия восстановительных работ, а также меры предосторожности, необходимые в связи с тем, что в акватории порта имелись невзорвавшиеся американские бомбы и снаряды. Очистка порта от ила и дноуглубительные работы производились под постоянным наблюдением советских специалистов — пиротехников и минеров.

Теперь порт Нампхо восстановлен. Это крупнейший порт КНДР на побережье Желтого моря. Он занимает ведущее место во внешней торговле КНДР. Корейцы справедливо называют Нампхо морскими воротами Пхеньяна. Столица республики связана с ним через полноводный Тэдонган.

Восстановление завода цветных металлов в Нампхо было объявлено важнейшей государственной стройкой. С огромным, я бы сказал

стоическим упорством трудились жители Нампхо. Тысячи мужчин и женщин, юношей и девушек разбирали груды щебня и черепицы, восстанавливая завод. Как гигантские грибы, медленно поднимались среди развалин новые корпуса завода.

Восстанавливали завод по проекту, разработанному с помощью советских специалистов. С 1954 по 1959 г. здесь работали более 70 советских инженеров и техников. Они оказывали помощь в строительстве и монтаже оборудования, в освоении технологии производства цветных металлов. Одновременно в Советском Союзе готовились инженерно-технические кадры для этого предприятия. На крупнейших заводах СССР проходили производственную практику 33 корейских специалиста-металлурга из Нампхо.

Металлургическая промышленность Кореи не только залечивала раны, нанесенные войной, но и поднималась на высшую ступень. Восстановление завода в Нампхо, как, впрочем, и всех металлургических заводов, не представляло собой простое копирование старых заводов.

Все цехи восстановленного завода оснащены новейшим современным технологическим оборудованием, поставленным из СССР. Многие цехи реконструированы. В обжиговом цехе, например, установлены специальные печи новой конструкции. Обжиг цинковых концентратов производится по наиболее прогрессивному способу, в так называемом кипящем слое. Благодаря этому способу достигается образование более концентрированного отходящего сернистого газа, который способствует увеличению производства серной кислоты. Это позволило создать на заводе новый серноокислотный цех.

В 1959 г. строительство завершилось. Уже в то время была полностью освоена проектная мощность завода. Вступили в строй также цехи по производству рафинированного золота и серебра.

Следует напомнить, что технический проект предусматривал дальнейшее расширение производства продукции. После пуска завода в эксплуатацию корейские металлурги собственными силами увеличили производственную мощность многих цехов.

В настоящее время продукция цветной металлургии КНДР такова, что не только полностью удовлетворяются потребности страны в меди, цинке, свинце и других цветных металлах, но имеется возможность экспортировать их в значительных количествах в другие государства.

Еще до приезда в Корею я имел общее представление о работах, которые велись на Чхончжинском металлургическом заводе им. Ким Чака. Я знал, что при участии наших инженеров здесь в октябре 1954 г. была в короткий срок восстановлена коксовая батарея мощно-

*Пуск цеха по производству электролитического цинка на заводе в Нампхо.
Тов. Ким Ир Сен перерезает ленту*

стью 200 тыс. т кокса в год, что в апреле 1955 г. восстановлена первая доменная печь объемом 750 куб. м, а в конце 1955 г. сдали в эксплуатацию агломерационный цех мощностью 500 тыс. т агломерата в год, что восстановлены и реконструированы цехи по производству огнеупорных изделий, ремонтно-механический цех и заводская теплоэлектроцентраль.

Надо полагать, что путь восстановления этого завода был далеко не легким, но ко времени моего приезда в 1956 г. работа была уже частично закончена. Помню, как тепло коллектив Чхончжинского завода провожал на родину советских инженеров. Небезынтересно отметить, что в 1962 г. на Чхончжинском заводе было выплавлено 570 тыс. т чугуна, тогда как при японцах завод давал 150 тыс. т в год.

Советские специалисты участвовали в возрождении и Сончжинско-

го¹ сталелитейного завода. Здесь работы тоже велись корейскими строителями по советскому проекту².

В 1957—1959 гг. на Сончжинском заводе заново построен сорто-прокатный цех мощностью 120 млн. т стального проката в год, оснащенный современным оборудованием.

Реконструированный сталелитейный завод заметно отличается от старого. Достаточно сказать, что производство стальных слитков возросло в 1961 г. по сравнению с 1944 г. почти в 7 раз, а проката — более чем в 10 раз.

* * *

Советский Союз оказывал также помощь развитию в КНДР машиностроения путем поставок уникального оборудования для заводов, строившихся при содействии социалистических стран — Чехословакии, Венгрии, Румынии. В послевоенные годы в КНДР была создана мощная станкостроительная промышленность, способствовавшая быстрейшему восстановлению народного хозяйства республики.

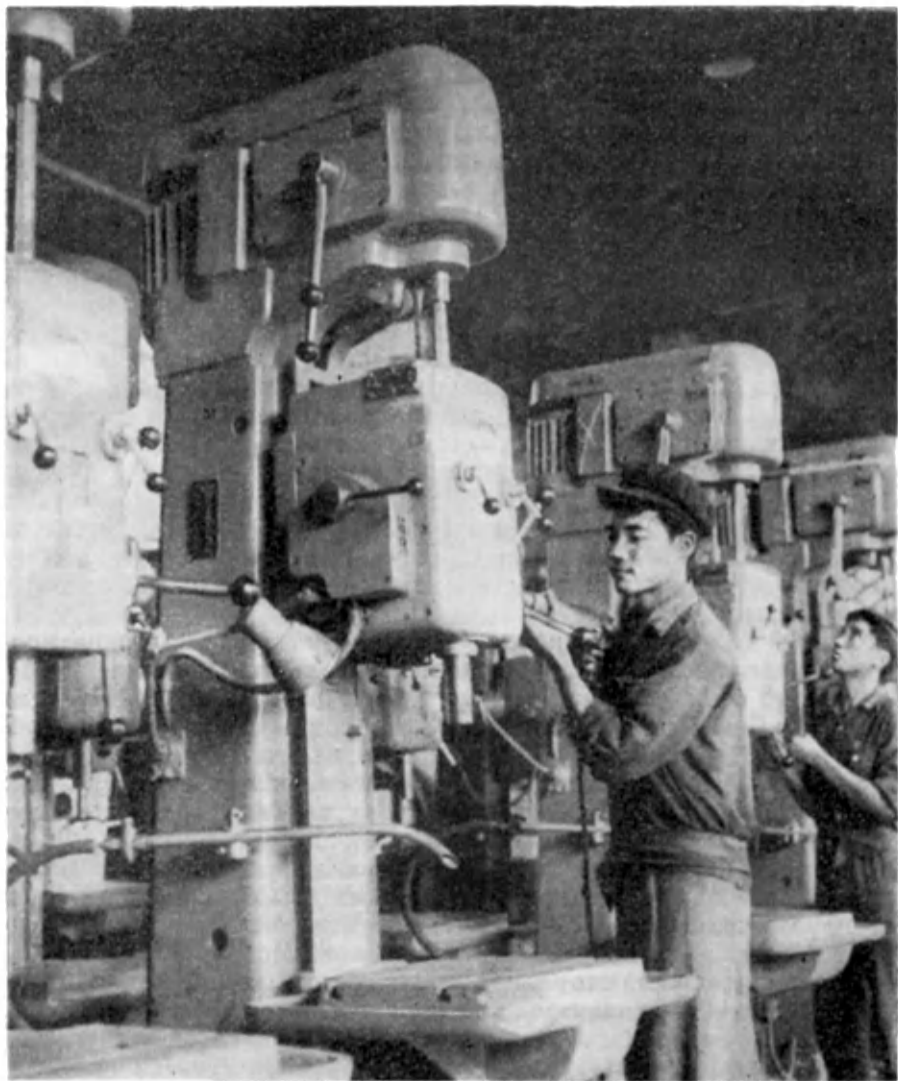
ХИМИЯ

Слово «Хыннам» в Корее произносят с особым уважением. Для корейца Хыннам — это богатые урожаи, перспективы развития сельского хозяйства. Дело в том, что в Хыннаме работает крупнейший в КНДР химический комбинат, в составе которого — широко известный во всей стране завод азотных удобрений.

Хыннам — древний город, основанный еще в XVI в. До войны его жители с гордостью показывали туристам памятники корейской архитектуры. Американская авиация не пощадила город: из каждых десяти домов было разрушено девять. Горькая участь постигла и Хыннамский химический комбинат. Его бомбили с особой настойчивостью. Завод был превращен в руины. Я впервые увидел Хыннам в начале 1956 г. Восстановительные работы шли уже полным ходом, и, как в других отраслях промышленности, здесь работали вместе с

¹ Город Сончжин переименован в Ким Чак.

² В короткий срок восстановлены электросталелитейный цех в составе 11 электропечей, кузнечно-прессовый, листопрокатный, сортопрокатный, проволоочный, обдирочный, термический и электродный цехи. Были восстановлены также газогенераторная станция, компрессорная, котельная, кислородная станция, литейный, механический, электроремонтный, известково-обжиговый цехи и цех по производству огнеупоров.

На станкостроительном заводе. Производство сверлильных станков

корейскими строителями и советские инженеры. Завод восстанавливался в течение четырех лет (1954—1958).

Еще в 1953 г. на Хыннамском заводе были пущены в эксплуатацию цехи по производству серной кислоты, графитовых электродов, хозяйственного мыла и аккумуляторов. В 1954 г. завод начал давать сельскому хозяйству суперфосфат, а в 1955 г. было налажено производство аммиака и сульфата аммония.

В целом за четыре года на Хыннамском заводе героическими усилиями трудящихся было восстановлено и построено 30 производственных цехов³.

Мне часто доводилось бывать в Хыннаме. Я видел, как много сил, изобретательности, энтузиазма вкладывали в восстановительные работы корейские рабочие, техники, инженеры.

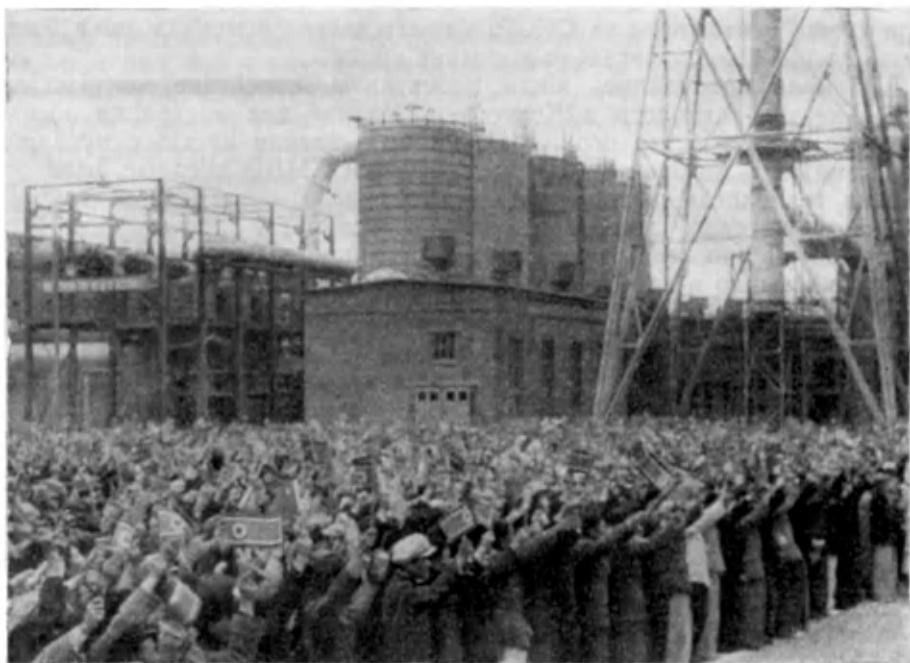
Нельзя было, конечно, идти в бой за сотни тысяч тонн химических продуктов со старыми методами работы. Советские специалисты внесли много ценных предложений, способствовавших быстрейшему выполнению строительных работ и освоению производства. Так, в 1958 г. инженер П. А. Звигунов предложил переключить колонны синтеза аммиака на более рациональную двухциклическую технологическую схему. Это предложение дало возможность вырабатывать с каждого агрегата синтеза 20—25 т аммиака в сутки вместо 18 т, в результате чего производственная мощность цеха увеличилась со 100 тыс. т в год до 160 тыс.

Каждый год приносил новые успехи, но разоренная страна молниеносно поглощала всю продукцию завода и требовала еще и еще. Необходимо было ускорять темпы строительных работ. В 1956 г. из Советского Союза по приглашению КНДР прибыла группа экспертов-инженеров. Они должны были установить наличие в стране запасов серного колчедана и подготовить предложения об объеме и характере дополнительной помощи Советского Союза для ускоренного завершения восстановительных работ.

Комиссия представила свои предложения. Хыннамский завод получил ряд дополнительных поставок из СССР. Он был введен в эксплуатацию в апреле 1958 г. — на восемь месяцев раньше намеченного срока.

В настоящее время этот завод дает в год свыше 120 тыс. т аммиака, что обеспечивает производство более 450 тыс. т азотных удобре-

³ В том числе цехи электролиза воды, разделения воздуха, синтеза аммиака, слабой азотной кислоты, аммиачной селитры, серной кислоты, сульфата аммония, электродный, аккумуляторный, фосфатного глинозема, а также ремонтно-механический.

Сдача в эксплуатацию завода аммиачной селитры Хыннамского химкомбината

ний. КНДР не только полностью прекратила импорт минеральных удобрений, но стала экспортировать их.

Новая химия Кореи создавалась новыми методами на многих химических промышленных предприятиях.

Народное хозяйство КНДР испытывало в послевоенные годы огромную потребность в соляной кислоте. Она требовалась для нужд пищевой, текстильной, металлургической и, наконец, химической промышленности. На Понгунском заводе был создан совершенно новый цех, производящий соляную кислоту по методу инженера Гаспаряна. Проект был передан Советским Союзом КНДР еще в 1953 г. Согласно этому проекту полностью использовались продукты хлора, получаемого при производстве каустической соды, а производительность цеха соляной кислоты составляла 10 тыс. т в год. Технологическое оборудование, материалы, контрольно-измерительная аппаратура бы-

ли также поставлены из СССР. Строительство и монтаж цеха были закончены в исключительно короткие сроки.

Немало потрудились наши проектанты, корейские монтажники и инженеры-технологи в Корее и в Москве для внедрения нового метода производства серной кислоты на заводе цветных металлов в Нампхо. В химической промышленности КНДР впервые была освоена технология производства серной кислоты на базе отходящих газов обжиговых печей цинкового концентрата. Проект цеха был разработан проектной организацией «Гипрохимпром» и осуществлен в Нампхо в апреле 1958 г. Цех производит в год 18 тыс. т серной кислоты (в пересчете на моногидрат)⁴. При цехе построены химическая лаборатория, преобразовательная подстанция, отделение газоочистки, ремонтная мастерская. Режим работы производственного оборудования регулируется приборами автоматического контроля с центрального пульта управления.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В 1956 г. было начато строительство крупнейшего в КНДР Мадонского цементного завода мощностью 400 тыс. т цемента в год. Завод построен по советскому проекту, разработанному «Гипроцементом». Он вступил в число действующих предприятий в феврале 1959 г., и в том же году была полностью освоена его проектная мощность.

28 советских специалистов под руководством инженера-строителя И. А. Маркина и технолога Скидан оказывали помощь в строительстве, монтаже оборудования, а также в освоении технологии производства цемента и в подготовке национальных корейских кадров.

Завод оснащен современным новейшим оборудованием, управление которым осуществляется с централизованного пульта.

По проекту, разработанному корейскими проектными организациями, при заводе построен рабочий поселок, в котором имеется более тысячи благоустроенных жилых помещений. Кроме того, построены клуб, больница, детские ясли, школы, магазины, столовые, библиотека, торговые помещения и др.

С помощью Советского Союза построен в Пхеньяне завод сборных железобетонных конструкций мощностью свыше 45 тыс. куб. м.

Вступил в строй действующих предприятий первый в КНДР фанерный завод в Килчжу, построенный в порядке безвозмездной по-

⁴ Моногидрат — 98-процентная серная кислота.

мощи Советского Союза. Его проектная мощность — 12 тыс. куб. м. клееной фанеры в год. Строительство завода велось ускоренными темпами. Так, закладка фундаментов его цехов началась в сентябре 1956 г., а в начале 1959 г. сооружение производственных зданий было уже закончено. В строй вступили главный корпус и склад готовой продукции, заготовительно-подсобный корпус, вспомогательный и сушильно-раскroечный корпус, склады пиломатериалов, древесных отходов и угля, котельная, насосная станция и др.

ЛЕГКАЯ И ПИЩЕВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Немало средств было вложено корейскими товарищами и в развитие легкой промышленности КНДР. Фактически ее пришлось создавать заново, ибо большая часть предприятий этих отраслей находилась на юге Кореи (там при японском господстве было сосредоточено почти 80% текстильных предприятий страны). Решать такую задачу своими силами было бы очень трудно и отняло бы много времени. И, как всегда, на помощь пришли братские страны.

В самой столице, за железным мостом через реку Тэдонган, в стороне от дороги Пхеньян—Саривон, раскинулись светлые корпуса текстильного комбината, который при проектной мощности 65 млн. м тканей в год производит в настоящее время свыше 100 млн. м. Здесь работают свыше 10 тыс. рабочих и более 300 инженерно-технических работников, многие из которых учились в Советском Союзе и других социалистических странах. Пхеньянский текстильный комбинат изготавливает хлопчатобумажные и штапельные ткани — бязь, миткаль, фланель, шерстянку, вельвет, пике, бумажную диагональ, брезент, обувную ткань, корд для автопокрышек, саржу, бельевой и верхний трикотаж, одеяла, полотенца и др. Население КНДР с большим нетерпением ожидало пуска комбината, и это станет понятным, если вспомнить, что испокон веков простой корейский народ шил свою одежду из кустарной, примитивно обработанной ткани. Текстильные предприятия, которые существовали в Корее раньше, производили главным образом шелк, малодоступный для трудящихся. Работали на этих предприятиях дети — «маленькие старички и старушки», за-контрактованные, точнее купленные, японскими вербовщиками у родителей за куль риса или несколько десятков иен. Они жили в тесных, душных общежитиях за высокими заборами, не имея права встречаться с родными и близкими. Многие из них умирали от туберкулеза, не достигнув зрелого возраста.

Я не мог не вспомнить всего этого, когда увидел светлые простор-

ные цехи, оснащенные новейшим оборудованием. И мне было особенно приятно сознавать, что техническая документация, по которой построены эти красивые сооружения, была разработана проектными организациями Советского Союза в содружестве с корейскими специалистами.

Как и все крупные предприятия Кореи, текстильный комбинат имеет свою историю. До войны 1950—1953 гг. существовала только прядильно-ткацкая фабрика. Американская авиация обрушила на это предприятие сотни бомб. Известно, что Пхеньян был для американских летчиков излюбленной мишенью. Очень скоро не стало ни действовавших, ни строившихся корпусов фабрики. В те тяжелые дни текстильщики проявили чудеса героизма. Они вырубили в каменистой почве убежища, где были укрыты станки и машины. И не просто укрыты: фабрика работала в подземелье три невероятно тяжелых военных года. Это был подвиг пхеньянских текстильщиков. Работая в тесных подземных цехах, они перевыполняли план.

После войны мужественные руки рабочих, спасшие машины от американских бомб, установили их в новых цехах. С каждым годом вступали в строй новые объекты. 2650 автоматических ткацких станков, прядильное оборудование на 60 тыс. веретен и различное вспомогательное оборудование были посланы корейским друзьям из Ленинграда, Москвы, Ташкента, Иванова и других городов.

В строительстве комбината, освоении технологии производства тканей, подготовке национальных кадров текстильщиков принимали участие более 180 советских специалистов. Они возвращались домой с сознанием честно выполненного интернационального долга, завязав крепкую дружбу с корейскими товарищами. А комбинат быстро рос и наращивал темпы производства. Если в 1954 г. было выпущено 5 млн. м тканей, то в 1960 г. — 110 млн. м.

При техническом содействии Советского Союза было построено и реконструировано много предприятий легкой промышленности. Например, в ноябре 1957 г. была введена в число действующих предприятий Пхеньянская красильно-отделочная фабрика мощностью 45 млн. м крашеных тканей в год. Уже в 1958 г. она достигла проектной мощности. Душой строительства фабрики был замечательный советский инженер И. П. Смирнов. Помню, с каким восторгом молодой коллектив фабрики встретил известие о награждении Ивана Петровича корейским орденом Государственного знамени 1-й степени.

В январе 1959 г. были закончены работы по реконструкции и расширению тепловой электростанции на Пхеньянском текстильном комбинате.

В цехе одного из строящихся предприятий

Строительство в Пхеньяне шелкопрядельной фабрики мощностью 10 тыс. веретен было начато в 1957 г. и закончено в феврале 1959 г. Уже в 1959 г. фабрика выработала 10,5 млн. м шелковых тканей. Ассортимент вырабатываемых тканей насчитывает свыше 30 наименований. На фабрике работают более 5,5 тыс. человек.

В 1960—1963 гг. в Хесане корейские друзья построили и ввели в эксплуатацию первую в стране льнопрядельную фабрику мощностью 15 тыс. веретен. В 1965 г. намечается ввод в эксплуатацию льноткацкой фабрики.

Наконец, в 1964 г. начато строительство шерстяной прядельноткацкой фабрики в Хамхыне мощностью 12,5 млн. м тканей в год.

Я приношу читателю извинения за обилие цифр, но без них нельзя. Это ведь не простая статистика — это живая диаграмма трудового героизма и братской дружбы.

Для новых жилищ нужна мебель, и в Пхеньяне в 1955—1957 гг. была построена первая в КНДР механизированная мебельная фабрика. За короткий срок было сооружено семь больших корпусов. 22 октября 1957 г. фабрика была введена в эксплуатацию, а через 9 месяцев уже была полностью освоена ее проектная мощность. Это крупное предприятие с поточной организацией производства различной мебели и столярных изделий.

В пищевой промышленности КНДР тоже поработали наши товарищи. Проектная мощность Пхеньянского мясокомбината — 1 тыс. т колбасных изделий и 1 тыс. т мясных консервов в год. Мясокомбинат оснащен новейшим технологическим оборудованием. В цехе, изготовляющем жестяные консервные банки, установлено различное автоматическое оборудование. На комбинате построен также цех по производству искусственного льда, смонтирована мощная холодильная установка.

Можно было бы рассказать о рыбоконсервном заводе в Симпхо, о пограничном железнодорожном мосте «Дружба», о Пхеньянской городской больнице на 600 коек, о Пхеньянской радиостанции мощностью 300 квт, об электрификации ряда железнодорожных участков.

Остановлюсь вкратце на работе, проведенной в Корее советскими геологами. В КНДР были направлены три геологические экспедиции, работавшие вместе с корейскими геологами.

Первая экспедиция по просьбе корейских организаций занималась выявлением перспектив трех месторождений: свинцового Менми, вольфрамового Кохсан и медного Хучан. Геологи подсчитали запасы этих месторождений. Кроме того, проведенная работа в значительной степени способствовала выяснению перспектив развития в КНДР гор-

норудной промышленности и помогла корейским друзьям наметить первоочередные объекты для разведочных и эксплуатационных работ.

Вторая экспедиция продолжала поисково-съёмочные геологические работы. В 1958 г. по просьбе правительства КНДР срок ее работы был продлен еще на два года.

В июне 1960 г. в КНДР была направлена на два года третья экспедиция. В ее задачи входило наряду с поисковыми и съёмочными работами оказание помощи в подготовке геологических кадров. В настоящее время корейские специалисты самостоятельно выполняют геологопоисковые и съёмочные работы.

Успехи КНДР в деле восстановления страны бесспорны и значительны, но предстоит сделать еще очень много. И, как всегда, советские люди остаются верными и надежными помощниками и друзьями корейского народа.

* * *

Годы, годы... «Сколько вам весен и осеней?» — почтительно спрашивали меня в Корее, когда кому-нибудь хотелось узнать мой возраст. Немало весен отшумело с тех лет разрухи, которые я провел в Корее. Зарубцевались раны войны на корейской земле, и давно уже немальчишки товарищи моего сына, гонявшие когда-то с ним шайбу по замерзшей луже.

Их отцы никогда не забудут ужасов войны. И мы вместе с ними хотим, чтобы нынешняя корейская молодежь не пережила таких страшных дней и ночей, хотим, чтобы не рвались снова бомбы на земле Кореи, чтобы ее народ жил мирно и счастливо, чтобы из года в год возрастало его благосостояние.

В. С. Замахаяев,

в 1956—1958 гг. инженер-консультант по водному хозяйству Центрального проектного института министерства электроэнергетики КНДР

Н. В. Пучкова, географ

ГЛАЗАМИ ДРУГА

Когда мы приехали в КНДР, со времени заключения перемирия прошло меньше трех лет, но героический корейский народ с экономической помощью Советского Союза и других братских стран уже успел залечить самые тяжелые раны. Мирная жизнь была налажена, однако работы было еще очень много, в том числе и в области электроэнергетики.

К началу 1957 года выработка электроэнергии в стране составляла 86 процентов от уровня довоенного 1949 года. Объем же валовой продукции промышленности увеличился по сравнению с 1949 годом почти вдвое. В это время народное хозяйство КНДР еще не испытывало недостатка в электроэнергии. Дело в том, что химическая промышленность, бывшая основным потребителем электроэнергии, давала тогда меньше продукции, чем в 1949 году.

Однако в ближайшем пятилетии (1957—1961) положение должно было резко измениться. Пятилетний план развития народного хозяйства предусматривал ускоренное развитие энергоемких производств — синтеза аммиака, электровыплавки стали, электролиза цветных металлов, а также других отраслей промышленности, резкий подъем сельского хозяйства. Поэтому требовалось значительное увеличение выработки электроэнергии.

Корея — страна гор, солнца, рисовых полей и гидроэнергетики. Все это отражено в государственном гербе КНДР: золото рисовых колосьев, уходящие вдаль сопки, река и водосливная плотина, здание электростанции и опора высоковольтной передачи, а над всем этим, как солнце, — пятиконечная звезда и от нее лучи. В те годы, когда

мы были в КНДР. гидроэнергетика была решающим звеном. Тем звеном, за которое, по ленинскому тезису, следовало ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь задач, стоявших перед народным хозяйством молодой республики.

Об этом говорилось в Москве. Об этом говорили корейские товарищи в день нашего приезда в Пхеньян. Об этом говорилось и на следующий день — на приеме, устроенном министерством электроэнергетики КНДР по случаю годовщины Великой Октябрьской революции.

Надо было в кратчайший срок закончить восстановление и начать планомерное расширение энергетической базы для развивающейся многоотраслевой промышленности новой Кореи, для нужд сельского хозяйства, для бытового потребления.

Коллективу Центрального проектного института министерства электроэнергетики КНДР предстояло выполнить большую работу по проектированию новых и восстановлению разрушенных гидроэлектростанций. В эту работу включились и советские инженеры.

* * *

Новая Корея. Страна, вступившая в единую семью социалистических государств. Мы видели ее жизнь. Будни, заполненные упорным, мужественным трудом. Будни со всеми их трудностями, заботами, а подчас и лишениями.

В стране царил трудовая атмосфера, созвучная героике первых советских пятилеток. И нашим специалистам предстояло вместе с корейскими товарищами повторить этот трудный путь.

Не скроем, было приятно сознавать, что советские люди участвуют в этой, образно говоря, симфонии труда. Труд созидательного. Труд, несущего корейскому народу обновление и прогресс.

Участвовать в решении столь важной задачи, как создание электроэнергетической базы молодой республики, было нелегко. И не только потому, что задача эта сама по себе сложная. Надо было привыкнуть к новому коллективу. Сработаться, как принято говорить. Это даже дома, на родине, требует времени. А здесь предстояло не просто «подключиться» к работе, не только передать свой опыт, но и содействовать подготовке инженерно-технических кадров, в которых ощущался большой недостаток. Советским специалистам приходилось читать лекции, вести семинарские занятия. Учились корейские коллеги с большой охотой, даже с рвением. Они систематически изучали советскую техническую литературу.

Советские специалисты оказывали также содействие в разработке энергетического раздела пятилетнего плана развития КНДР на

1957—1961 годы. Нужно было определить потребность в электроэнергии, учитывая рост промышленного и сельскохозяйственного производства, намечавшийся на ближайшее пятилетие. Затем, прежде чем наметить объем нового строительства, необходимо было определить возможность увеличения выработки электроэнергии на уже действовавших станциях.

Что значит повысить выработку электроэнергии на действующей станции? Это значит дать больше воды на турбины. А откуда ее взять — воду? Увеличить емкость водохранилища? Перелить воду из соседнего речного бассейна?

Чтобы принять правильное решение, приходилось вести большую скрупулезную работу по изучению реки, на которой находится гидроэлектростанция.

Реки в Корее капризные. Своенравные. Большую часть года они несут сравнительно мало воды, а в период летних дождей превращаются в мощные потоки. Бурные. Мутные. Дождевые воды стремительно скатываются с горных склонов, зачастую смывая и почвенный покров, устремляются в реки, переполняют их и вызывают бурные паводки. «Усмирить» такие реки, а потом заставить работать — дело сложное.

А между тем задача была еще сложнее, еще шире: не просто заставить реку работать, а найти решение, которое было бы наиболее эффективным.

В связи с этим хочется привести один пример — каскады гидроэлектростанций Хоченган и Пученган. Каждый из них включает по несколько водохранилищ. При восстановлении каждого каскада нужно было разработать план (диспетчерский график) наиболее выгодной работы всей группы водохранилищ.

У японцев существовали правила эксплуатации этих каскадов, выработанные на основании длительного опыта и закреплённые в инструкциях. Однако инструкции были уничтожены в расчете на то, что без них не так просто будет найти пути эффективного использования водохранилищ: самим японцам потребовалось на это немало времени.

Чтобы в короткий срок отыскать наилучшее решение плана совместной работы водохранилищ, пришлось много потрудиться и корейским товарищам и нам. После многих вариантов расчетов удалось не только разработать наиболее эффективный план работы водохранилищ, но и наметить пути реконструкции каскадов и увеличения выработки электроэнергии. В частности, каскад Хоченган теперь дает электроэнергии больше, чем при японцах.

Вода в Корее — главный энергетический ресурс. Поэтому, конечно,

было важно определить потенциальные возможности гидроэнергетики вообще, и на ближайшее будущее, в частности.

Для изучения гидроресурсов потребовалась организация широкой сети стационарных пунктов наблюдений на реках КНДР. Это было совершенно необходимо, потому что при проектировании гидроэлектростанции важно располагать по возможности наиболее точными количественными данными, характеризующими сток воды в реке в разные сезоны и в разные годы. В такой горной стране, как Корея, эта точность количественных характеристик должна быть повышенной, потому что большинство гидроэлектростанций работает при очень высоком напоре воды. Каждый дополнительный ежесекундный литр воды дает вполне ощутимую дополнительную выработку энергии.

Выяснилось, например, что в свое время японские фирмы, занимавшиеся проектированием и строительством гидроэлектростанций в Корее, не сумели довести до конца строительство на некоторых реках. Например, на реке Томноган (притоке Амноккана) плотину принимались строить несколько раз. И всякий раз безрезультатно. Детальное изучение сохранившихся проектных материалов показало, что причиной неудач была недооценка японскими инженерами силы паводков на корейских реках, в частности на Томногане.

В результате совместной работы корейских и советских специалистов гидроэлектростанция на этой реке построена.

Корейские товарищи добились больших успехов в изучении гидроресурсов. Уже к 1958 году был решен вопрос о строительстве нескольких новых гидроэлектростанций.

Сжатые сроки и многоплановая работа требовали большого напряжения сил. И, конечно, физической бодрости, которая не в последнюю очередь зависит от внешней обстановки и даже от климата, от погоды. А ведь зимой и в рабочих помещениях и дома не всегда было достаточно тепло. Ничего не поделаешь: страна переживала трудное время. Трудно приходилось непривычному жителю средней полосы летом, особенно в период чанма — «сливовых дождей», совпадающих со временем созревания слив. Сплошная низкая облачность. Кажется, небо висит где-то над самой головой. Бывает, дождь льет два-три дня не прекращаясь.

Иногда на смену дождю приходит густая пелена тумана. Горные долины, прибрежные равнины, городские улицы — все заполнено совершенно белым, как вата, туманом. Кажется, его можно резать на куски. Но вот выглянуло солнце, туман быстро рассеивается... А через несколько часов на землю льются новые потоки дождя.

...Но были не только будни. Были праздники. Советские и корейские. Были воскресные дни.

Долгим корейским летом мы проводили эти дни за городом. На берегу Тэдонгана или водохранилища.

Зимой часто бывали в театрах. Видели корейский национальный балет, слушали национальную оперу, для которой характерны сказочные, героические сюжеты. Не раз посещали и симфонические концерты. В репертуаре было много произведений русских композиторов, западноевропейских классиков.

Пхеньянцы проявляют очень большой интерес к театру, кино, концертам. Зрительные залы всегда переполнены людьми всех возрастов. Спектакли, концерты идут при абсолютной тишине. Кажется, зал затаил дыхание, забыл обо всем на свете, видит и слышит лишь то, что происходит на сцене.

Хочется рассказать о двух пхеньянских театрах, находящихся на горе Моранбон. Один из них наземный, другой подземный.

Широкая, в несколько маршей лестница полого поднимается по южному склону горы. Она заканчивается обширной площадкой. Здесь, по соседству с огромными белыми акациями, растут маленькие, похожие на грибы, пинии. В струях фонтана играют дети, изваянные из камня. И всюду цветы.

Белое здание театра тонет в зелени. Его линии, пропорции характерны для построек национального стиля. Центральный вход в театр скрыт колоннадой. Железная крыша повторяет контуры традиционных черепичных крыш.

Впервые театр был построен вскоре после освобождения. Во время войны 1950—1953 годов он был разрушен воздушными бомбардировками. И тогда рядом с ним создали подземный театр на 800 мест. Теперь это уже памятник — свидетель событий исторических, хотя происходили они не в далекой седой старине, а совсем недавно.

Когда мы были в КНДР, подземный театр продолжал работать. Его так и называли — подземный театр. Как и во время войны, здесь ежедневно шли спектакли, давались концерты. И неизменно при полном зале.

Вход в него расположен рядом с восстановленным зданием наземного театра. После небольшой лестницы, коленом идущей вниз, начинается широкая лестница-тоннель, освещенная электрическими лампочками. Она приводит в фойе, опоясывающее зрительный зал с рядами деревянных кресел, люстрами и занавесом, скрывающим сцену. Все как во всех театрах. Необычен лишь вход в него, как

Около здания музея на горе Моранбон. Пушки, снятые с корабля «Генерал Шерман»

необычно было и строительство. Сколько надо было вынуть, поднять наверх и вывезти камня, если театр занимает площадь в 1352 квадратных метра! И это под бомбами. За три месяца.

В фойе мы обратили внимание на полуоткрытую дверь. Оттуда тянуло прохладой. За дверью оказалась почти отвесная штольня. Далеко вверху было видно круглое отверстие, казавшееся снизу очень маленьким. Из него шел свет, едва доходивший донизу. Зачем была пробита эта штольня? Очевидно, для вентиляции.

Было бы ошибкой, рассказывая о театрах, построенных на Моранбоне, ничего не сказать об этом небольшом горном массиве, точнее о сопке, имеющей несколько вершин.

Думается, Морабон был и остается для корейца тем, что принято называть священным местом. Очевидно, именно поэтому корейские товарищи, знакомя нас с Пхеньяном, прежде всего предложили побывать на Моранбоне.

«Моранбон» в переводе звучит несколько неожиданно — «гора

Пион». Кореец — мечтатель. Он любит поэтично-иносказательные названия. Нередко они проликутны глубоким смыслом. Вероятно, Моранбон для него подобен пионам — ярким нежным цветам, всегда таящим прохладу в глубине своих лепестков.

Склоны и вершины Моранбона заросли вековыми деревьями. В аллеях старого парка густая спасительная тень даже в знойный полдень. Под сенью традиционных павильонов в самый душный день веет легкий ветерок, несущий приятную прохладу.

С Моранбона на город смотрят исторические постройки, памятники. Отлично вписанные в окружающий пейзаж, они придают ему живописную законченность, внушительность.

Предание гласит, что у крепостных стен Моранбона не раз складывал свое оружие побежденный враг. На Моранбоне 9 сентября 1948 года была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика. Здесь сооружен обелиск Освобождения — Хэбантхап. Это вечная память советским людям, одетым в шинели, которые в незабываемом 1945 году отдали свои жизни на корейской земле за свободу корейского народа. Хэбантхап виден в Пхеньяне стовсюду.

Корейские товарищи, показывая нам Пхеньян, прежде всего повезли нас сюда, к обелиску Освобождения. Это было 7 ноября. Букеты, венки, гирлянды живых цветов украсили в этот день монумент, подчеркнув строгую красоту его.

На Моранбоне всегда многолюдно. А в воскресные дни здесь собирается буквально весь Пхеньян. С раннего утра начинают стекаться жители со всех концов города. Идут целыми семьями со стариками и детьми. Летом идут на весь день, захватив с собой еду.

Корейцы дорожат своей историей. Гордятся ею. И очень бережно хранят исторические реликвии. Последняя война уничтожила многое. Тем дороже им уцелевшее.

Побывать на Моранбоне считает своим долгом каждый, кто приезжает в Пхеньян из провинции. Он идет посмотреть на древние крепостные стены, побродить по тенистым дорожкам, посетить Исторический музей. Перед зданием этого музея — пушки с американского пиратского корабля «Генерал Шерман», который в 1866 году пытался прорваться к Пхеньяну и был сожжен.

Самую высокую вершину Моранбона венчает павильон под массивной черепичной крышей. Ее держат мощные деревянные колонны. Карнизы, тоже из деревянных балок, украшены несложной резьбой и яркой росписью. Павильон как бы заполняет угол, образованный каменной стеной старинной кладки. Это остатки крепостной стены, смотрящей бойницами вдаль. Как и в старину, на дальних подступах к городу в легкой дымке тонут цепи гор. Из-за ближних сопот выполнен-

зает широкая серебряная лента реки Тэдонган. Проскользнув через город, река теряется в сизом море, за которым прячется западный берег и омывающее его мутное Желтое море.

Это место приятного отдыха становилось в военное время центром борьбы с иноземцами.

Пхеньянская крепость считается одной из самых древних в стране. Первый бастион, Ыльмилдэ, был построен еще в 246 году на самой высокой вершине Моранбона — Ыльмил. Затем были поставлены бастионы и на других вершинах. На протяжении веков крепость несколько раз перестраивалась.

От крепостных укреплений сохранилось немного. Уцелела часть северной стены с воротами. Эти ворота носят название Чхильсонмун — ворота Семи звезд. По-русски лучше сказать — ворота Большой Медведицы. Впервые они были построены в 247 году, впоследствии несколько раз перестраивались. А в 1712 г. над ними был поставлен павильон традиционной архитектуры: деревянные колонны и на них черепичная крыша.

Шагаешь по каменным плитам лестницы, ведущей из-под гулких сводов Чхильсонмуна к подножию горы, и видишь крепостные стены, которые высятся, как и в далекие времена нашествия киданей, монгольских орд, маньчжур. Время, конечно, наложило свою печать. Между огромными камнями, из которых сложена стена, зеленеет травка, кое-где прилепился кустарник, а там, глядишь, и вода сочится меж камней. Но это не развалины, а хорошо сохранившаяся часть крепостной стены. Мощные крепостные стены, достигающие девяти метров высоты, когда-то служили пхеньянцам надежной защитой. И не только пхеньянцам. Северная часть крепости не застраивалась, и в военное время здесь укрывались жители окрестностей города.

Сохранилась и часть восточной стены. Остатки ее поднимаются над крутым восточным склоном Моранбона. Заглянешь в амбразуру, и голова закружится при виде почти отвесного обрыва Чхоннюбек, густо, как щетка, заросшего лесом. Далеко-далеко внизу течет Тэдонган.

Спустившись с южного склона, крепостная стена шла по берегу Тэдонгана. От этой части стены сохранились только ворота — самые большие ворота Пхеньяна. Через них шла дорога на Сеул. Впервые эти ворота были построены очень давно — в 228 году — и названы Тэдонмун по имени реки, на берегу которой они стоят. Павильон над этими воротами имеет двухъярусную крышу и отделан кружевной резьбой по дереву.

У подножия восточного склона Моранбона теперь проходит асфальтированная дорога, прижатая скалами Чхоннюбек к Тэдонгану.

Вдоль дороги выстроились плакучие ивы. Их ветви склонились к водам реки. На одной из скал стоит павильон Енгванчжо, построенный 850 лет назад.

Если идти по берегу вдоль обрыва Чхоннюбек, то в его скалах видно множество дверей, ведущих в подземные помещения. За ними скрывается история недавней подземной жизни горсда.

Во время войны 1950—1953 годов Пхеньян был превращен бомбежками в пепелище. Тогда город врылся в землю и продолжал жить, работать, сражаться. Под землей заводы выпускали продукцию для фронта. Под землей дети учились в школах. Под землей работали медицинские учреждения. Заброшенному бомбами городу грозили эпидемии. Срочно была организована противоэпидемическая служба, успешно справившаяся со своей задачей.

...Как-то нас пригласили на республиканский смотр художественной самодеятельности. Корейцы не только любят, не только ценят музыку. Они тонко ее чувствуют и умело передают. Не зная корейского языка, понимаешь, о чем поют они, что волнует певца или певицу. Очень выразительные и национальные танцы. А аккомпанемент национальных инструментов, главным образом струнных щипковых, звучит гармонично, усиливая, углубляя смысл песни и танца.

Без песен и танцев в Корее не обходится ни одно торжество, общественное или частное — все равно. Поют и танцуют в дни народных праздников на городских площадях и улицах. Неторопливый темп танца, размеренные ритмичные движения, плавные, изящные жесты рук — все это при вечернем праздничном освещении выглядит очень живописно.

Национальные танцы всегда исполняются и во время праздничных демонстраций. Яркие костюмы юношей и нежные тона женской одежды делают эти танцы запоминающейся деталью народных шествий.

...Мы неизменно получали приглашения на праздничные демонстрации 1 мая и 15 августа — День освобождения, который давно уже стал в КНДР национальным праздником.

Демонстрации красочные, нарядные. Море цветов. Празднично настроенные люди. Они стекаются со всего города к площади Ким Ир Сена. Дружные тысячеголосые возгласы «мансе!», как порывы ветра, следуют один за другим.

В эти праздники мы ранним утром стояли на трибунах для гостей. Смотрели на проходящие колонны демонстрантов и не могли не аплодировать этой радостной, яркой, многотысячной людской волне.

Корейские товарищи любят рассказывать о своей стране. О ее исторических памятниках. Они не раз говорили нам:

— Вы непременно должны побывать в Кэсоне. Вы увидите один из самых древних городов не только Кореи, но и всего Востока. Увидите город исторических памятников. Их теперь уже немного, но они сохранились с очень давних времен. Увидите город, в котором за 40 лет японцам не удалось продать ни одного гвоздя, ни одного метра ткани — ничего.

К тому же это единственный город Северной Кореи, сравнительно мало пострадавший во время последней войны¹. Следовательно, только там мы можем получить представление об облике древних городов Кореи. И потом Кэсон — город, который в 1951 году стал известен всему миру: 10 июля здесь начались переговоры о перемирии. И только несколько позже, как известно, ведение переговоров было перенесено в Панмыньчжон, расположенный близ Кэсона.

А в окрестностях города можно увидеть, как растет таинственный женьшень.

Был конец августа. Дожди кончились. Стояла жаркая ясная погода. Поезд пришел в Кэсон рано утром. Город встретил нас синим прозрачным небом, ослепительным солнцем и утренней прохладой.

Красоту корейского утра передать очень трудно. Ее надо увидеть, прочувствовать. Воздух удивительно свежий, чистый, прозрачный. Даже в таком большом городе, как Пхеньян. Кажется, рукой достанешь лучи восходящего солнца, посылающего на землю непередаваемо нежный свет. В такие часы понимаешь, почему страна называется «Чосон».

В переводе это короткое корейское слово звучит поэтично и длинно: «страна утренней свежести» или «страна утреннего спокойствия». Корея находится в области муссонов. Ветры дуют над ней зимой, летом, осенью и особенно весной. Дуют с разной скоростью и в самых различных направлениях. Только в ранние утренние часы над Кореей неизменно царит полное безветрие, торжественная тишина и покой. Очевидно, желая подчеркнуть эту очень характерную особенность корейской природы, древние обитатели страны и дали ей название «Чосон». И чосон-сарам (кореец) свято чтит это название, данное стране его далекими предками.

¹ Кэсон лежит южнее 38-й параллели. По соглашению о перемирии он отошел к КНДР, а часть Алмазных гор, лежащая несколько севернее 38-й параллели, отошла к Югу.

Прямо с вокзала мы поехали смотреть панораму города сверху, со склона горы.

Машина шла по нешироким улицам Кэсона, очень чистым и зеленым. Как нам не раз гозорили, Кэсон всегда славился чистотой и зеленью. Дорога все время шла с небольшим подъемом. Скоро воздух утратил утреннюю свежесть. Солнце потеряло свой ослепительный блеск. Вдали над сопками повисло марево. С каждой минутой становилось жарче.

Все круче подъем. Дорога начала петлять. Вот машина миновала последний поворот и вышла на обширную ровную площадку, кое-где поросшую травой. Это сачжон — стрельбище. Здесь много веков подряд кэсонцы упражнялись и состязались в стрельбе из корейского лука, имеющего роговое крепление. Это очень древний, широко распространенный в Корее национальный вид спорта. И сейчас в Северной Корее повсеместно проводятся весной и осенью традиционные соревнования в стрельбе из лука. Стрельба ведется по мишени с расстояния 144 метров.

Мы стоим на краю обрыва. Отсюда город как на ладони. Он лежит глубоко внизу, окруженный сопками. Город растет. Он уже начал подниматься амфитеатром на пологие склоны. Преобладают постройки и здания современного типа. На их фоне резко выделяется уцелевшая старая часть города. Тесно прижатые друг к другу домики под очень тяжелыми черепичными крышами. Маленькие внутренние дворiki, в которых нет ни одной травинки, но непременно растет либо куст хризантем, либо мугунхвы, цветы которой похожи на нашу мальву.

Отправляясь в Кэсон, мы знали, что едем смотреть как бы два города: современный — за ним будущее, и древний — он принадлежит прошлому. Прошлое это ограничено периодом далеко не малым. Пятьсот лет — с начала X до конца XIV столетия — Кэсон был столицей Кореи, ее главным культурным центром и очень большим городом².

Это был период Корё — период расцвета корейской культуры, больших достижений в области архитектуры, живописи, ремесел, прикладного искусства. От Кэсона этого периода осталось немного. Уцелели южные ворота древней крепостной стены — Намдэун. Общая длина городской стены Кэсона достигала 15 километров. В стадину, в военное время, под надежным прикрытием крепостной сте-

² Сейчас в Кэсоне около 65 тысяч жителей. Здесь все — как и в других городах КНДР, — школы и вузы, театр и кинотеатры, промышленные предприятия и строительные организации.

Каменные воины у гробницы короля Кон Мина близ Кэсона

ны спасались не только жители Кэсона, но и обитатели его окрестностей.

Ворота Намдэмуна впервые были построены в X веке. Деревянный павильон над воротами отделан резьбой и росписью. В павильоне хранится колокол. Это один из лучших старинных образцов корейского литейного искусства. Он отлит в 1346 году. Высота его — 3,3 метра, диаметр — 1,7 метра, толщина — 25 сантиметров, высота ушка — 70 сантиметров. Утром колокол возвещал о начале движения в городе. Мелодичный звон растекался по окрестностям города, усиливая торжественность корейского хрустального утра. Стража открывала городские ворота — южные, северные, восточные, западные. По вечерам, как будто сгущая темноту, колокольный звон снова плыл над застоявшимся воздухом узких улочек. Запирались городские ворота. Вечерний звон отдавал городские улицы на два часа в полное распоряжение женщин высших сословий. Это было время их прогулок в сопровождении служанок, которые несли фонари, освещая дорогу своим господам. Исходили два часа, и улицы совершенно пустели. До утра больше никто не выйдет за ворота своего дома. До утра стража никого не впустит в город.

В восточной части города сохранился гранитный мост Сончжукё, тоже построенный в период Корё. Над ручьем Сончукхон грустно склонили ветви плакучие ивы. Журчат тонкие струйки фонтанов. На узких, чисто подметенных улицах лежит полосатая тень вековых сосен. Вот и мост. На одной из серых гранитных плит видно темное, как запекавшаяся кровь, пятно. Говорят, после дождя оно становится кроваво-красным.

С пятном на мосту Сончжукё связано предание. При падении династии Корё один из сановников, Чон Мон Чжу, якобы отказался покориться узурпатору Ли Сон Ге. Однажды на мосту непокорного вельможу подкараулил убийца, подсланный сыном нового короля — Пан Воном. Кровь Чон Мон Чжу обатрила гранит моста, а дух убитого не покидает этих мест, взывая к мщению. Предание сделало Чон Мон Чжу народным героем. В 1614 году корейский король поставил памятник для успокоения духа убитого. Памятник сохранился. Две огромные черепахи, высеченные из серого камня, вот уже четвертую сотню лет докоются по сводам деревянного павильона, украшенного резьбой и яркой национальной росписью. В Корее черепаха — символ долголетия. Памятник был поставлен напротив моста, а легенда о нем получила продолжение. Она гласит, что по памятнику постоянно текут слезы и, значит, дух убитого продолжает взывать к мщению. В 1780 году мост Сончжукё был обнесен оградой, высеченной из серого гранита. Ограду поставил потомок убитого — Чон Хо Ин. Рядом для пешехо-

дов был построен другой мост, тоже сохранившийся до наших дней.

Есть еще один памятник эпохи Корё — гробница короля Кон Мина и его жены, расположенная в 32 километрах к юго-западу от Кэсона. Она строилась с 1365 по 1372 год. По преданию, Кон Мин три года оплакивал смерть жены, уединившись с ее портретом в своих личных покоях. Когда истек срок траура король — талантливый художник — взялся лично руководить постройкой гробницы.

На зеленом склоне горы высятся рядом две очень большие зеленые могилы, подобные курганам. Они расположены на верхней площадке огромной лестницы, спускающейся к подножию солки. Площадки украшены каменными фигурами воинов. Неширокие каменные марши в несколько ступенек ведут с одной площадки на другую. Гробница оставляет впечатление грандиозного сооружения и великолепного архитектурного ансамбля.

Осмотрев исторические памятники Кэсона и его окрестностей, мы поехали на плантацию женьшеня. Жара. Пыль. Сложное сплетение шоссейных и грунтовых дорог. Но вот и одна из плантаций. Обширное поле, обнесенное плетнем. Калитка. От нее неширокая прямая дорожка через все поле. По обе стороны от дорожки длинные гряды, закрытые невысокими навесами из тонких прутьев. Ширина гряд около метра. Все они ориентированы с запада на восток, строго параллельны. Крыша навеса наклонена в сторону северной стенки. Земля на грядах очень темная, похожа на чернозем, и влажная. В тени под навесом — невысокие (50—60 сантиметров), очень зеленые и пушистые кустики. Это и есть женьшень.

На наш вопрос о навесах, сотрудница, знакомившая нас с плантацией, ответила, что женьшень, как человек, не любит ни прямых обжигающих лучей солнца, ни дождя. Вот его и защищают от них.

Слово «женьшень» (по-корейски «инсам») в переводе означает «корень жизни» или «человек-корень». Это реликтовое многолетнее растение семейства аралиевых, родственного зонтичным.

Корень женьшеня иногда отдаленно напоминает фигуру человека. Это дало народам Востока повод с очень давних времен считать женьшень чудодейственным лекарственным растением и породило множество легенд о нем. Одна из корейских легенд рассказывает о том, что бездетный человек молился в лесу о даровании ему ребенка. Лесной дух даровал человеку странный плод. Из него выросло растение, корень которого походил на тельце ребенка. Целебные свойства корня принесли человеку счастье — он стал отцом.

В Корее нам неоднократно говорили, что если отваром женьшеня, особенно дикорастущего, в течение определенного времени поить ребенка, то он вырастет исключительно здоровым человеком.

Целебные свойства дикорастущего женьшеня в Корее стали известны примерно 1300 лет назад. За дикорастущий корень платили баснословно высокие цены. Появились специалисты-сборщики. Поиски и нахождение корня сопровождалось исполнением ритуальных религиозных обрядов. Запасы дикорастущего женьшеня быстро сокращались, так как возобновление женьшеня в естественных условиях происходит крайне слабо. Тогда возникла идея искусственного выращивания «корня жизни». Нам рассказали, что кэсонские плантации женьшеня существуют уже около шести столетий. Корень, выращенный на плантациях, ценится значительно ниже, чем дикорастущий. Он считается получившим целебные свойства только после шести лет тщательного ухода. Размер корней различный. Наиболее крупные экземпляры достигают четверти метра в длину. Толщина корней обычно не более восьми сантиметров.

Созревшие корни помещают в специальные парильные установки, затем их высушивают на солнце или в специальных печах. Теперь их упаковывают в целлофановые пакеты и укладывают в специальные деревянные ящички. В таком виде женьшень поступает на внутренний рынок и вывозится за границу. До 1950 года Корея экспортировала ежегодно до 600 тонн культивированного корня. Экспорт шел не только в страны Восточной Азии, но также в Америку и Европу.

Благодарим любезную сотрудницу за внимание и интересные сведения. Покидая плантацию женьшеня, мы говорим, как, вероятно, трудно было найти способ культивирования этого растения далеких геологических эпох: так не похож он ни на один известный способ возделывания растений.

Солнце печет немилосердно, вызывая желание спрятаться в тень, подобно женьшеню. Наш переводчик, тов. Пак, предлагает поехать на водопад Пакъён, где кэсонцы любят проводить воскресные дни. Пакъён — один из самых больших водопадов Кореи, он находится в 28 километрах от Кэсона.

Все дальше в небо уходят горы. Все круче подъем. На зеленом фоне четко выделяется желтая лента дороги, змеей ползущая вверх. Впереди, над перегретой дорожной пылью, зыбко струится горячий воздух. Далеко внизу на придорожных кустах медленно оседает пыль, клубами летящая из-под колес. Но вот у горного ручья дорога обрывается. Шофер прячет машину в тень. Переходим по камням ручей и попадаем на довольно широкую тропу. Она ведет круто вверх через густые заросли кустарников. Кое-где поднимаются высокие стройные сосны. Вскоре начинаем различать шум водопада. Тропа ныряет вниз, деревья расступаются, и нашим глазам открывается незабываемо живописный уголок природы. Крутые, густо заросшие

лесом склоны амфитеатром поднимаются над небольшим озером Комодам. С отвесной каменной стены, с высоты 35 метров, широким потоком низвергается в озеро вода. Чем ближе к водопаду, тем глубже озеро. Об этом говорит меняющийся цвет воды: от совершенно прозрачной у берега до изумрудно-зеленой в том месте, где водопад и озеро сливают свои воды в холодном кипении.

Над озером поднимается массивная Драконова скала. На ее вершине сидят любители острых ощущений. Они забрались туда погреться после бодрящего купания в идеально чистой, но холодной воде.

У водопада царит прохлада. Исчезает усталость от жаркого и богатого впечатлениями дня. Сегодня воскресный день. На берегу озера расположились многочисленные любители отдыха на лоне природы — главным образом молодежь, но есть и малыши, и пожилые люди. Традиционные массовые танцы и пение наполнены задором и радостью, всегда сопутствующими человеческому счастью.

Время шло. Мы успели не только охладить в горной воде консервы и сайду (лимонад), но и дружно все это съесть и выпить. Серебряные струи водопада, цветковые переливы прозрачной озерной воды, горящие алмазами брызги над ней, шум водопада, напоминающий рокот морского прибоя, — все это давало не только большое эстетическое наслаждение, но и ощущение связи прошлых веков с сегодняшним днем. Сколько человеческих поколений находили здесь покой и отдых? Сколько поколений вновь и вновь будут благодарны природе за такие чудесные уголки, рождающие чувства, не менее прекрасные и возвышенные, чем лучшие творения человека?

Наша поездка в Кэсон, воскресив прошлое корейского народа, дала возможность острее почувствовать перемены, происходившие на наших глазах, помогла лучше оценить успехи новой Кореи.

Яркой демонстрацией этих успехов был пуск Сунхунской гидроэлектростанции, при котором мы присутствовали через несколько дней. Крупнейшая в Корее и одна из крупных ГЭС Азии была доведена до проектной мощности.

ПОЕЗДКА В АЛМАЗНЫЕ ГОРЫ

Второй год работы в Корее истек. Пора было уезжать. И тут корейские товарищи предложили нам побывать в Кымгансане — Алмазных горах. Так называется небольшая, наиболее живописная часть Восточнокорейских гор, лежащая к северу от 38-й параллели.

Корейцы считают Кымгансан гордостью своей страны. Они

говорят: «Если не видел Кымгансана, что можешь сказать о красотах природы?». И еще говорят так: «Если не видел Кымгансана, не говори, что видел Корею».

Это короткое путешествие дало нам впечатления, которых нельзя забыть. Вместе с тем поездка в Алмазные горы лишней раз дала нам возможность убедиться в том, как гостеприимен и приветлив корейский народ, как хотелось корейским друзьям, чтобы мы, советские люди, увезли с собой самые лучшие впечатления и воспоминания об их стране.

В полночь поезд отошел от платформы Пхеньянского вокзала, а утром мы уже были на восточном побережье, в Вонсане. Здесь нас ждала машина. Шофер оказался отличным гидом.

Было решено прежде всего заехать в гостиницу «Интурист» — помыться и позавтракать. Здесь кроме нас была большая группа туристов из Венгрии. Позже мы вновь встретились с ними в горах.

Из Вонсана в Алмазные горы мы выехали около полудня. До войны Вонсан был связан с Кымгансаном железной дорогой, но она была совершенно разрушена бомбежками; фактически ее нужно было строить заново. Далеко от железнодорожной насыпи лежали ржавые скрученные рельсы, как будто извивающиеся в невероятных мучениях. Это зрелище произвольно воспринималось как символ всех тех несчастий и страданий, которые принесла корейскому народу американская агрессия.

Примерно до половины пути шоссе шла параллельно разрушенной железной дороге вдоль берега Японского моря. В тихий солнечный день, какой выдался в нашу поездку, оно было очень красиво. Оно показалось нам таким же теплым, ласковым и приветливым, как наше Черное море в ясную погоду. На обратном пути мы видели его совсем иным. Но об этом речь впереди.

Машина идет по хорошо укатанному шоссе. Слева бесконечная, бездонная синяя масса воды искрится на солнце, лениво набегая на неширокую полосу песчаного пляжа. Где-то очень далеко на горизонте море исчезает в дымке, и там уже глаз не может отделить воду от неба. Справа, то удаляясь, то подходя вплотную к шоссе, тянутся цепи невысоких гор. Горы преимущественно мягких очертаний, часто они до самой вершины покрыты зарослями кустарников.

Постепенно горы становятся выше, морской берег круче, а участки с песчаным пляжем попадают реже. В море все чаще появляются скалы — одиночные и целыми группами. На некоторых растут сосны. Это — Морской Кымгансан, славящийся причудливой формой скал.

Вот шоссе начинает уходить все дальше от берега, и мы теряем

из вида море. Теперь перед нами картина, типичная для внутренних районов Кореи. Небольшие межгорные котловины разделены невысокими гребнями. Так мы и едем: вниз — котловина, вверх — перевал, снова вниз, потом вверх.

Горы в Корее невысоки. Но они всюду. Обступают со всех сторон, окружают тесным кольцом. Межгорные котловины очень похожи друг на друга. По дну долины идет дорога, обычно обсаженная пирамидальными тополями или белой акацией. Несколько небольших селений, иногда только одно. Около каждого домика несколько фруктовых деревьев, обязательно цветы, небольшой огород под овощами. Все остальное пространство горной долины занято четырехугольниками рисовых полей.

Непременный спутник корейских сел — сосны. Иногда всего две-три сосны, иногда целая рощица. Сосны невысокие, со слегка искривленными стволами и темно-зелеными зонтикообразными кронами. Эти сосновые рощицы — стражи вечного покоя и единственное украшение корейских кладбищ.

Корейцы очень любят цветы. И хотя они стремятся использовать под овощи и вообще под сельскохозяйственные культуры каждый клочок земли, всегда находится место и для цветов. Иногда домики стоят совсем рядом, и все же два-три куста хризантем цветут около каждого из них. Сельские дома побелены, как наши украинские хаты, но крыши у них черепичные, высокие, четырехскатные. Легкий изгиб выступающих наружных крыльев придает им характерную национальную форму.

Нельзя не заметить, что у всех сельских домов северная стена глухая. Это защитная мера от зимнего муссона — холодного северного ветра. Он дует компактной струей, как из трубы. И гудит, как в трубе. Проникает во все, даже невидимые, щели. В комнатах, окнах выходящих на север, в такие дни «гуляет» холодный ветер. Тогда понимаешь, что не случайно в корейских чибби северная стена глухая.

Есть еще один атрибут, неотделимый от корейского быта, и его тоже замечаешь сразу. Это высокая дымовая труба, которая поднимается прямо из земли возле каждого чибби — признак древней восточноазиатской системы отопления. Дым из кухонного очага проходит через сложный дымоход, расположенный под полом, нагревает пол и только после этого попадает в трубу. Нагретый таким способом каменный пол долго сохраняет тепло.

Нам приходилось бывать и в маленьких чибби и в новых больших домах. И всякий раз мы отмечали, что каменный пол всегда теплый. Во внутреннем благоустройстве новых домов тоже предусмотрено

это привычное для корейца удобство. Древняя система отопления сохраняется по крайней мере в одной из комнат новой квартиры. Ондоль — так называют в Корее теплый пол — обогревается дымом, идущим из кухонного очага, поэтому, как и в старых чибби, кухня в новых домах расположена примерно на метр ниже остальной части квартиры. Бывали мы и в домах, где ондоль обогревается электричеством.

Едят корейцы за маленькими круглыми столиками, которые возвышаются над полом сантиметров на тридцать. После еды столики ставят к стене (ножки складываются) на ребро. Едят палочками и почти плоскими ложками. В столовой, в ресторане подаются деревянные палочки, запечатанные в бумажный пакетик.

Научиться есть палочками — искусство, овладеть которым дано не каждому. Во всяком случае нам это не удалось. И серебряные палочки — подарок корейских друзей — для нас лишь приятный, дорогой сувенир.

..На турбазу в поселке Ончжонни — «Горячий источник» — мы приехали, когда солнце было уже низко. Вскоре оно скрылось за одной из вершин. Почти сразу сделалось непроглядно темно и очень холодно. Шерстяные вещи, предусмотрительно захваченные с собой, оказались отнюдь не лишними.

Кымгансан славится не только природой и не только памятниками старины, но и горячими радиоактивными источниками. С незапамятных времен существует традиция: по прибытии в Алмазные горы следует прежде всего совершить омовение в горячем источнике. В древности считалось, что, отправляясь в горы, человек должен очиститься от «мирской скверны», дабы сохранились в чистоте прекрасные скалы, ущелья, реки и деревья этих живописных мест.

Благотворное действие горячих источников Кымгансана мы испытали на себе. Каждый раз, возвращаясь из длительного похода, мы отправлялись на источники принимать ванну. Ощущение легкости, бодрости приходило почти сразу. Как будто не было долгого пешего пути, крутых подъемов в горы и обратного перехода на подламывающихся от усталости ногах.

На следующий день товарищи разбудили нас очень рано. Мы были бодры, веселы и вполне готовы принять новую порцию впечатлений. Как нам объяснили, очень важно было подняться высоко в горы до восхода солнца. Быстро оделись, сели в машину и отправились в путь. Было холодно. Вначале мы ничего не видели. Шофер уверенно вел машину в кромешной тьме, не включая фар. По мере подъема становилось светлее. В горные долины медленно вползал серый расцвет. Машина плавно шла по грунтовой дороге, серпантиной подни-

Алмазные горы

мающейся к перевалу. Вот и перевал. Далеко внизу мы увидели лабиринт темных горных хребтов и долины, заполненные клубами тумана. Еще дальше — жемчужное море. А из-за горизонта поднимались снопы бледного света и веером уходили в небо.

Вдруг над горизонтом появился край золотого солнца, и сразу все ожило, заиграло красками, преобразилось. Море засверкало всеми цветами радуги. Горы будто покрылись пестрыми коврами. А воздух — чистый, свежий, прозрачный — вдруг нежно заискрился, как хрусталь в подвесках зажженной люстры. Казалось, вот-вот при малейшем дуновении ветерка раздастся хрустальный звон. Стало понятно, почему эти горы называли Алмазными.

По мере того как солнце поднималось, становилось теплее, море принимало обычную окраску, туман рассеивался, воздух утрачивал алмазную игру света. Словом, обстановка становилась более реальной, и мы сами вновь приобрели способность думать о реальном — о том, что нужно подняться пешком еще выше по ущелью Холодного иня, чтобы увидеть Манмульсан — Горы десяти тысяч образов.

Мы оставляем машину на перевале и идем по ущелью. Кажется, что мы попали в высокоторную страну. С обеих сторон высятся крутые склоны, уходящие вершинами к облакам. Такое впечатление создается оттого, что ущелье очень узкое, а склоны почти отвесные, густо заросшие лесом. А ведь мы твердо знаем, что в Алмазных горах преобладают небольшие высоты, порядка 1200 метров над уровнем моря. Знаем, что самая высокая вершина — гора Пиробон — поднимается всего только на 1638 метров.

Гребни обступивших нас гор иззубрены. Вершины и скалы имеют самые разнообразные формы. В сотворенных природой скалах можно найти (в зависимости от воображения) сходство с людьми, животными и т. д. Поэтому здесь и существуют такие названия, как скалы Тигр, Лев, Медведь, Слон, Маска дьявола и многие другие. С этими скалами связаны многочисленные легенды.

Для Алмазных гор очень характерны узкие, обнаженные гребни, изобилующие зубцами, пиками, башнями, поэтому их называют еще Горами двенадцати тысяч пиков.

Вот мы на площадке, с которой открывается вид на три гигантские скалы, стоящие в ряд. Это один из наиболее популярных в Корее пейзажей. Он служит темой художникам, искусным вышивальщицам. Его можно видеть и на коробках с сигаретами. Скалы носят название Самсонам — Скалы трех небожителей. К скалам можно подняться по лестнице, выбитой в почти отвесной стене.

Вокруг величественные, фантастические горы, первозданная тишина. Необыкновенно богатая гамма красок. Со всем этим трудно рас-

статься, но у нас очень мало времени и очень большое желание увидеть как можно больше. И мы решаем вернуться на базу.

На обратном пути на одном из поворотов дороги мы остановились, чтобы умыться водой из горной речки. Путь к ней довольно сложен. Русло сплошь завалено обломками горных пород. Они красноречиво говорят о том, что эта речка, которая сейчас, осенью, так нежно журчит и так робко нащупывает среди камней дорогу к морю, превращается в период летних обильных дождей в мощный ревущий поток. Он сметает на своем пути все преграды и увлекает за собой все, что ему под силу. О том, сколь чудовищно велика может быть сила водного потока, ясно говорят размеры обломочного материала, оставленного водой на дне ущелья. Перепрыгивая с валуна на валун, осторожно обходя огромные, до блеска отполированные глыбы, достигающие четырех метров в поперечнике, добираемся наконец до воды. Очень холодная и чистая, как слеза, она обжигает руки и лицо.

Интересен маршрут к водопаду Курёнъён — Девяти драконов. Путь к нему долгий, разнообразный, подчас трудный. Вначале дорога, вернее тропа, имеет очень небольшой подъем. Мы идем лесом, одетым в золото и багрянец.

В Кымгансане смешанные леса, покрывающие склоны гор, нередко идут до самых вершин. Преобладают в них сосна, корейский кедр, дуб, граб, клен. В травяном покрове, говорят, сохранился дикий женьшень. Здесь насчитывается свыше 900 видов растений — пестрая смесь маньчжурских, уссурийских и японских форм. Здесь растения-северяне встречаются с питомцами юга. Пришельцы с севера — кедр и ели — обвиты южанками-лианами. Малина растет рядом с диким виноградом. Рис зреет по соседству с ячменем и просом. Пышный осенний наряд леса предвещает близкое увядание. И вдруг перед нами сиреневые соцветия какого-то незнакомого, совсем еще зеленого кустарника. От него веет весенней скромностью природы.

Постепенно дорога становится круче. Тропка по-прежнему идет лесом, но деревья все мельче, преобладает кустарник.

Перебираемся через водные потоки. Балансируем на узких тропочках, лепящихся к отвесным склонам. Карабкаемся на очень крутые подъемы. Когда-то вырубленные на таких участках каменные лестницы местами совершенно стертые. Но есть и очень приятные отрезки пути, когда тропа с небольшим подъемом ведет нас через густой лес.

Вот тропа обрывается у почти отвесной скалы. Мы перебираемся через новую преграду и оказываемся перед большим гранитным

проходом. Под его сводами царит полумрак. Это Кымганмун — Алмазные ворота. Миновав созданные природой ворота, мы снова оказываемся перед отвесной стеной. Рядом с ней скала Кобук, похожая на ползущую черепаху, — тоже творение природы. Дальнейший путь вдоль отвесной стены по очень узкой, выбитой человеческими руками тропочке приводит нас в ущелье с такими ровными голыми склонами, что они кажутся вырезанными ножом. Это ущелье Онню — Нефритовой струи. По дну ущелья вьется серебрястая змейка реки Оннюдон. На нее, как бусинки на нитку, нанизаны небольшие озерки. Нет сомнения, что вода чиста и холодна, как лед. Только это и заставляет отказаться от мысли выкупаться.

Образуются эти небольшие озерки там, где неровный профиль дна ущелья заставляет воду прыгать с небольших, а иногда и значительных (несколько метров) порогов. Мелководные речки и ручьи сверкают на солнце, как бриллианты чистейшей воды. В сравнительно глубоких выбоинах-озерках вода кажется совершенно зеленой, как изумруд.

Мы продолжаем наш путь. Тропа, лепящаяся к отвесной стене, приводит нас к мосту, повисшему над ущельем. Переход через этот мост дает еще одно сильное впечатление. Где-то очень далеко внизу — дно ущелья. Подвесной мост при каждом шаге как будто уходит из-под ног. Не ощущая твердой опоры, с замирающим сердцем, мы испытываем чувство полета.

Мост позади. Мы снова на тропе, выбитой на склоне ущелья. Она сразу же лестницей пошла круто вверх. Сколько людей, сколько лет трудились над ее созданием? Когда это было? Сто, двести, тысячу лет назад?

Начинаем различать глухой нарастающий шум. Мы приближаемся к самому большому водопаду Кореи — Курёнъён, или Хэнчжупхо. Эхо усиливает шум от падения воды. Постепенно он переходит в грохот. И все-таки водопад открывается нам совершенно неожиданно. К шуму мы успели привыкнуть, а дорожка идет густым лесом, скрывающим от наших глаз все, кроме кусочков лазурно-голубого неба, виднеющихся в просветах между кронами деревьев. Вдруг лес как-то сразу обрывается, и мы невольно останавливаемся. Перед нами огромный темно-серый каменный амфитеатр. Серебряный поток водопада. Изумрудно-зеленое озерко, и над ним радуга. Это лучи солнца искрятся и переливаются в облаке водяных брызг, постоянно парящем над озером.

Первое впечатление настолько велико, что на мгновение перестает слышаться прохот водопада.

Мощная струя воды низвергается с совершенно отвесной стены.

В Алмазных горах

Высота более 70 метров. Вода обрушивается в озерко, лежащее у подножия стены. Озерко, конечно, результат работы падающей воды. Глубина его считается равной 20 метрам при очень небольшой поверхности. Это скорее каменная чаша, чем озеро.

Если подойти вплотную к каменной чаше, в которую низвергается водопад, то от шума, холодного кипения огромной массы воды, облаков водяных брызг, от порывов ветра, образующихся при падении воды, вы, задержавшись на несколько мгновений дольше, чем следует, вдруг чувствуете, что земля уходит из-под ваших ног и зеленая бездна сейчас поглотит вас навеки.

На боковой отвесной стене громадного каменного амфитеатра — старинные рельефные письма. Размер иероглифов очень большой. Они отчетливо видны издали. Стена так высока и отвесна, что представляется совершенно неприступной. Когда-то, очень давно, по приказу феодалов их слуги высекали на скалах имена своих господ или сочиненные ими стихи. Каким же мастерством, ловкостью, отвагой должны были обладать люди, чьими руками выбиты эти иероглифы!

Обрушившись, разбившись на миллиарды брызг, вода бурным потоком течет дальше, создавая каскад из восьми водопадов с маленькими озерками у их подножия.

Чтобы увидеть, охватить глазом этот созданный природой каскад, надо вернуться на противоположную сторону ущелья, подняться немного вверх по нему, до подножия горы Курёнбон, и совершить трудный подъем по очень крутому склону этой горы. Здесь, у водопада, мы вновь встретились с венгерскими туристами. Вместе с ними возвращаемся к мосту. Вот он позади. Основная группа венгров отправляется в обратный путь на базу. Несколько венгров и их переводчица, очень милая, красивая кореянка, вместе с нами начинают подъем на Курёнбон. Один за другим преодолеваем совершенно отвесные участки пути. Приходится карабкаться, цепляясь за ветви деревьев и кустарников. Есть такие участки, где и уцепиться-то не за что. Здесь предусмотрительно сделаны лестницы из тонких бревен, прикрепленные к скалам железными костылями. Некоторые из них требуют ремонта.

Но вот мы поднялись до Курёндэ — Площадки девяти драконов. Отсюда, с головокружительной высоты, кажется, что очень далеко внизу в футляре из пестрого шелка лежит рассыпавшееся ожерелье. Серебряная нитка и девять изумрудов разной величины — все, что осталось от него.

С этим каскадом связано много легенд. Одна из них рассказывает о том, что 53 будды вышли из Индии и, странствуя по свету,

Морской Қымғансан

пришли к Японскому морю, где и нашли покой в храме Ючжомса³ после схватки с нападшими на них драконами. Победенные буддами девять драконов бежали. Один из них нашел себе прибежище в выбоине водопада Курёнъён, остальные поселились в восьми других озерах-выбоинах. Другая легенда говорит о том, что в этих озерах купались небожительницы, спускавшиеся с неба по радуге. Поэтому, если омыть лицо водой из этих озер, оно приобретает небесную красоту.

Когда мы добрались до машины, начало очень быстро, как и всюду в горах, смеркаться. Вспоминаем о благодатном действии местных горячих источников и сразу же едем принимать ванны. Позади еще один день, оставивший впечатления на всю жизнь.

Последним маршрутом в Кымгансане была поездка к озеру Самильпо. Оно расположено недалеко от поселка Ончжонни.

День опять выдался ясный, солнечный, теплый. Удача положительно сопутствует нам.

Машина идет по шоссе, обсаженному белой акацией. Навстречу нам попадают повозки, запряженные волами. Нагружены они овощами, кукурузой, хворостом. Идет уборка урожая и подготовка к зиме. Повозки, обычные в Корее, похожи на наши арбы. Между волом и повозкой привязана циновка из рисовой соломы. В нее собираются навоз. В Корее не пропадает ни один грамм удобрений.

Вскоре мы останавливаемся у шлагбаума. Где-то рядом, чуть южнее, начинается нейтральная зона. Офицер корейской Народной армии проверяет нашу «подорожную» и указывает путь к озеру.

Очень скоро дорога, по которой мы едем, упирается в заросли кустарников и обрывается. Оставляем машину и идем по узкой тропинке. Пройдя около километра, останавливаемся перед огромными скалами. Они образуют как бы ворота. Причудливые формы скал, их темно-серый цвет в сочетании с изящными зелеными соснами и по-осеннему богато расцвеченной лиственной растительностью создает впечатление преддверия чего-то особенного, необыкновенного. Миновав ворота, мы поднимаемся на обширную каменную площадку Чонмандэ — Наблюдательный пост.

³ Ючжомса был самым древним (впервые построен в конце IV — начале V века), но не единственным буддийским храмом в Алмазных горах.

Как нам рассказывали, буддийские храмы и монастыри расположены в самых труднодоступных уголках Алмазных гор. Они были не только историческими и архитектурными памятниками, но и украшением Кымгансана. После войны 1950—1953 годов от большинства буддийских храмов и монастырей остались лишь камни с высеченными на них иероглифами. Правительство КНДР включило их в план восстановления исторических памятников страны.

Скалы, образующие ворота, огромный утес, увенчанный почти идеально ровной площадкой, — все это результат выветривания крупнозернистых гранитов, из которых слагаются отроги Алмазных гор. Отроги идут и дальше, в море, образуя скалистые выступы береговой линии длиной до километра.

С площадки Чонмандэ открывается вид на озеро Самильпхо и далекую панораму Морскую Кымгансана. Вода в озере в это тихое утро была лазурно-голубой и идеально прозрачной. В ней, как в зеркале, отражались почти сплошь заросшие кустарником и соснами невысокие скалы, обрамляющие озеро с северо-запада. Купалось в озере и отражение причудливых скал, подходящих с юга. Середина озера занята скалистым островом. С северной стороны остров, как и озеро, окаймлен неширокой полосой золотистого песка. Остров носит поэтическое название — Плывущая скала. Вдали, за озером, простирается прибрежная, подернутая сединой равнина. Она прорезана голубоватой лентой реки, несущей свои воды в море. Еще дальше — бескрайние, жемчужно-серые просторы моря и темные скалы Морского Кымгансана.

«Самильпхо» — значит «Озеро трех дней». Название это связано с легендой о том, что четыре небожительницы катались по озеру, были зачарованы прекрасной природой и оставались здесь три дня. В память об их пребывании на острове Плывущая скала был сооружен Сасончжон — Павильон четырех фей.

Время, которым мы располагали, истекает, нам пора возвращаться. В поселке Ончжонни заходим в магазинчик, торгующий сувенирами. Здесь большой выбор изделий из дерева. Покупаем круглые коробочки и пепельницу. На пепельнице в виде отделки оставлена кора. Она похожа на кору нашей березы, только не такая белая. И еще покупаем оригинальные пейзажи — виды Кымгансана. Скалы этих пейзажей сделаны из коры деревьев, растительность — из мха, а небо и море нарисованы очень яркими красками.

Теперь на базу. Благодарим за радушный прием, за приглашение приехать еще раз, за пожелания счастливого пути. Отправляемся в Вонсан.

Примерно на полдороге погода резко изменилась. С моря подул сильный холодный ветер. Поползли черные низкие тучи. Море стало кубово-синим. По его поверхности побежали белые барашки. Не прошло и получаса, как море приобрело грозно-черный цвет со свинцовым отливом. Волны, с грохотом разбиваясь о прибрежные скалы, откатывались обратно, чтобы через несколько секунд вновь яростно обрушиться на каменные утесы, нанося, подобно резцу скульптора, новые штрихи и детали на свои творения.

Сейчас, на обратном пути, море было справа, а слева — горы, казавшиеся невысокими и безобидными в хорошую погоду, а теперь вдруг ставшие мрачными и грозными от повисших на их вершинах черных туч. Несколько раз принимался накрапывать дождь.

По мере приближения к Вонсану ветер становился менее резким, а порывы его все более редкими. На море улеглась ветровая волна, ее сменила монотонная, унылая зыбь. Черные тучи стали рваться на большие и малые клочья, а скоро и совсем исчезли, обнажив серое небо. Когда мы подъезжали к Вонсану, серенькое небо посылало на землю морозящий дождичек, вскоре совершенно прекратившийся.

Вонсан. Оживленные улицы. Широкие проспекты. Сотни новых домов. Очень много строительных площадок. Город поднимался из пепла, чтобы вновь стать восточными морскими воротами Народно-Демократической Кореи. Шофер-вонсанец говорит, что, когда отгремел последний орудийный залп, здесь не было ничего, сплошной пустырь. Американские самолеты и пушки военно-морского флота сравнивали город с землей, забросав его бомбами и снарядами.

Проехав через весь город, мы вышли на вонсанский пляж Сондовон. С пляжа бухта Ёнхынман, на берегу которой расположен Вонсан, кажется почти овальной. Длинная ось ее вытянута параллельно берегу. Такое впечатление создается оттого, что бухта, мягко врезающаяся в береговую линию, окаймлена мысом и множеством мелких островов и скал, идущих далеко в море. Бухта Ёнхынман — прекрасная гавань, доступная океанским судам.

Серо-синяя вода залива мерно набегают на песчаный берег, время от времени выбрасывая что-нибудь к нашим ногам — то морского ежа, то морскую звезду, то водоросль. Там, где кончается пляж, начинается своеобразно красивая сосновая роща. Она вытянута параллельно линии берега. Сосны невысокие, кроны раскидистые, стволы слегка искривленные и все наклонены в одном направлении, в направлении господствующих ветров. Сквозь ажурно-прозрачную рощу проступают темные контуры гор, амфитеатром окружающих город. В хорошую погоду прекрасный песчаный пляж и сосновая роща на берегу тихой лазурной бухты привлекают не только жителей Вонсана. Отдыхающие съезжаются в этот курортный город со всех концов республики. А сейчас здесь только мы да парочка влюбленных, сидящих у самой воды.

Вонсан привлекает отдыхающих и как живописный уголок, и как место приятных морских купаний, и как отличный климатический курорт. Сухие теплые ветры-фёны, дующие с прибрежных гор в сторону моря во все сезоны года, улучшают климат восточного побе-

режья Кореи. Особенно в районе Вонсана. Зима на восточном побережье на 1—4 градуса теплее, чем на западном, где фёны отсутствуют. Летом фёны сильно снижают влажность воздуха. Благодаря их влиянию в Вонсане можно отдохнуть от влажной духоты, царящей на Корейском полуострове. Золотая, теплая корейская осень особенно хороша в Вонсане. Тоже благодаря фёнам.

Долго стояли мы на берегу залива. Неожиданно, когда мы уже собрались уходить, проглянуло вечернее солнце. Воды морского залива сразу окрасились в палево-сиреневые, очень мягкие тона, придавшие бухте особенную прелесть. Несколько парусных рыбачьих лодок дополняло и оживляло картину. К сожалению, время не позволяло нам пробыть здесь дольше. Надо было ехать на вокзал. До отхода поезда времени оставалось в обрез.

Рано утром на следующий день наш поезд прибыл в Пхеньян. И за завтраком мы с увлечением рассказывали соотечественникам о впечатлениях от поездки в эту прекрасную горную страну.

На другой день мы уже сидели в поезде, уносившем нас на север, домой.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Н. Г. Лебедев. Заря свободы над Кореей	13
М. А. Бабилов. Морские разведчики	52
Г. В. Терновский. Освобождение портов Северной Кореи	90
Б. В. Щетинин. Власть — народу	119
В. С. Латов. Мужество народа Кореи	147
М. Г. Бочин. Братское сотрудничество	180
В. С. Замахаев, Н. В. Пучкова. Глазами друга	200

ВО ИМЯ ДРУЖБЫ С НАРОДОМ КОРЕИ
Воспоминания и статьи

*Утверждено к печати
Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР*

*

Редактор *И. С. Кливанская*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректор *Р. П. Основат*

*

Сдано в набор 2/VII 1965 г.
Подписано к печати 14/IX 1965 г.
А-12514. Формат 70×93¹/₁₆.
Печ. л. 14,5. Усл. печ. л. 16,96.
Уч.-изд. л. 13,66. Тираж 1400 экз.
Изд. № 1467. Зак. № 1221.
1-11-2

Индекс 1656-65

Цена 1 р. 07 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

ВЫХОДЯТ В СВЕТ КНИГИ:

Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова, 1618—1658 гг.). 12 л.

Ильина И. А. Японский капитал на азиатских рынках. 6 л.

Ким Г. Ф. Рабочий класс Кореи. 28 л.

«Корея: Север и Юг». 18 л.

Рамзес В. Б. Мелкие и средние предприятия в послевоенной Японии. 9 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов, потребкооперации и «Академкнига», а также по адресу: Москва, Б. Черкасский пер., 2/20, контора «Академкнига».